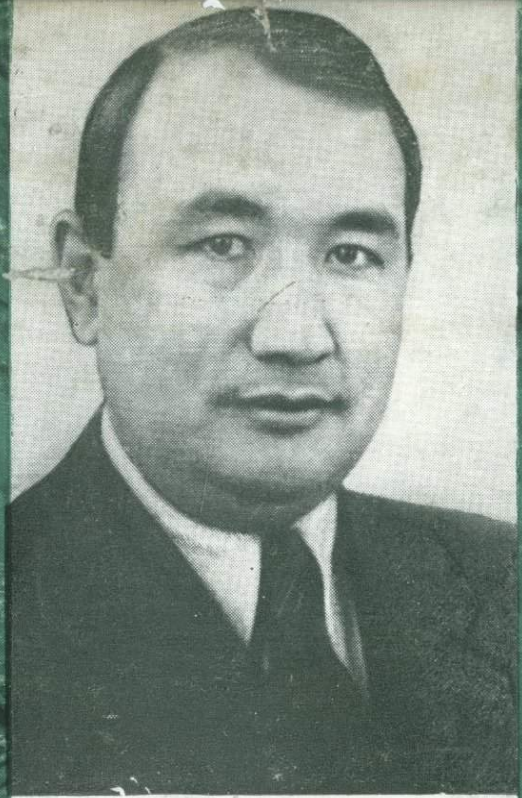

ХАБИБ
МУХАМЕДОВИЧ

АБДУЛЛАЕВ

ЖИЗНЬ
И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Светлой памяти славного сына узбекского народа — Хабиба Абдуллаева посвящаются настоящие воспоминания. В числе авторов известные ученые — академики, доктора наук, профессора, специалисты-геологи, близкие друзья и родственники Хабиба Мухамедовича.

Страница за страницей повествуют о сравнительно недолгой жизни этого большого по своей общественной значимости человека, внесшего огромный вклад в развитие наук в Узбекистане, в частности в геологическую науку.

Жизнь и деятельность Х. М. Абдуллаева — достойный пример для подражания. Сборник воспоминаний о нем — документальное доказательство этому.

L. Aurioles Jr.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ГЕОЛОГИИ И ГЕОФИЗИКИ им. Х. М. АБДУЛЛАЕВА

55(092)

ХАБИБ МУХАМЕДОВИЧ АБДУЛЛАЕВ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

481

Ташкент. 1972

УДК 55(092)

Редакционная коллегия:

акад. АН УзССР А. М. АКРАМХОДЖАЕВ, Ф. К. АБДУЛЛАЕВА, член-корр. АН УзССР Х. Н. БАЙМУХАМЕДОВ, В. Г. ГАРЬКОВЕЦ, акад. АН УзССР Г. А. МАВЛЯНОВ (ответственный редактор), канд. геол.-мин. наук Т. М. МАЦОКИНА-ВОРОНИЧ (зам. ответственного редактора), канд. геол.-мин. наук Р. А. МУСИН, член-корр. АН УзССР И. Х. ХАМРАБАЕВ.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Жизнь и деятельность талантливого ученого, государственного деятеля, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента АН СССР, академика АН УзССР, профессора Х. М. Абдуллаева — пример воплощения в жизнь идей основателя первого в мире социалистического государства В. И. Ленина о равноправии народов и мудрой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Выходец из рядовой крестьянской семьи, Х. М. Абдуллаев, благодаря трудолюбию и глубокому пониманию политических и народнохозяйственных задач, стоящих перед страной, в короткое время выдвинулся в ряды крупнейших ученых нашей Родины, заслужил всеобщее признание.

Вся его жизнь — образец беззаветного служения народу, родине, образец удачного сочетания таланта ученого и государственного деятеля.

Книга воспоминаний посвящается 60-летию со дня рождения и 10-летию со дня смерти Х. М. Абдуллаева. Она знакомит читателя с некоторыми сторонами жизни и многогранной деятельности Х. М. Абдуллаева, методикой его научной работы, особенностями характера, общения с людьми.

Хабиб Мухамедович был широко известным человеком. Поделиться своими воспоминаниями о нем выразило желание большое количество людей из разных городов нашей страны. К сожалению, мы не смогли включить в сборник весь материал; отобрана лишь часть статей, с нашей точки зрения наиболее полно характеризующих Хабиба Мухамедовича.

Редколлегия благодарит всех приславших рукописи и выражает надежду, что творческой деятельности такого ученого, как Хабиб Мухамедович Абдуллаев, будет посвящено еще немало работ, ибо с его именем связан целый период в развитии науки и производительных сил Узбекистана.

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ХАБИБ АБДУЛЛАЕВ

Талантливый сын узбекского народа Хабиб Абдуллаев родился 31 августа 1912 года в семье крестьянина Абдуллы Мирмухамед-оглы. Отец был образованным и прогрессивным для своего времени человеком, пользовался авторитетом у односельчан, избирался амином (староста селения) кишлака Араван, расположенного вблизи города Ош. Он защищал интересы и права дехкан, помогал людям по мере сил. Разумеется, такой авторитетный в крестьянской среде человек, не ладивший зачастую с правителями области, не мог долгое время оставаться старостой. Он вынужден был переехать в Ош. После Великой Октябрьской социалистической революции Абдулла Мирмухамед-оглы работал управляющим конторой заготхлопка, участвовал в подавлении басмаческих банд. Раны, полученные в боях, подорвали здоровье Абдуллы, и в 1924 г. он умер. Хабибулле в это время было 12 лет. Малолетний Хабиб начал работать по найму у зажиточных крестьян. Рабочую закалку он получил, когда поступил на гренажный завод. Здесь его приняли в комсомол. Здесь он повел активную просветительную работу среди рабочей и батрацкой молодежи.

Старшие товарищи по заводу, комсомолу высоко оценили организаторские способности молодого Хабибуллы и преданность делу строительства нового общества. В феврале 1929 г. он избирается членом бюро Ош-Араванского комсомола и переходит на руководящую комсомольскую работу в райком. Одновременно Хабибулла учится в вечерней школе-семилетке и за четыре года (1926—1930) заканчивает ее.

В июле 1930 года решением Ошского Обкома комсомола Х. Абдуллаев направляется на подготовительные курсы при Среднеазиатском государственном университете (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина). За три месяца он успешно заканчивает курсы и в октябре 1930 года поступает в Среднеазиатский геологоразведочный институт (ныне геологоразведочный факультет ТашПИ).

Энергичный юноша быстро завоевывает авторитет среди студентов. Он избирается секретарем комсомольского бюро института, где со свойственной ему энергией и принципиальностью руководит молодежью, решает сложные и актуальные задачи студенческой жизни.

Большую общественную работу Хабибулла Абдуллаев сочетает с учебой. С первых же дней Хабиба увлекла геология, которая и стала его путеводной звездой. В 1935 г. он получает звание инженера-геолога.

Х. М. Абдуллаев среди членов бюро КСМ Среднеазиатского индустриального института, 1934 г.

После окончания вуза Х. М. Абдуллаев назначается начальником одной из полевых геологоразведочных партий «Средазгеолтреста». Завершив первый полевой сезон, он поступает в аспирантуру на кафедру полезных ископаемых профессора Е. Е. Захарова в Московский геологоразведочный институт (МГРИ).

Одновременно Х. М. Абдуллаев работает начальником партии по изучению Лянгарского месторождения. В 1939 году он успешно защищает диссертацию на тему «Геология и генезис Лянгарского вольфрамового месторождения».

В эти годы Х. М. Абдуллаев совместно с Г. А. Мавляновым, Н. А. Кенесариным, А. Б. Баталовым и другими молодыми специалистами, направленными из Узбекистана в Москву, упорно

занимается наукой, жадно впитывает передаваемые ему ведущими учеными нашей страны опыт и знания.

После защиты диссертации он работает ассистентом кафедры в Москве, приобретает педагогический опыт. В 1940 году решением Всесоюзного комитета высшего образования СССР его направляют в Ташкент на должность доцента кафедры полезных ископаемых горного факультета Среднеазиатского индустриального института. Именно здесь ощущался в то время острый недостаток в высококвалифицированных кадрах.

В Ташкенте Хабиб Абдуллаев полюбил девушку, Фатиму, которая была одной из немногих узбечек, получивших в то время высшее образование. Она работала стоматологом в поликлинике. Их свадебный вечер, состоявшийся 31 августа 1940 года, совпал с днем рождения жениха, и торжество оказалось двойным. В этот день родилась новая дружная семья.

У Хабиба Мухамедовича и Фатимы Кабуловны в 1942 году родился сын Пулат, ныне дипломатический сотрудник Министерства иностранных дел СССР. Два года спустя появилась дочь Рано — сейчас аспирант-филолог. В 1948 году родился младший сын Рустам, который пошел по стопам отца: он поступил в 1966 году на геологоразведочный факультет ТашПИ.

Но вернемся назад. В 1941 году Х. М. Абдуллаева принимают в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Через несколько месяцев он назначается директором Среднеазиатского политехнического института, затем — заведующим промотделом ЦК КП Узбекистана. В тяжелые годы Великой Отечественной войны партия и правительство республики поручают Х. М. Абдуллаеву большую государственную работу — он становится заместителем председателя Совета Министров Узбекской ССР, а с 1944 г. одновременно председателем Госплана. Хабиб Мухамедович проявляет большие организаторские способности, отдает все силы подъему народного хозяйства страны, мобилизации всех ресурсов для повышения обороноспособности нашей Родины, созданию новых промышленных объектов, быстрейшему пуску многих предприятий, эвакуированных в Ташкент.

Особенно заботится он как геолог об открытии и эксплуатации новых месторождений стратегического сырья. Этому способствовало сосредоточение в Ташкенте главных штабов многих геологических и горнодобывающих учреждений среднеазиатского масштаба.

В годы войны при непосредственном участии Х. М. Абдуллаева создается первенец черной металлургии Узбекистана — Бекабадский завод. Очень много внимания он уделяет удовлетворению нужд Советской Армии, вносит большой вклад в организацию особой Узбекской дивизии, делает все необходимое во имя ускорения победы над фашистскими захватчиками.

За большие заслуги в обеспечении фронта и тыла необходимыми ресурсами партия и правительство Советского Союза награждают Х. М. Абдуллаева орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Занимая ответственный государственный пост в правительстве Узбекской республики, Х. М. Абдуллаев не прекращает научной и педагогической деятельности. В 1943 году он избирается членом-корреспондентом АН УзССР, а в 1946 году защищает докторскую диссертацию на тему «Шеелитоносные скарны Средней Азии». В этом же году Х. М. Абдуллаев избирается действительным членом Академии наук республики, становится вице-президентом и одновременно директором Геологического института.

Х. М. Абдуллаев среди родных и близких, 1938 г.

Поистине титаническая научная деятельность Х. М. Абдуллаева в основном направлена на разрешение актуальной проблемы рудогенеза. Этой проблеме уделяли огромное внимание наши выдающиеся ученые — основоположники исследований рудных месторождений — В. А. Обручев, С. С. Смирнов, Ю. А. Билибин, Д. С. Коржинский, В. И. Смирнов и другие. Детальное изучение Х. М. Абдуллаевым скарново-рудных месторождений сыграло большую роль в развитии горной промышленности Средней Азии, внесло весомый вклад в разработку очень спорных в то время теоретических вопросов рудообразования.

В скарнах Х. М. Абдуллаев увидел связующее звено между процессами магматизма и эндогенного рудообразования, доказал закономерную связь этих геологических образований — магматических пород и руд эндогенного характера.

Академик В. А. Обручев в отзыве на монографию Х. М. Абдуллаева «Шеелитоносные скарны Средней Азии» (1947 г.) ука-

Х. М. Абдуллаев—доцент геофака САИИ, 1940 г.

зывал, что она является крупной работой, обобщающей главные геолого-минералогические сведения о скарново-рудных образованиях такой шеелитоносной провинции, как Средняя Азия.

В монографии, помимо результатов детальных исследований скарново-рудных образований Западного Узбекистана, Гиссаро-Зарафшанской горной системы, отражены главнейшие итоги изучения шеелитоносных скарнов других районов Средней Азии. Х. М. Абдуллаев глубоко проанализировал и подытожил многие научные исследования в этой области, результаты которых изложены в работах Н. А. Смолянинова, Б. А. Баскина, В. М. Бирюкова, Н. В. Нечелюстова, В. Э. Пояркова, Н. Д. Ушакова, Д. Д. Мотина, В. С. Мясникова, А. Н. Енгалычева, А. Б. Баталова и др. (по Западному Узбекистану и Кураме); А. Б. Габелко, А. В. Пуркина, Р. А. Мусина, М. Д. Троянова (по Алаю); В. М. Бирюкова, К. Л. Бабаева, В. Н. Гавриловой, Я. Г. Тер-Оганесова, М. М. Карпова (по Алатау); Б. Н. Наследова, П. П. Чуенко, А. В. Москвина, И. Г. Магакьяна, В. М. Цветкова и др. (по Зарафшано-Гиссарской системе). Основные выводы, сделан-

ные Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым в монографии и касающиеся процессов скарнообразования и связанного с ним оруденения, их классификации, легли в основу последующих исследований. Теоретические положения автора, а также практические рекомендации позволили сделать вывод, что Средняя Азия является крупной провинцией шеелитоносных скарнов, помогли обнаружить ряд новых объектов всесоюзного значения.

В 1949 г. под редакцией академика Д. С. Белянкина выходит монография Х. М. Абдуллаева «Очерк металлогении Средней Азии», где освещаются условия формирования и размещения месторождений железа, вольфрама и олова. Выполненные в Западном Узбекистане работы, результаты которых позволили установить закономерности образования и размещения месторождений полезных ископаемых, а также определить роль гранитоидов в гидротермальном рудообразовании, явились серьезным вкладом в геологическое оформление этого района как нового горнопромышленного узла. В Западном Узбекистане возникли вольфрамовые рудники — Лянгар, Ингички и Койташ, графитовый — Тазгазган.

Все это способствовало росту научных кадров геологов, а также созданию петролого-металлогенического направления в системе АН УзССР, в вузах и Министерстве геологии УзССР. В результате были открыты новые месторождения типа Мурунтау и ряд других.

Материалы, собранные Х. М. Абдуллаевым и его научными сотрудниками, специалистами геологии, послужили основанием для создания крупных монографических работ, внесших значительный вклад в теорию рудообразования и металлогении. Центральный вопрос всех этих исследований — установление роли гранитоидных интрузий в гидротермальном рудообразовании.

В 1950 году в Ташкенте Х. М. Абдуллаевым была опубликована книга «Генетическая связь оруденения с интрузиями», переизданная в 1954 г. в Москве. Монография вызвала оживленную длительную дискуссию.

Автор подверг глубочайшему научному анализу следующие вопросы: установление взаимосвязи тектогенеза, магматизма и рудообразования;

выявление генетической связи постмагматического оруденения с гранитоидными интрузиями;

определение роли ассимиляционных процессов в петрохимической специализации гранитной магмы и постмагматических растворов.

В результате была выдвинута концепция металлогенической ассимиляционной специализации магмы и постмагматических растворов, а также рассмотрены принципы классификации рудных месторождений, вытекающие из гипотезы о металлогенической специализации магмы.

В 1957 году в Москве вышла в свет четвертая монография Х. М. Абдуллаева «Дайки и оруденение», также посвященная проблеме генетической связи оруденения с интрузиями.

В ней описаны типы дайковых образований и их отношение к рудным месторождениям, намечены контуры связи рудо- и дайкообразования с магматической деятельностью и различными формами ее проявления.

На основании новых данных по дайкам и малым интрузиям внесены уточнения в концепцию об ассимиляционной специализации магмы и постмагматических растворов.

Все это имело не только большое теоретическое значение, но вскоре нашло практическое применение.

Х. М. Абдуллаев—зам. пред. Совнаркома УзССР, председатель Госплана УзССР, 1942 г.

В 1958 году появляется монография «Основные черты магматизма и металлогении Чаткало-Кураминских гор». Она явилась результатом пятилетних исследований, проведенных петролого-металлогенической группой Министерства геологии УзССР и Института геологии АН УзССР под руководством Х. М. Абдуллаева. В работе освещались новые данные и обобщались все известные ранее материалы по магматизму и металлогении одного из перспективных регионов Средней Азии. Этот труд лег в основу проводимых в последующие годы прогнозно-металлогенических исследований.

В 1960 году Х. М. Абдуллаев опубликовал работу «Магматизм и металлогения Средней Азии». В ней проанализирован и обобщен огромный материал, накопленный многими производственными и научными учреждениями Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. Книга отражала состояние изученности магматизма и металлогении, определяла недоработанные вопросы, что помогло значительно облегчить выбор дальнейшего направления геологических исследований в области петрологии и металлогении.

Начиная с 1958 года Х. М. Абдуллаев работает над выделением и классификацией рудно-петрографических провинций. В 1958—1961 годах он опубликовал ряд статей по этой проблеме и подготовил монографию, которая в окончательном виде издана

посмертно под редакцией академика В. И. Смирнова. В ней дан глубокий анализ геологических, геотектонических, металлогенических особенностей отдельных территорий, предложены принципы выделения и классификации структурно-геологических зон, рудно-петрографических провинций и рудных районов. Получили дальнейшее развитие представления о петрометаллогенических рядах. Новый труд способствовал дальнейшему уточнению известных схем тектонического и металлогенического районирования территорий и приближению их к поисково-разведочной практике.

Х. М. Абдуллаев неустанно стремился тесно связать самые разнообразные проблемы современной геологии с основной проблемой — проблемой рудообразования, разработать научные основы поисков полезных ископаемых.

Х. М. Абдуллаев обладал широкой эрудицией, проницательным умом, быстро и точно ориентировался во множестве сложных вопросов, мобилизовывал научных сотрудников, целые коллективы на выполнение ответственных заданий. Х. М. Абдуллаев постоянно консультировал производственные, научные геологические организации Узбекистана и братских республик Средней Азии в разработке главнейших направлений геологических исследований.

Большие успехи геологической науки и практики в республике тесно связаны с деятельностью Х. М. Абдуллаева. По его инициативе на базе Геологического института АН УзССР, ныне носящего его имя, организовано четыре крупных научных учреждения: Институт геологии и геофизики, Институт геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, Институт гидрологии и инженерной геологии и Среднеазиатский институт геологии и минерального сырья.

В этих институтах, по его инициативе развивались прогрессивные направления, рождались новые идеи, решались актуальные проблемы геологии. Х. М. Абдуллаевым создана первая металлогеническая школа, объединившая большую группу геологов, начавших плодотворные исследования в различных регионах Средней Азии.

С 1952 по 1955 год Х. М. Абдуллаев работает председателем отделения геолого-химических наук АН УзССР, затем до октября 1956 г. он — заместитель председателя Совета Министров УзССР. С 1956 по 1962 год Х. М. Абдуллаев — президент АН УзССР.

Хабиб Мухамедович вел большую научно-общественную работу. Он был председателем Совета научно-технических обществ (1947—1948 гг.), председателем Совета по координации при АН УзССР (1947—1960 гг.), председателем Узбекистанского отделения Всесоюзного минералогического общества (1950—1962 гг.), председателем Государственной квалификационной комиссии при геологоразведочном факультете ТашПИ (1942—1962 гг.), председателем Республиканского комитета по Ленинским преми-

481

2—195

Х. М. Абдуллаев среди солдат и офицеров Узбекской дивизии. Рядом с ним (справа) генерал-майор Сабир Рахимов, 1942 г.

ям в области науки и техники (1959—1962 гг.) и членом комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР. Он был избран действительным членом Французского геологического общества (1960 г.) и действительным членом Минералогического общества Великобритании (1960 г.).

Х. М. Абдуллаев избирался депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Верховного Совета УзССР, членом ЦК компартии Узбекистана, членом РК КПУз, делегатом XXI съезда КПСС, делегатом съездов Компартии Узбекистана. Он проводил разностороннюю организационную работу по созыву различных научных сессий, совещаний в Москве, Ташкенте, Алма-Ате, Киеве и других городах страны. Был участником Международных геологических конгрессов в Мехико (1950 г.) и Копенгагене (1961 г.).

Широкой известностью среди научной общественности пользуются монографии, брошюры, статьи Х. М. Абдуллаева, посвященные вопросам истории, итогам и направлениям развития науки, техники, народного хозяйства, культуры республики, изданные на русском и узбекском языках. Все они вошли в полное собрание его сочинений в семи томах, которое подготовлено и выпущено издательством «Фан» после смерти Хибиба Мухамедовича, в 1964—1969 годах. В числе многих указанных произведений следует назвать его книги — «Советский Узбекистан» (социально-экономический очерк; 1949 г.), «Богатства недр Узбекистана на службе социализма» (1949 г.), «40 лет советской науки» (1958 г.); статьи — «Политические и научные знания в массы» (1948 г.), «Задачи научно-технических обществ Узбекистана» (1952 г.), «За расцвет народного хозяйства и культуры Узбекистана» (1952 г.), «Овладевайте научными знаниями» (1959 г.), «Во имя прогресса и счастья человечества» (1959 г.). В седьмой, последний том сочинений вошли также доклады, речи, интервью Хабиба Мухамедовича по различным вопросам развития науки и техники, народного хозяйства республики.

Будучи вице-президентом, а затем президентом АН УзССР, Х. М. Абдуллаев сумел коренным образом перестроить работу Академии, улучшить ее деятельность. Быстрый рост Академии, укрепление ее квалифицированными кадрами ученых, создание ряда новых прогрессивных научных направлений, институтов, лабораторий — результат упорного труда Х. М. Абдуллаева. Прямая заслуга Х. М. Абдуллаева, например, в том, что в системе АН УзССР был организован крупный научный центр — Институт ядерной физики с атомным реактором, являющимся гордостью республики.

Знакомясь с личным архивом Х. М. Абдуллаева, с воспоминаниями его коллег, друзей, убеждаемся в широте его интересов. В архиве хранятся письма крупнейших советских и зарубежных ученых. Особенно часто Хабиб Мухамедович переписывался с академиками В. А. Обручевым, С. С. Смирновым, Д. С. Бе-

лянкиным, В. А. Николаевым, В. И. Смирновым, Ю. А. Билибиным и другими. Здесь же переписка с Яном Кутиной из Чехословакии, с Аленом М. Б. Бетманом из США, с К. Ф. Девидсоном из Шотландии и многими другими.

Х. М. Абдуллаев вел большую педагогическую работу. Помимо обучения аспирантов в геологических институтах Академии наук УзССР и вузах он вел курсы лекций по металлогении

Х. М. Абдуллаев среди ученых Узбекистана.

на геологоразведочном факультете Ташкентского политехнического института. Здесь он создал первую в стране кафедру металлогении и петрологии.

Многое сделано Х. М. Абдуллаевым для совершенствования научных изданий. Он редактировал монографии, научные и научно-популярные журналы, был председателем редсовета Академии наук УзССР, главным редактором геологической серии «Известия АН УзССР» и «Записок Узбекистанского отделения Всесоюзного минералогического общества», членом редколлегии журнала «Советская геология» (орган Министерства геологии и охраны недр СССР), членом редколлегии журнала «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь»).

Партия и правительство, научная общественность страны высоко оценили самоотверженную плодотворную работу Х. М. Аб-

дуллаева. Он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной звезды, орденом «Знак почета» и малой Золотой медалью ВДНХ.

Х. М. Абдуллаеву присуждено звание лауреата Ленинской премии.

20 июня 1962 года, накануне пятидесятилетия, перестало биться сердце этого замечательного человека. Он ушел от нас в расцвете творческих сил. Весть о кончине Х. М. Абдуллаева потрясла трудящихся Узбекской республики, деятелей науки всей Средней Азии, Казахстана, Москвы, Ленинграда и многих других городов страны.

На похороны Хабиба Мухамедовича Абдуллаева приехали представители различных организаций, обществ, поступили многочисленные телеграммы с выражением соболезнования. Десятки тысяч жителей Ташкента вышли проводить в последний путь большого ученого, замечательного человека.

Г. А. Мавлянов, Х. Н. Баймухамедов,
Р. А. Мусин, Т. М. Мацокина-Воронич.

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Наливкин

Академик АН СССР

СЫН НАРОДА — ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ

Народы Средней Азии имеют древнюю и высокую культуру. Они дали человечеству выдающихся ученых, архитекторов, писателей и поэтов. Однако многовековый тяжкий гнет ханов, эмиров, беков надолго задержал развитие народных масс. Каждый человек, чем-нибудь выделившийся, могущий стать соперником и врагом правящей клики, немедленно и безжалостно уничтожался.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла долгожданное освобождение. Выдающимся людям из народа теперь предоставляются все возможности для полного развития. С каждым годом таких людей становится все больше. Растут и развиваются духовно люди. Завершился процесс становления среднеазиатских республик, увеличилось количество научных учреждений, созданы Академии наук.

Число высококвалифицированных специалистов и ученых местных национальностей сейчас измеряется многими сотнями и тысячами. Но ведущих ученых, выдающихся организаторов науки значительно меньше. И это закономерно: сочетание таланта с великолепными организаторскими способностями — явление редкое. В геологии ведущие места занимали только двое: Каныш Имантаевич Сатпаев и Хабиб Мухамедович Абдуллаев. Оба, начав работу с простых коллекторов, стали академиками, а затем президентами Академии наук.

С Хабибом Мухамедовичем я познакомился очень давно, в начале тридцатых годов. В это время в Средней Азии работала известная Таджикско-Памирская экспедиция, создавшая целую эпоху в изучении геологии Средней Азии. Мне пришлось руководить геологической группой экспедиции. В состав группы входило несколько партий. Знакомясь с людьми, я обратил внимание на молодого студента-узбека, работавшего коллектором. Паренек невысокого роста, крепко сложен, веселый, энергичный, с открытым лицом.

Я спросил у начальника партии, что представляет собой Абдуллаев. Тот ответил: «Парень, что надо, хорошо работает, молодец. А самое главное — очень геологией интересуется, все хочет знать, да поскорее». В конце лета опять справился о студенте. И начальник партии, и другие ведущие сотрудники группы дали самые хорошие отзывы об Абдуллаеве. Думаю, надо поддержать парня, помочь его росту как специалиста, как будущего ученого.

Но, откровенно говоря, в особой поддержке Абдуллаев не нуждался. У него была очень сильная воля, он был настойчив и полон любви к делу. Он сам двигался вперед, сам пробивал себе дорогу.

Естественно возникает вопрос, как, будучи сравнительно молодым, Абдуллаев сумел добиться уважения ведущих ученых и был избран академиком? Ответ на этот вопрос находим в настоящем сборнике воспоминаний: по делам и почет и слава.

Я не хочу сказать, что путь в академики у Хабиба Мухамедовича был устлан розами. Часто говорят: «Академики обладают необыкновенными, поражающими способностями». Это неверно. Такие гении, как Вернадский, Федоров, Карпинский, Ферсман крайне редки. Как правило, академики это люди довольно талантливые. Отличался своим талантом ученого и Хабиб Мухамедович. Но академиком он стал не только поэтому. Очень большое значение имело его умение применить свои способности к делу, выбрать нужную, важную, актуальную тему, довести ее до конца. Энергия Хабиба Мухамедовича, настойчивость, порой бесстрашие в делах науки сыграли свою роль. Он не боялся никаких препятствий, шел к цели прямым и самым трудным путем, не оставляя ни лазеек, ни тропинок для отступления.

Его идеи, положения и выводы иногда вызывали взрыв возмущения у специалистов. Но Х. М. Абдуллаева это не смущало. Он верил в свою правоту и умел блестяще доказать ее. Успех дался не сразу. Пришлось много и тяжело работать. И нужная высота была достигнута. Его заслуженно избрали действительным членом Академии наук Узбекской ССР, а затем членом-корреспондентом Академии наук СССР.

К сожалению, пусть не часто, но встречаются некоторые ученые, которые став академиками, прекращают дальнейшую научную работу, как говорится почивают на лаврах. Я иногда спрашивал, отчего так получается? Мне отвечали: «А зачем работать дальше, выше академика нет ничего. Значит и нет смысла утруждать себя».

А вот Хабибу Мухамедовичу такие мысли не приходили в голову. Без кипучей творческой работы он просто не мог жить. Став академиком, он продолжал научную работу, много занимался организационными делами: создавал новые геологические институты, отделы, лаборатории, кафедры, заботился об интенсивном росте научных кадров в республике.

Выдающаяся организаторская и научная работа Хабиба Мухамедовича получила должную оценку — он был избран президентом Академии наук УзССР. На этом посту он продолжал свою разностороннюю и кипучую деятельность. Количество работы с каждым годом увеличивалось, и Хабиб Мухамедович не рассчитал своих физических сил. Он буквально сгорел на работе.

Это очень тяжелая утрата. Преждевременно, в расцвете творческих сил ушел из жизни талантливейший человек, большой ученый, государственный деятель.

Д. Коржинский

Академик АН СССР

ОБЩЕПРИЗНАННЫЙ УЧЕНЫЙ

С Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым я познакомился в середине сороковых годов, в одну из моих поездок в Среднюю Азию, и с тех пор неоднократно встречался с ним. С благодарностью вспоминаю я ту товарищескую помощь, которую он оказывал всем геологам, приезжавшим в Среднюю Азию. Х. М. Абдуллаев был первым крупным узбекским ученым, во всяком случае, первым крупным геологом, получившим признание не только у нас, но и за рубежом.

Трудовую деятельность ему пришлось начать в очень раннем возрасте — с 11 лет. После успешного окончания вуза и аспирантуры в Московском геолого-разведочном институте он благодаря своим выдающимся и разносторонним способностям стал очень быстро продвигаться по служебной лестнице. Однако научную работу Хабиб Мухамедович не прерывал ни при каких обстоятельствах.

До самого конца жизни Х. М. Абдуллаев расширял свой научный кругозор, развивал и пересматривал выдвинутые им представления и гипотезы. Так, в его известной монографии «Генетическая связь оруденения с интрузиями» (1950) упор был сделан на связь рудных месторождений с гранитоидными массивами. Эта книга вызвала оживленные дискуссии, в частности, автора упрекали в недооценке роли малых интрузий и даек в оруденении. Хабиб Мухамедович учел эти возражения и следующую свою монографию «Дайки и оруденение» (1957) посвятил именно этому спорному вопросу, внеся в свои концепции существенные дополнения.

Монографии Хабиба Мухамедовича отличаются тем, что в них приводится очень интересный свежий фактический материал, с оригинальными геологическими картами и зарисовками по месторождениям СССР, изучавшимися, или посещавшимися автором. Это отмечалось и в рецензиях на работы Хабиба Мухамедовича в зарубежных журналах.

Хабиб Мухамедович всегда был бодр, энергичен, подтянут, высказывания его были прямолинейны и содержательны. Он обладал исключительным природным здоровьем, но слишком напряженная работа постепенно подтачивала его силы.

Несмотря на короткую жизнь, Хабиб Мухамедович оставил большой след как в геологической науке, так и в строительстве республики, в организации ее научных учреждений и освоении минеральных богатств. Он воспитал плеяду молодых геологов, успешно продолжающих начатые им исследования.

П. Антропов

Заместитель министра СССР

УЧЕНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев прожил недолгую, но исключительно яркую творческую жизнь. Он прошел трудный путь от простого дехканина до крупного ученого-геолога — президента Академии наук Узбекской ССР, члена-корреспондента Академии наук СССР, большого государственного деятеля. Путь к этим высотам был преодолен с помощью огромного и упорного труда. Вся деятельность Хабиба Мухамедовича свидетельствует о том, что он был талантливым ученым и блестящим организатором. Еще студентом геологоразведочного факультета Ташкентского политехнического института Х. М. Абдуллаев посетил многие районы Средней Азии, познакомился с геологическим строением крупнейших горных систем Тянь-Шаня и Памира, со спецификой их рудных месторождений. Он принимал непосредственное участие в изучении ряда месторождений цветных и редких металлов Средней Азии.

Стремясь к совершенствованию своих знаний в области изучения минерального сырья и закономерностей его размещения в недрах земной коры, Х. М. Абдуллаев поступает в аспирантуру Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе. В изучении месторождений полезных ископаемых он принимает самое активное участие, направляет во многом свои усилия на изучение очень интересного и сложного Лянгарского шеелитового месторождения. В результате Х. М. Абдуллаев написал и блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Получив достаточную теоретическую подготовку в аспирантуре, освоив новейшие методы исследования рудных месторождений, Х. М. Абдуллаев, полный новых творческих сил и планов, возвращается в Ташкент, чтобы целиком отдаться изучению огромных рудных богатств Узбекской республики.

Великая Отечественная война прервала научные исследования Х. М. Абдуллаева. Его природное дарование, широкий

научный кругозор потребовались для решения неотложных государственных задач. Следовало срочно восстановить эвакуированные с запада заводы, создать новые отрасли промышленности в Узбекской ССР, увеличить производство стратегического сырья для обеспечения возрастающих потребностей фронта, для победы над фашизмом.

В этот период, работая заместителем председателя Совета Министров Узбекистана и председателем Госплана Узбекской ССР, Х. М. Абдуллаев вложил много сил и энергии в развитие народного хозяйства республики. Несмотря на исключительно большую занятость, он находит время для изучения геологии рудных месторождений Средней Азии, посещает рудники и геологоразведочные партии, проводит исследования в Академии наук, обобщает собранный им и другими геологами обширный материал.

В 1946 г. им написана большая монография «Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии», которая послужила основой для докторской диссертации. В этой работе, опубликованной в 1947 году, Х. М. Абдуллаев обстоятельно описал все главнейшие шеелитовые месторождения Средней Азии и проанализировал ряд важнейших теоретических положений по условиям образования и размещения скарнов и связанной с ними минерализации. Он доказал, что шеелитоносные скарны представляют собой генетический тип месторождений, образующихся в несколько последовательных стадий. Х. М. Абдуллаев обратил внимание на то, что при формировании этих месторождений особенно важную роль играет ассимиляция известняков гранитной магмой.

В зависимости от времени образования минералов, скарнов и рудной минерализации Х. М. Абдуллаев выделяет три известных типа скарновых месторождений. Такая классификация принята большинством геологов, изучающих скарновые месторождения. Опубликованная им книга о скарновых шеелитовых месторождениях оказала существенную помощь геологам-практикам, вызвала заслуженное уважение к автору широкой научной общественности.

Став видным ученым, Х. М. Абдуллаев сконцентрировал свою научную и педагогическую деятельность в Среднеазиатском политехническом институте и Узбекской Академии наук, занялся разрешением сложнейших и наиболее актуальных проблем в области геологии рудных месторождений. В 1951 году вышла его известная работа «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями».

Благодаря опубликованным работам имя Х. М. Абдуллаева стало широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом.

На повестку дня Хабибом Мухамедовичем ставятся многие важнейшие вопросы изучения геологии рудных месторождений и рудных полей. Он приходит к выводу, что интрузивная деятельность не могла быть постоянна во всех частях земного шара

во все периоды его развития. Он подвергает глубокому анализу взгляды таких виднейших ученых-специалистов по вопросам образования гидротермальных месторождений, как В. Эммонс и В. Линдгрен. Хабиб Мухамедович высказывает при этом ряд своих теоретических положений, которые затем развивает в книге «Дайки и оруденение», а также в ряде других работ.

В 1958 году Х. М. Абдуллаев избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Проводя огромную научно-исследовательскую и организаторскую работу, он, как никто другой среди крупных ученых, отдает много сил росту национальных геологических кадров. В этом его заслуга поистине неоценима. Будучи большим патриотом родины, он делал все для того, чтобы растить молодые национальные научные кадры, и добился особых успехов.

В настоящее время в Узбекской ССР работает целая армия замечательных геологов, решающих самые сложные задачи по изучению ее богатейших минеральных ресурсов. В частности, открыты и разведаны крупнейшие месторождения природного газа, нефти, месторождения золота, руд, цветных металлов и многих других видов минерального сырья. Ныне минеральная корона недр Узбекской ССР сияет почти всеми гранями главнейших полезных ископаемых. Эти большие успехи, достигнутые геологами Узбекистана, в значительной степени связаны с многообразной научной и организаторской деятельностью Х. М. Абдуллаева.

В связи с плодотворной работой узбекских геологов запасы минерально-сырьевых ресурсов республики множатся с каждым годом, вырисовываются все новые перспективы для открытия ряда других важнейших месторождений.

Нельзя сказать, что эти успехи были достигнуты без преодоления больших трудностей. Во многом трудности преодолевались с помощью Х. М. Абдуллаева, имя которого среди научной общественности Узбекистана было так же велико, как имя К. И. Сатпаева среди научной общественности Казахстана. По инициативе этих крупнейших ученых-геологов часто собирались авторитетные и представительные кворумы геологической общественности СССР, в которых принимали участие и геологи братских социалистических стран. Вспомним, например, Ташкентское петрографическое совещание и Алмаатинское совещание по металлогеническим картам. Они положили начало новым прогрессивным рекомендациям в современной геологической науке, по их образцу проводились и последующие кворумы.

Необходимо было ускоренными темпами наращивать минерально-сырьевой потенциал страны, резко улучшить качество сырья, находить месторождения в тех регионах, где они больше всего нужны нашему народному хозяйству. Для решения этих важнейших задач требовалась большая четкость и ясность в постановке ряда теоретических вопросов, касающихся, в первую

очередь, связи оруденения с магматизмом, понятий о платформах и геосинклиналях, связи тектоники с магматизмом, фаз складчатости земной коры и т. д.

Х. М. Абдуллаев в своей научной деятельности касался почти всех перечисленных вопросов. Они всегда волновали его как пытливого исследователя, и он оставил после себя довольно четкую программу работ на будущее.

Хабиб Мухамедович Абдуллаев, как уже отмечалось, был неутомимым деятелем, вложившим много труда и в подготовку молодых кадров советских геологов. Убежден, что его ученики вместе со всей армией советских геологов, штурмуя неисчерпаемые кладовые минеральных богатств нашей Родины, внесут еще больший вклад в решение важнейших проблем геологической науки и тем самым воздадут должное светлой памяти своего учителя, друга, наставника.

И. Додонов

Академик АН УзССР

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Наше тесное сотрудничество с Х. М. Абдуллаевым началось с 1949 года, когда я стал академиком-секретарем АН УзССР. Свыше двух лет продолжалась моя совместная работа с Хабибом Мухамедовичем. Он тогда занимал пост первого вице-президента Академии.

К началу 50-х годов Академия сложилась как штаб научной мысли республики. Прошло уже 6 лет со времени ее основания. Численно она была еще небольшой, но в ее составе работали выдающиеся представители советской науки и культуры. В стенах Академии уже складывались определенные научные направления, возглавляемые В. И. Романовским, А. С. Уклонским, Т. Н. Кары-Ниязовым, А. Н. Аскоченским, Т. А. Сарымсаковым, Е. П. Коровиным, М. С. Андреевым, А. А. Семеновым, Л. В. Ошаниным, М. Т. Уразбаевым, А. С. Садыковым, Х. М. Абдуллаевым, В. В. Яхонтовым, Гафуром Гулямом, Т. М. Айбеком, В. Т. Захидовым, В. П. Щегловым, В. В. Пославским, Г. А. Мавляновым и многими другими. Имена названных ученых и писателей составляют гордость Академии наук Узбекистана; ныне уже многих из них нет в живых, но созданные ими школы и направления продолжают развиваться.

Теперь Академия наук Узбекистана неизмеримо выросла количественно и авторитет ее стал общепризнанным не только в нашей стране, но и за рубежом. Но в начале 50-х годов только закладывался прочный фундамент сегодняшних ее успехов, то были годы перелома всей ее деятельности.

В составе Академии насчитывалось 14 действительных членов и 20 членов-корреспондентов. Она объединяла 23 научных учреждения, в которых работало до 600 научных сотрудников; в их числе 28 докторов и 195 кандидатов наук. Аспирантура Академии насчитывала около 200 человек. В среднем ежегодно 15—20 соискателей защищали кандидатские диссертации. Защита докторских диссертаций была большой редкостью.

Материальная база Академии была весьма недостаточной. Президиум Академии и ее основные институты располагались в крайне неприспособленном здании бывшего «Дома крестьянина».

И тем не менее Академия в ту пору вела большие научные исследования. К началу 50-х годов Советский Узбекистан достиг новых крупных успехов в развитии народного хозяйства, культуре. Завершалось выполнение плана первой послевоенной пятилетки. На большом подъеме находилось развитие промышленности, сельского хозяйства и его основной отрасли — хлопководства. Коллектив ученых Академии в сотрудничестве с вузами республики своими исследованиями помогал успешному решению народнохозяйственных задач.

В Президиуме академии удачно были расставлены научные силы. Во главе Президиума стоял президент Т. А. Сарымсаков. Этот выдающийся ученый-математик, ученик В. И. Романовского, постоянно заботился о развитии научных направлений в Академии, следил за ростом теоретических исследований, подготовкой научных кадров.

Правой рукой его являлся Х. М. Абдуллаев. Как первый вице-президент он сосредоточивал свое внимание на вопросах внедрения научных достижений в производство. Он ведал СОПСом. Второй вице-президент А. Н. Аскоченский был занят главным образом развитием научных направлений в области ирригационного строительства.

Работа проходила дружно, согласованно принимались решения. На принципиальной основе обсуждались самые сложные вопросы. Бывали и крупные споры между отдельными членами Президиума, особенно между президентом и первым вице-президентом.

С первых дней моей работы с Х. М. Абдуллаевым он представлялся мне как крупный ученый, большой специалист в области петрографии и особенно геологии рудных месторождений. Об этом я судил по тем спорам между геологами, в которых принимал участие Х. М. Абдуллаев. Об этом же говорили и его работы, вызывавшие бурную реакцию в научных кругах. Даже будучи далеким от специальности, которую он представлял в Академии, я всегда улавливал прочность его позиций в принципиальных, теоретических вопросах.

Но больше осталось у меня впечатлений о Х. М. Абдуллаеве, как о талантливом организаторе науки. Не так часто соединяются в одном лице талант ученого-исследователя и талант ученого-

организатора. Обычно превалирует что-нибудь одно. Х. М. Абдуллаев в одинаковой мере, мне думается, обладал тем и другим качеством. Он был крупным авторитетом в своей области и вместе с тем являлся незаурядным организатором науки.

Выходец из самых низов, прошедший суровую школу жизни, Х. М. Абдуллаев по своему духу был чужд бюрократизму в науке, хотя внешне он нередко был не в меру официален. К нему постоянно обращались и молодые начинающие ученые, и маститые авторитеты науки, и каждый находил отклик, понимание, сочувствие.

К началу 50-х годов в стенах Академии наук Узбекистана стали формироваться научные направления. Роль Х. М. Абдуллаева в их укреплении и развитии невозможно переоценить. Ученый обладал умением буквально зацепиться за основное звено, держать в центре внимания разработку таких важных проблем, как научные основы хлопководства во всей их совокупности, изучение производительных сил и освоение природных богатств республики, развитие общественных наук и прежде всего истории советского общества, советского востоковедения.

При непосредственном участии Х. М. Абдуллаева в АН УзССР складывались такие научные направления, как узбекская школа селекции хлопчатника, ирригации и мелиорации, физиологии на основе дальнейшего развития учения акад. И. П. Павлова, школа полезных ископаемых, ташкентская школа востоковедения и литературоведения, школа математиков и т. д.

В начале 50-х годов широким фронтом началось изучение производительных сил республики: Центральной Ферганы, Арало-Каспийской системы, использования вод Амударьи для новых массивов орошения и т. д. По этим и другим проблемам формировались научные направления, школы, велась подготовка новых кадров исследователей.

Х. М. Абдуллаев стремился придать каждому направлению индивидуальность. Он был непримиримым врагом пустозвонства в науке, широковещательных, но несбыточных планов. Он решительно требовал и добивался устранения из научных учреждений Академии заведомых бездельников.

Хабиб Мухамедович всячески поддерживал растущих научных сотрудников, горой стоял за то, чтобы удержать в стенах Академии виднейших ученых страны. Он решительно протестовал против отъезда из Узбекистана таких авторитетов советского востоковедения, как А. Ю. Якубовский, М. С. Андреев, А. А. Семенов. В то время этим и другим известным ученым (Н. Г. Малицкий, М. Е. Массон, И. И. Умняков, Л. В. Ошанин, Е. К. Бетгер, А. В. Панков) приклеивались ярлыки немарксистских ученых.

Х. М. Абдуллаев не менял своих убеждений, он всегда поддерживал дружеские отношения с А. Ю. Якубовским, считался с его мнением, особенно в вопросе о кадрах (надо всячески сохранять ученых в Узбекистане, создавать для них необходимые условия и т. д.).

Х. М. Абдуллаев среди участников геологического конгресса в Мексике, 1956 г.

Мне приходилось быть участником бесед Х. М. Абдуллаева с А. Ю. Якубовским. Последний постоянно внушал Хабибу Мухамедовичу, что АН УзССР должна опираться на общепризнанных ученых. Такого рода положения находили отражение и в переписке А. Ю. Якубовского со мной. Однако объективные условия не всегда позволяли осуществлять правильные советы А. Ю. Якубовского; нередко нарушался известный принцип сочетания в стенах Академии молодых и старых кадров, использования богатого опыта старых ученых, их обширных познаний.

Не без инициативы Х. М. Абдуллаева был приглашен из Ленинграда М. Ю. Юлдашев — уже тогда видный знаток истории феодальных отношений в Средней Азии. Х. М. Абдуллаев обратился с письмом в ЦК КП Узбекистана по поводу М. Ю. Юлдашева. И Мухамеджан Юлдашев стал работать в Ташкенте старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН УзССР. В настоящее время он является одним из ведущих ученых республики.

Другой пример. Он касается ныне покойного исследователя М. А. Салье — известного востоковеда, выдающегося филолога-арабиста, автора полного перевода (в 8 томах) арабских сказок «Тысяча и одна ночь», ученика виднейшего советского востоковеда академика И. Ю. Крачковского. В результате несправедливого обвинения осенью 1950 года встал вопрос об увольнении М. А. Салье из АН УзССР. Х. М. Абдуллаев выступил решительным противником столь ошибочных действий. В одном из ходатайств в директивные органы было сказано: «Академия наук Узбекской ССР не считает целесообразным увольнять М. А. Салье. М. А. Салье имеет всесоюзное имя как переводчик с арабского языка, как знаток арабских рукописей». В результате вопрос об увольнении был снят с повестки дня навсегда.

В то время Академия наук Узбекистана еще не располагала достаточным количеством ученых высшей квалификации, особенно в области общественных наук. Гуманитарные учреждения Академии постоянно испытывали серьезные трудности. Не хватало опытных исследователей. Не было достаточной материальной базы для развития деятельности таких научных учреждений, как Институт истории и археологии, Институт экономики, Институт по изучению восточных рукописей (так назывался в то время нынешний Институт востоковедения АН УзССР), Институт языка и литературы.

В содружестве с членами Президиума Х. М. Абдуллаев занимался укреплением позиций гуманитарных учреждений. Нередко по его инициативе ставились на Президиуме академии и тщательно во всех деталях обсуждались вопросы о положении дел в этих учреждениях: о проблематике, о кадрах, о публикации научной продукции.

Много внимания уделял Х. М. Абдуллаев вопросам укрепления научного руководства в гуманитарных институтах, повышению роли ученых советов. По его инициативе в начале 50-х годов был пересмотрен состав ученых советов во всех гуманитарных институтах. Во главе их были поставлены наиболее авторитетные ученые, способные дать правильное научное направление деятельности советов.

В 50-е годы, как и теперь, много внимания уделялось вопросам партийного стиля руководства научными учреждениями. Х. М. Абдуллаев постоянно требовал, чтобы руководители научных учреждений, члены ученых советов поддерживали в первую очередь ведущие направления, помогали решению таких научных проблем, которые определяют собой все содержание данной научной отрасли. Х. М. Абдуллаев, как вице-президент, требовал, чтобы на ведущих направлениях были сосредоточены лучшие силы ученых. Он решительно восставал против такой практики, когда руководители научных учреждений буквально тонули в административно-хозяйственных делах, подчас в мелочах, когда они забывали о своей роли научных руководителей. При рассмотрении на Президиуме отчетных данных Х. М. Абдуллаев обычно выступал противником статистическо-бухгалтерского подхода к науке, он настаивал, чтобы отчеты раскрывали сущность научной проблематики, новые идеи, теоретические построения, открытия, новаторские приемы исследования.

В то время он уделял много внимания работе СОПСа, координации деятельности научно-исследовательских учреждений, особенно по Ферганской, Голодностепской и Амударьинской проблемам. По этим и другим проблемам проводились научные сессии Академии в г. Фергане и г. Нукусе. В их организации активное участие принимал Х. М. Абдуллаев, ему удалось привлечь в качестве докладчиков на этих сессиях местных работников.

В те годы очень остро стоял вопрос о подготовке новых научных кадров. Из постановления общего собрания АН УзССР от 1 сентября 1950 г., принятого по докладу Х. М. Абдуллаева, видно, что из 150 старших научных сотрудников Академии только 100 имели ученые степени, количество аспирантов было ничтожно мало, но и из этого числа только пятая часть заканчивала аспирантуру с защитой диссертаций.

Х. М. Абдуллаев постоянно занимался совершенствованием научных кадров, их подготовкой. В архиве Академии за те годы можно найти множество документов, подтверждающих это. Во многих письмах, телеграммах в научные учреждения, отдельным ученым, подписанных Х. М. Абдуллаевым, мелькают имена молодых ученых, аспирантов, нуждающихся в помощи.

Да, он умел и любил помогать людям науки, достойным людям, которые потом своим творческим трудом содействовали развитию и совершенствованию научной мысли в республике.

Д. Щербаков

Академик АН СССР

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

Хабиб Мухамедович родился в предгорьях Алая, в живописном селении Араван. Вероятно, окружающая его природа и близость родного дома к одному из рудников, первенцу промышленности редких элементов в Средней Азии, стимулировали интерес к геологическим наукам. Юношей он поступил в Среднеазиатский политехнический институт, который окончил в 1935 году. Тридцатые годы, когда начал формироваться будущий ученый, были для Средней Азии годами интенсивного роста ее промышленности и сельского хозяйства.

К исследовательской работе Х. М. Абдуллаев приступил еще будучи студентом, под руководством крупного специалиста по рудным месторождениям А. В. Королева.

После исследований А. В. Королева на Алмалыкском медном месторождении широкое развитие в Приташкентском районе и Карамазаре получили детальные геологические съемки, которые внесли существенный вклад в познание не только металлогении, но и петрологии и тектоники этих областей. Именно в этой благоприятной атмосфере широкой постановки геолого-поисковых и разведочных работ рос и воспитывался Х. М. Абдуллаев. В 1932 году я впервые встретился с ним в долине речки Чаувай, где проводил исследования один из отрядов Таджикско-Памирской экспедиции. Двадцатилетний студент Хабиб Мухамедович, очень подвижный, быстрый, вызвался быть проводником, когда А. Е. Ферсман и я решили осмотреть древние ртутно-сурьмяные выработки.

Изучив многочисленные скарновые месторождения шеелита в хребтах Алая, Гиссара и Нур-Аты, Х. М. Абдуллаев опубликовал довольно большое количество работ, содержащих весьма интересные данные по петрологии гранитных интрузий, генезису и составу скарновых тел. Основное направление научных исследований он связывал с эндогенными рудными месторождениями, главным образом цветными и редкими металлами Средней Азии.

Вначале Х. М. Абдуллаев изучал рудоносные скарны Средней Азии. Генезис скарнов Лянгарского месторождения освещен в его кандидатской диссертации, а особенности шеелитоносных скарнов Средней Азии — в докторской. Исследуя вопросы формирования скарновых месторождений, он стремился показать ведущую роль процессов ассимиляции гранитной магмой карбонатных пород, приводящих к созданию адамеллит-гранодиорит-

диоритовой серии. Эти процессы являлись источником скарнообразующих постмагматических растворов. Х. М. Абдуллаев был сторонником реакционно-метасоматического генезиса скарнов путем инфильтрации в области их контакта специфических скарнообразующих и рудообразующих постмагматических погонов. По его представлениям скарновые месторождения образовались в четыре стадии — собственно скарновую, кварцево-шеелитовую, кварцево-сульфидную и кварцевую. В связи с этим оруденение в скарнах имеет сопутствующий, следующий после силикатов, или наложенный на силикаты характер.

В отношении роли ассимиляции в процессах рудообразования Х. М. Абдуллаев полностью солидарен с А. П. Никольским и П. Н. Кропоткиным. По этому поводу он писал (1950): «Наши исследования позволяют поддержать наблюдения П. Н. Кропоткина и А. П. Никольского о прямом влиянии состава вмещающих пород на металлогеническую продуктивность интрузий». Х. М. Абдуллаев привел интересные аналитические материалы о возможности обогащения интрузивных массивов железом путем ассимиляции вмещающих пород, содержащих повышенное количество этого элемента.

Исследование генезиса скарновых месторождений, тесно связанных с массивами гранитоидных пород, привело ученого к разработке проблемы общих связей эндогенного оруденения с интрузиями. Этой теме посвящен ряд работ Х. М. Абдуллаева, обобщенных в монографии «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями», вышедший впервые в 1950 году и переизданной в 1954 году. Автор считал, что источник всех эндогенных месторождений — магматические очаги. Постмагматические газогидротермальные растворы возникают на заключительных стадиях остывания магмы, формирующей такие массивы в верхних ярусах земной коры. Рассматривая влияние геологической среды на образование магматических пород и постмагматического оруденения, Х. М. Абдуллаев вновь подчеркнул исключительное значение процессов ассимиляции и гибридизма. Он отметил петрохимические особенности карбонатной, алюмосиликатной и железо-магнезиальной ассимиляции в связи с рудообразованием. Рассматривая генетическую связь эндогенного рудообразования с магмой, он не придавал существенной роли крупным региональным разломам и приписывал ведущее значение в размещении рудных тел локальным тектоническим структурам.

В монографии Х. М. Абдуллаева, вышедшей в свет в 1957 г., приводится анализ соотношений даек и эндогенных рудных месторождений. Автор выделил несколько групп даек: апофизы интрузивов; дайки, возникшие из остаточных расплавов этих интрузивов после их застывания; дайки — малые интрузивы; субвулканические дайки и дайки — корневые части эффузивов. Он пришел к выводу о длительном процессе появления

различных групп даек, возникающих до рудообразования, во время и после формирования рудных тел.

Х. М. Абдуллаев увлекался также исследованиями в области металлогении. В этом отношении интересна его книга «Магматизм и оруденение Средней Азии», вышедшая в 1960 г. к XXI сессии Международного геологического конгресса. В книге описаны магматизм и рудоносность зон развития палеозойской складчатости, зон палеозойской складчатости с наложенными мезозойскими эндогенными процессами и зон эпипалеозойских платформ, перекрытых мощным чехлом мезозойских и кайнозойских осадков. Для первой зоны, занимающей Северный, Средний и Южный Тянь-Шань, выделены области каледонского и герцинского магматизма и металлогении. Х. М. Абдуллаев уделял основное внимание стадийному развитию изверженных пород и эндогенных месторождений для каждого цикла геологического развития. В связи с этим он выделял для каледонского, герцинского и альпийского циклов на территории Средней Азии ранний или добатолитовый, средний, или батолитовый и поздний, или послебатолитовый этапы магматизма и рудообразования. В книге подчеркиваются специфические особенности металлогении Средней Азии, обусловленные главным образом гранитной магмой средней и поздней стадий развития всех геологических циклов и ее ассимиляцией разнообразных пород кровли.

Научные работы Х. М. Абдуллаева отличаются остротой постановки обсуждаемых в них вопросов. Вот почему вокруг многих его книг и статей возникали бурные споры, не утихающие до сих пор.

В одном из своих трудов Х. М Абдуллаев попытался дать новую классификацию послемагматических рудных месторождений. В основу классификации он положил свое представление об условиях формирования рудоносных растворов, которые «возникают в результате активного взаимодействия магмы с вмещающей ее геологической средой и поэтому они могут быть различными». В соответствии с этим автор выделяет определенные генетические ряды в качестве наиболее важного классификационного подразделения. Далее он намечает генетические классы месторождений, «которые отличаются по своим геолого-минералогическим особенностям, обусловленным взаимодействием растворов с окружающими породами в определенной физико-химической и геохимической обстановке».

Третьим подразделением являются генетические типы месторождений, выделенные по признаку «наибольшей изменчивости оруденения в месторождениях подразделяемого генетического класса». Четвертым классификационным признаком служат минералогические типы или рудные формации.

Обосновывая свою классификацию скарновых месторождений, Х. М. Абдуллаев писал, что растворы, порождающие их,

представляют собой специфические физико-химические системы, возникающие лишь при условии контаминации магматических образований карбонатными толщами. В результате последовательного развития подобных растворов в поздние этапы минерализации появляются низкотемпературные минералы: кварц, флюорит, барит, карбонаты и т. д.

В его классификации гидротермальных месторождений учитывается отношение месторождений к определенным тектоническим элементам и интрузивам, отмечаются возможные формы месторождений, их вещественный состав, структура и текстура руд, сообщаются также сведения о составе гидротермально измененных вмещающих пород.

Однако предложенные схемы еще слишком сложны, а в ряде случаев лишены достаточно конкретных критериев для отнесения месторождений к тому или иному генетическому ряду. Они нуждались в дальнейшей доработке, не доведенной до конца из-за преждевременной кончины Х. М. Абдуллаева. Но уже проделанная работа свидетельствует об оригинальности подхода к данному вопросу.

В 1956 году я был с Хабибом Мухамедовичем в составе советской делегации на XX Международном геологическом конгрессе в Мексике. Живя с ним бок о бок, в одной комнате, я имел возможность обмениваться впечатлениями и обсуждать тактику нашего поведения на секциях конгресса. Меня тогда поразили легкость, с которой он схватывал сущность возникающих споров, и его удивительное умение давать быстрый отпор. Он не раз выручал меня во время небольших стычек, которые возникали между нами и нашими коллегами из США, при этом всегда держался с большим достоинством.

Не обошлось и без курьезов: Х. М. Абдуллаева часто принимали за местного жителя, просили быть переводчиком при встречах.

На обратном пути, в Париже, он проявил исключительную расторопность и заставил нас в короткий срок осмотреть все достопримечательности этого замечательного города. В особенности его внимание привлекла Сорбонна, где мы познакомились с прекрасным музеем Э. Ога, одного из самых передовых геологов начала XX века. После возвращения в СССР Х. М. Абдуллаев и я возглавили комиссию содействия, организованную Академией наук СССР, полетели в Узбекистан и не один день ездили по Ташкенту, знакомясь с научными институтами и подбирая помещение для вновь открываемых лабораторий. Хабиб Мухамедович показал мне недавно созданный Геологический институт, поделился своими мечтами о дальнейшем развитии наук в Узбекистане, об открытии ряда филиалов головных институтов в различных районах республики. С гордостью рассказывал он о том, как растут запасы полиметаллических руд на недавно от-

крытом месторождении Уч-Кулач, которое курировалось группой исследователей под его руководством.

В особенности он радовался росту местных научных кадров, знакомил меня со своими многочисленными учениками. Таким был этот ученый, наделенный кипучей энергией и талантом, патриот Родины и родного края.

Тяжелая болезнь погубила его в расцвете творческих сил, но славно начатое дело подхвачено воспитанными им молодыми геологами, самоотверженно работающими над расширением минерально-сырьевой базы Средней Азии. За последние годы геологи и горняки достигли больших успехов в разведке территорий среднеазиатских республик. Всегда справедливо считались эти республики, в особенности Узбекистан, страной хлопка. Однако далеко не всем известно, что Средняя Азия ныне превратилась в крупнейшую горнопромышленную область нашей страны. Это заслуга геологов — соратников, учеников, последователей Хабиба Мухамедовича Абдуллаева.

К. Бедринцев

Член-корреспондент АН УзССР

ОН БЫЛ ОРГАНИЗАТОРОМ НАУКИ

Мне довелось немало лет поработать вместе с Хабибом Мухамедовичем. ЦК Компартии и правительством Узбекистана перед Академией наук в послевоенные годы ставились задачи по дальнейшему развитию производительных сил Каракалпакской АССР и освоению Голодной степи. Важность проблемы не соответствовала полученным результатам. Видя этот далеко не блестящий опыт, Х. М. Абдуллаев предложил проводить исследования на действительно научной основе.

Будучи до этого председателем Госплана республики, он ясно представлял себе, что требуется для такого рода работ, чтобы они отвечали запросам народного хозяйства, интересам проектных и планирующих организаций.

Хабиб Мухамедович исходил из того, что запросы народного хозяйства республики велики и многогранны. Нужна последовательность и очередность, нужен выбор наиболее эффективных путей развития производительных сил республики. Чтобы правильно подойти к этому, нужна научная основа, опираясь на которую проектные и планирующие организации смогут найти наиболее правильные решения.

Разработку программ и организацию комплексных исследований Хабиб Мухамедович возложил на экономистов. Он не раз говорил, что экономисты должны знать все, им должны быть ведомы основы всех наук, которые так или иначе связаны с развитием народного хозяйства.

Х. М. Абдуллаев был широко эрудированным человеком. Он хорошо знал экономику республики, ее слабые места, потребности и возможности. Хабиб Мухамедович сумел правильно подойти к постановке и организации больших коллективных исследований по созданию научных основ развития производительных сил республики.

При Президиуме Академии наук им был организован Совет по изучению производительных сил (СОПС), первым председателем которого был утвержден Х. М. Абдуллаев. Работу Совета Хабиб Мухамедович предложил организовать в несколько иной, отличной от СОПСа АН СССР, форме. Если там из штатных работников СОПСа и за счет средств Совета организовались региональные и отраслевые экспедиции, которые вели исследования, то у нас штат СОПСа был ограничен 10—15 единицами, а все исследования по тематике велись институтами Академии наук, а также широко привлекаемыми к проблематике СОПСа ведомственными научно-исследовательскими и проектными институтами, кафедрами вузов и другими организациями.

Главное место в этих исследованиях отводилось Институту экономики АН УзССР. Новая форма организации исследований оправдала себя, она была перенесена в дальнейшем в другие республиканские Академии и как наиболее результативная отмечена бывшим президентом АН СССР академиком А. Н. Несмеяновым в книге «40 лет советской науки».

Первыми работами СОПСа АН УзССР, осуществленными под непосредственным руководством Х. М. Абдуллаева, были «Научные основы развития производительных сил Ферганской долины», а также «Ангрен-Алмалыкский горнопромышленный район, проблемы его развития».

Эти большие коллективные исследования, поставленные, как говорится, на широкую ногу, были очень интересны как новые оригинальные комплексные разработки. Хабиб Мухамедович не только сам со свойственным ему пылом занимался этими исследованиями, но увлекал за собой большие коллективы научных работников и практиков.

Проблема создания научных основ дальнейшего развития производительных сил Ферганской долины была одобрена и всемерно поддержана ЦК КПУз. Помню, с каким интересом бывший первый секретарь ЦК Усман Юсупов участвовал в научной конференции в Фергане, где рассматривалась и обсуждалась концепция проблемы и программа работ по исследованию производительных сил республики.

Хабиб Мухамедович поручил экономистам составить подробную и обстоятельную программу комплексного исследования проблемы по всем ее разделам. Он не раз говорил, что надо достичь того, чтобы каждый исполнитель, будь то геолог, химик, ботаник, инженер, экономист или ученый и специалист любой другой отрасли знаний, участвующий в разработке проблемы, ви-

дел весь замысел в целом и свою конкретную роль в этом. Подготовленную программу после обсуждения отпечатали и раздали всем участникам разрабатываемой проблемы, а также разослали в другие республиканские академии и филиалы АН СССР.

Я привел этот факт как характерный штрих научно-организационной четкости, которой стремился достичь Хабиб Мухамедович при проведении широких комплексных исследований. Эта четкость была необходима, чтобы не расползтись, не растеряться, а достичь слаженной целенаправленной работы всего коллектива. Например, в разработке Ферганской проблемы участвовало около 100 ученых и специалистов, представляющих более тридцати организаций.

Постоянно заботился Хабиб Мухамедович о форме завершения таких комплексных исследований, обобщении материалов и разработке предложений. Не раз он собирал руководителей и основных исполнителей проблемы для поисков правильных путей завершения каждого раздела, всей работы в целом. Он добивался того, чтобы работа была четкая и научно обоснованная, не уставал предупреждать об опасности аморфной массы бесконечно больших материалов, требовал чтобы вносимые рекомендации не нуждались в дальнейшей доработке.

Положительной чертой Хабиба Мухамедовича как организатора комплексных научных исследований было стремление к коллегиальности, к широким обсуждениям промежуточных и конечных результатов. Сколько интересных и очень полезных научно-производственных совещаний и конференций было им проведено. Так, итоги организованных СОПСом разработок обсуждались на научно-производственных конференциях в Фергане, Ангрене, Нукусе, Ургенче, Голодной степи, то есть в районах, которые являлись объектами исследований. Хабиб Мухамедович считал это очень правильным, так как совещания способствовали не только совершенствованию законченных работ, но открывали горизонты, повышали инициативу и интерес местных работников к задачам развития производительных сил районов республики. На эти конференции им приглашались руководители партии и правительства республики, крупные ученые, специалисты.

Будучи глубоко убежденным, что разработка проблемы развития производительных сил Ферганской долины, как первый опыт комплексных региональных исследований может быть усовершенствована и использована для дальнейших аналогичных исследований, Хабиб Мухамедович предложил заслушать этот вопрос на заседании Совета по изучению производительных сил АН СССР в Москве. Совет дал ряд очень полезных рекомендаций и одобрил проведенную работу, признал, что она является первой в стране и может служить примером аналогичных исследований по другим районам СССР.

Хабиб Мухамедович предложил мне обобщить в отдельной книге методологию, методику и организацию исследований районных комплексных проблем на примере проведенных изучений по Фергане и Ангрену. Книга была разослана в институты и филиалы АН СССР, в республиканские академии. В Ташкенте было созвано общесоюзное совещание, на котором обсуждался опыт научных исследований районных комплексных проблем, проводимых Академией наук Узбекистана. Совещание было интересным и дало много полезного. Участники совещания признали, что в Академии наук Узбекистана заложено и развивается научное направление, создана школа научных исследований в области районных комплексных проблем, связанных с развитием производительных сил регионов страны.

Никто не отрицал и никогда не станет отрицать, что большая заслуга в этом принадлежит Хабибу Мухамедовичу Абдуллаеву. Вспоминая нередко с участниками прежних разработок минувшие дни, мы отдаем должное Хабибу Мухамедовичу, его активной натуре, большому таланту в научно-организационной деятельности, деловому и доброму отношению к людям. В частности, издавая под маркой СОПСа АН УзССР книги, Хабиб Мухамедович требовал еще и еще раз проверить, не пропущен ли кто-нибудь из тех людей, кто хоть в малой мере, но участвовал в разработке проблемы.

Все те традиции, которые заложил Хабиб Мухамедович в деятельность СОПСа, мы стремимся продолжать и развивать. В наших повседневных делах всегда жива и будет жить добрая память о Хабибе Мухамедовиче Абдуллаеве, будут совершенствоваться его плодотворные начинания в комплексном изучении проблем развития производительных сил республики.

Х. Туляганов

Министр геологии УзССР

Х. М. АБДУЛЛАЕВ — ОДИН ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев по праву занимает одно из ведущих мест в блестящей плеяде выдающихся ученых страны. Он оставил в нашей памяти яркий незабываемый след, мы навсегда запомним его не только как большого ученого, но и государственного деятеля.

Хабиб Мухамедович был волевым, целеустремленным, обладал остротой мышления и широким кругозором. Общительный и энергичный, он не только отдавал всего себя работе, но умел зажечь и окружающих, умел подсказать вовремя новую идею, вызвать дискуссию, всколыхнуть мысль. Являясь пытливым исследователем и вместе с тем большим организатором, он сплотил большие коллективы геологов, создал новую металлогеническую

школу в Узбекистане. Обладая способностью логически мыслить и диалектически подходить к решению геологических проблем, он всегда стремился привить своим коллегам и ученикам эти же качества.

Хабиб Мухамедович был горячим патриотом и ревностным защитником достижений советской науки и практики. В своей научной и практической деятельности он был тесно связан со многими коллективами геологов и заслуженно считался идейным руководителем широкого фронта проводившихся в республике геологоразведочных и научно-исследовательских работ в области геологии.

С Хабибом Мухамедовичем я познакомился в 1945 году, после демобилизации из рядов Советской Армии. В этот период началась моя работа в аппарате Совета Министров УзССР. Х. М. Абдуллаев был тогда заместителем председателя Совета Министров УзССР и председателем Госплана республики.

В первый послевоенный год промышленность республики претерпевала большие изменения в связи с переходом на мирные рельсы. Нужно было расширить и изменить профиль многих заводов и фабрик, эвакуированных в военное время в Узбекистан, и на их базе создать новые предприятия. Эти большие изменения в экономике республики требовали оперативного решения сложнейших вопросов планирования народного хозяйства послевоенного времени.

К этому периоду относится пуск Беговатского металлургического завода, над строительством которого Хабиб Мухамедович лично шефствовал. Мечтая об организации второй очереди Беговатского завода, он проявлял большой интерес к созданию сырьевой базы качественных железных руд для доменного процесса (для производства чугуна).

По его инициативе в этот период в Узбекском геологическом управлении были организованы поисковые работы на железные руды в Приташкентском и Чимкентском районах, в результате которых был выявлен и разведан ряд месторождений железа, в том числе Чокадамбулакское и Ирисуйское, представляющих промышленный интерес. К этому времени уже стало известно о наличии достаточных запасов марганцевых руд на Дауташском и Тахтакарачинском месторождениях.

Наличие запасов железа и марганца говорило в пользу строительства второй очереди металлургического завода. Но были нужны еще качественные коксующие угли и флюсы. В связи с этим припоминается мне, как с Хабибом Мухамедовичем осенью 1947 года мы готовили большое письма в ЦК ВКП(б), обосновывая необходимость строительства второй очереди Беговатского завода для обеспечения металлом народного хозяйства всех среднеазиатских республик. Делали мы это весьма тщательно, приводили экономические выкладки, причем Хабиб Мухамедович неоднократно редактировал текст. Много вечеров мы работали над этим письмом.

Тогда же возникли предложения относительно использования богатейших залежей коксующихся углей Узгенского месторождения. Восточной Ферганы в народном хозяйстве страны.

Проблемы дальнейшего развития черной металлургии в Узбекистане не теряют своей актуальности и в наши дни, именно в них живут благородные мечты и идеи Хабиба Мухамедовича.

Многообразны были интересы Х. М. Абдуллаева: он принимал участие в организации карьера угледобычи в Ангрене, в расширении добычи вольфрамовой руды в Лянгаре, Койташе, Ингичке и в связи с этим в развитии геолого-поисковых и разведочных работ на территории Узбекистана. Хабиб Мухамедович выдвигал интересные предложения по поискам и рациональной организации работ.

Будучи председателем Госплана УзССР, Х. М. Абдуллаев постоянно заботился о строительстве теперешнего Ингичкинского рудника, неоднократно посещал его, оказывал местным товарищам всестороннюю помощь.

В послевоенные годы, особенно в 1949—1952, остро ставился вопрос о выявлении полиметаллических месторождений свинца и цинка, они очень нужны были новым отраслям промышленности. И это активно поддерживал Хабиб Мухамедович — заместитель председателя Совета Министров УзССР, председатель Госплана республики и затем президент Академии наук Узбекистана. При его непосредственном участии были развернуты поисково-разведочные работы, позволившие открыть крупные месторождения полиметаллов на территории Узбекистана и в смежных районах. Результатом этого является создание Алтынтопканского горно-металлургического комбината.

С октября 1956 года, после избрания Хабиба Мухамедовича президентом Академии наук УзССР, его связи с геологическими организациями, с учеными-геологами становятся еще теснее. По инициативе президента создается тематическая партия в составе Узбекского геологического управления, которая в содружестве с коллективом геологов Института геологии АН УзССР и под руководством Хабиба Мухамедовича разработала новые положения по магматизму и металлогении Чаткало-Кураминского региона. Итоги работы были оформлены в виде монографии, изданной в 1958 году и сыгравшей положительную роль в планировании и проведении дальнейших геологосъемочных и поисково-разведочных работ.

Наиболее плодотворное влияние на производственные геологические работы Х. М. Абдуллаев стал оказывать начиная с 1957 года, после объединения разноведомственных геологических организаций и создания единой геологической службы в Узбекистане — Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров УзССР (ныне Министерство геологии УзССР).

Объединение всех геологических сил республики явилось большим стимулом для дальнейшего всемерного развития геологических работ, открытия и создания новых минерально-сырьевых баз.

Выдающимся открытием является месторождение Мурунтау, на базе которого построен горно-металлургический комплекс и современный город Зарафшан. В Приташкентском районе уже действует Чадакский золотоизвлекательный комплекс, эксплуатируется Кочбулакское месторождение, строится Ангренская золотоизвлекательная фабрика.

Хабиб Мухамедович верил в перспективы территории нашей республики на золото и оказывал всемерную поддержку в расширении геологопоисковых работ в Западном Узбекистане и Приташкентском районе. Он неоднократно выезжал совместно с нами в Зирабулак-Зиаэтдинские горы и в Алмалыкский район, консультировал, участвовал в оценке рудных проявлений и месторождений, способствовал более эффективному проведению поисково-разведочных работ.

Х. М. Абдуллаев высоко оценивал перспективы ангренских каолинов как комплексного минерального сырья для создания в республике керамической промышленности и алюминиевого производства. Как известно, в настоящее время уже действует Ангренский керамический комбинат и успешно заканчиваются заводские испытания каолинов для получения глинозема.

Интересы ученого не ограничивались только изучением металлогении и геологии твердых полезных ископаемых. Х. М. Абдуллаев был редактором многих геологических карт, изданных Главгеологией УзССР и АН УзССР, в том числе обзорной геологической карты центральной части Средней Азии, получившей высокую оценку. Он твердо верил в перспективы Бухаро-Хивинского и Каршинского районов на нефть и газ. Его уверенность и убежденность заразили геологов-нефтяников Москвы и Баку. Многие из них впоследствии стали не только единомышленниками, но и ближайшими друзьями Хабиба Мухамедовича и всегда с большой теплотой вспоминают о встречах с ним.

Усилия Х. М. Абдуллаева дали свои результаты, а мечты его осуществились: теперь геологическая служба республики — Министерство геологии УзССР — это одна из крупнейших организаций страны, где работает 27-тысячный коллектив геологов, гидрогеологов, геофизиков, научных работников, буровиков, горняков, строителей и других специалистов, которые за последние 10 лет коренным образом изменили геологическую изученность недр республики и расширили ее перспективы, открыв и разведав множество крупных месторождений разнообразных полезных ископаемых, поставив их на службу народному хозяйству.

Мерилом жизни ученого, как известно, являются его научные труды и открытия. Хабибом Мухамедовичем опубликовано свыше 130 научных трудов, в том числе шесть крупных моног-

Х. М. Абдуллаев на заседании Президиума АН УзССР, 1957 г

рафий. А продолжением жизни ученого, большой ценностью его наследия являются подготовленные кадры — его воспитанники, ученики, последователи и коллеги.

Хабиб Мухамедович прекрасно сознавал, что важнейшие народнохозяйственные, в том числе геологические, задачи нельзя решить без квалифицированных кадров. Поэтому он с большим вниманием и любовью относился к подготовке кадров в вузах, повышению их квалификации, расстановке и росту специалистов, привлечению их в аспирантуру. Множество студентов, молодых ученых и производственников с увлечением слушали содержательные лекции Хабиба Мухамедовича по металлогении и другим дисциплинам.

Образ Хабиба Мухамедовича служит для меня, как и для многих его последователей, примером человека, беззаветно преданного служению родине, делу нашей партии, отдавшего все силы и знания развитию геологической науки, освоению природных богатств Узбекистана, воспитанию и обучению геологических кадров. Подготовленные им специалисты-производственники и ученые много сделали и еще больше сделают для претворения в жизнь программных планов, геологических идей и прогнозов, которые разрабатывались при самом активном участии Хабиба Мухамедовича Абдуллаева.

А. Акрамходжаев

Академик АН УзССР

ЧЕЛОВЕК ДОСТОЙНЫЙ УВАЖЕНИЯ

В 1939 году я, будучи студентом четвертого курса геолфака САГУ (ныне ТашГУ), с увлечением работал над очерком «В горах Узбекистана». Завершив работу, я отнес ее в Госиздат УзССР. Однако там ко мне — еще молодому человеку, отнеслись с некоторым недоверием и попросили рецензию квалифицированного специалиста, желательно кандидата наук. Я оказался в большом затруднении — кому дать на рецензию работу? Кандидата геолого-минералогических наук — узбека в то время еще не было, а очерк был написан на узбекском языке. Один из редакторов посоветовал мне обратиться в САИИ (ныне ТашПИ) на горный факультет, где недавно появился молодой кандидат наук Хабиб Абдуллаев.

Действительно, на кафедре полезных ископаемых горного факультета я встретил одного из первых ученых-геологов — узбека Х. М. Абдуллаева.

Я с величайшей осторожностью и робостью открыл дверь названной кафедры: в узкой небольшой комнатке за одним из бо-

ковых столов сидел худощавый молодой человек с загорелым лицом. Я вошел в комнату.

— Простите, я могу видеть товарища Абдуллаева?

— Какого Абдуллаева?

— Кандидата геолого-минералогических наук, который недавно приехал из Москвы.

— Ах, вот как,— он внимательно посмотрел на меня и, улыбаясь ободряюще, сказал: — «Я Абдуллаев, не стесняйтесь, садитесь вот сюда»,— и он показал на стул рядом с собой.

— Я написал очерк, но для публикации необходим отзыв и, как говорят в редакции, именно кандидата наук.

— Вот как!...

Он перелистал рукопись, прочитал отдельные заголовки и остановился на той странице, где описывались месторождения Нуратинского хребта. Удивленно взглянул на меня.

— Ого! Интересно, а Вы сами были в Нуратинском хребте?

— Да, был. На производственной практике.

Он продолжал читать рукопись, полностью прочел страницы, посвященные описанию Нуратинских гор и имеющихся там месторождений полезных ископаемых и, наконец, обратился ко мне: «Вы дали слишком много свободы Вашей фантазии. Это, конечно, полезно, но рукопись нужно несколько подсократить, а реально существующие научные представления о Нуратинских горах и месторождениях надо значительно увеличить».

Говоря это, он посмотрел на свои часы и попросил меня прийти через два часа (у него начались лекции).

После лекции мы вместе вышли из здания горного факультета. По пути он интересовался моей биографией и вскоре уже имел обо мне почти полное представление. В моей памяти на всю жизнь остались его слова: «Вы делаете большое дело, такие книги на узбекском языке, да еще в популярном изложении, очень нужны. Они знакомят молодежь с природой, в частности, с геологией, вызывают в людях глубокий интерес к научным явлениям, и, в конечном итоге, все это приведет молодежь нашей республики в институты, горные, геологические факультеты наших вузов. А нам так нужны эти специалисты. Кому как не Вам, геологу, знать, что в недрах нашей республики таятся неисчерпаемые минеральные богатства, но для того, чтобы раскрыть и использовать их, необходим труд тысяч геологов и горняков...».

Х. М. Абдуллаев произнес эти слова с такой горячей убежденностью, и такая глубокая вера звучала в его голосе, когда он говорил об огромном значении популяризаторской работы, что я по-настоящему возгордился и как-то по-иному, с качественной стороны, понял, насколько благороден труд специалиста-популяризатора, насколько много он может дать делу становления и дальнейшего развития той или иной отрасли науки.

Мы дошли до квартиры Хабиба Мухамедовича на Балыкчинской улице (ныне ул. Алимджана) и здесь распрощались. С это-

го дня началось наше знакомство и совместная работа по созданию ряда научно-популярных брошюр и статей на узбекском языке. Сначала мы пересмотрели и в несколько ином плане переработали упомянутый выше очерк, а затем написали ряд статей на геологические темы для пионерских и комсомольских газет («Ленин учкуни» и «Ёш ленинчи»), опубликовали обращение к пионерам и комсомольцам о том, как искать месторождения полезных ископаемых во время маршрутов, путешествий и альпинистских походов; здесь же давались самые необходимые элементарные понятия для проведения геологических поисков и разведки.

В 1947 году я поступил в аспирантуру при Институте геологии АН УзССР по специальности «Геология угольных месторождений». Этому соответствовала моя дипломная работа, которая была посвящена геологии и литологии угленосных отложений Чошкобулакского буроугольного месторождения Ангренского бассейна. В этом направлении мною уже была проделана определенная работа, но вот спустя год, в 1948 году, вызывает меня Х. М. Абдуллаев и говорит: «Абидходжа, в Москве я договорился с учеными Азербайджана об откомандировании одного молодого специалиста в Баку для подготовки из него высококвалифицированного геолога-нефтяника. Так вот, этот молодой человек — Вы». Я стал возражать, мотивируя тем, что я не нефтяник, что моя специальность имеет свои, присущие ей особенности, хотя она в той или иной степени родственна нефтяной геологии.

«Вот, вот, именно. Они родственны, но из угля выжимать масло нельзя, а из нефти можно* (Кумирни мойини чикораалмайсиз, нефтьнинг мойини чикариш мумкин)»,—сказал Хабиб Мухамедович с улыбкой, и серьезно продолжал: «Но дело не в этом. Насколько я представляю себе территорию республики, обширные районы Кызылкумов и Каракумов, южные районы Узбекистана, предгорья Гиссара очень слабо изучены с точки зрения их нефтегазоносности. Между тем по общим геологическим соображениям и учитывая, что в пределах этих территорий мы имеем ряд крупных мезо-кайнозойских прогибов, заполненных осадочными образованиями, мощностью 2—3 и более километров, нельзя представить их пустыми; они безусловно являются вместилищами богатейших залежей нефти и газа. Открытие на этих территориях месторождений нефти и газа коренным образом изменит экономику и жизнь нашей республики. Учитывая это, уже планируется проведение большого объема геолого-разведочных работ на этих территориях, которые требуют значительного расширения научных исследований в области геологии, разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений.

---

*) В смысле важности нефти по сравнению с углем.

Однако, к сожалению, эти направления нефтяной науки получили недостаточное развитие в нашей республике. Нет до сих пор ни одного узбека геолога-нефтяника. Вы будете первым!».

Мне пришлось согласиться с Х. М. Абдуллаевым и, вскоре я стал членом небольшого, но очень сильного коллектива нефтяников Института геологии АН АзербССР, возглавляемого крупнейшим ученым-нефтяником А. М. Габрильяном. Благодаря Х. М. Абдуллаеву я познакомился с крупнейшими учеными-нефтяниками Азербайджана: академиками А. А. Якубовым, А. А. Ализаде, А. Д. Султановым, А. Г. Алиевым и др.

Предвидение Х. М. Абдуллаева сбылось. Были открыты десятки месторождений нефти и газа на территории Западного Узбекистана (в Бухаро-Хивинской области), среди которых неисчерпаемый источник голубого огня — гигант Газли. Это открытие коренным образом изменило объем использования горючих, поставив на первое место природный газ. Благодаря ему изменились жизнь, быт и экономика нашей республики и центральной части СССР.

Бухарский газ пошел непрерывным потоком в города Средней Азии и Южного Казахстана, и по единственному в мире трансконтинентальному газопроводу Бухара-Урал. Газ стал подаваться в промышленные центры Урала. В последующие годы перспективы нефтегазоносности республики еще больше расширились, геологи — ученые и разведчики высоко оценили потенциальные возможности недр Южного Узбекистана и плато Устюрт, появились и на этих территориях первые ласточки — месторождения нефти и газа. Планируется подача природного газа Узбекистана в центральные города Советского Союза. В связи с большими перспективами нефтегазоносности территории республики возникла настоятельная необходимость в широкой организации научно-исследовательских работ в области геологии, разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений.

В 1959 году на базе Узбекского филиала ВСЕГЕИ и ряда лабораторий Института геологии АН УзССР был создан Институт геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений. В создании этого института Хабиб Мухамедович сыграл главенствующую роль.

Успехи в развитии нефтяной и газовой промышленности нашей республики в значительной степени были достигнуты еще при жизни Х. М. Абдуллаева. Однажды в узком кругу нефтяников нашей республики и крупнейших специалистов из Москвы, где был, в частности, профессор А. А. Бакиров, после беседы о достигнутых успехах в области геологии нефтяных и газовых месторождений Хабиб Мухамедович вдруг обратился ко мне: «Ну, Абидходжа, поняли Вы теперь, насколько велики возможности выжимания масла из нефти и природного газа (Хош, Абидходжа, энди нефть ва газдан мой чикади деган сузима тушиндингизми?)».

Все долго смеялись шутке, но только в этот день я понял сокровенный смысл слов Х. М. Абдуллаева, сказанных им еще в 1948 году.

Хабиб Мухамедович любил собирать вокруг себя друзей, учеников и соратников, и всегда темы беседы охватывали большие проблемы развития культуры, искусства, науки народов нашей республики. Но не упускались и так называемые малые проблемы — определение, например, судьбы того или другого талантливого, способного, по мнению Х. М. Абдуллаева, студента ТашПИ, ТашГУ и других вузов республики. Всех нас — его друзей, соратников, учеников поражала его прекрасная осведомленность в отношении молодых перспективных студентов или специалистов, которых нужно было привлечь к работе в научно-исследовательских учреждениях. Нередко мы, руководители отдельных направлений геологической науки, пользуясь советами Х. М. Абдуллаева, приглашали из Москвы или из других республик, а также с производства специалистов и приобретали, как правило, отличных научных сотрудников. Почти все наши беседы с участием Х. М. Абдуллаева касались планов дальнейшего расширения и усиления того или иного направления геологической науки, подбора, подготовки и расстановки высококвалифицированных кадров, причем Хабиб Мухамедович требовал обязательного выполнения поручений, в отношении которых достигнута общая договоренность. В противном случае он бывал очень резким и нередко в адрес провинившегося следовала острая ирония, причем ирония была очень действенным оружием в его руках: Хабиб Мухамедович мог на протяжении вечера или встречи не давать покоя провинившемуся, от чего последний готов был провалиться сквозь землю. Х. М. Абдуллаев был совершенно прав, считая, что шутка, ирония, сатира, наконец, действуют куда результативнее, чем долгие нотации и гневные разносы.

И мы любили его именно за это: за остроумие, за глубочайшие мысли, за отсутствие чванливости, и прощали ему порой резкие выпады.

Х. М. Абдуллаев внес большой вклад в создание ряда направлений и школ геологической науки, в организацию научных учреждений и подготовку высококвалифицированных специалистов-ученых в Узбекистане. Он внес достойный вклад и в формирование узбекской советской интеллигенции.

Хабиб Мухамедович искренне любил великую советскую страну и свою родную узбекскую землю, трудовой народ. Он не только мечтал видеть узбекский народ на высоком уровне развития культуры, науки, искусства, но и активно боролся за осуществление этой мечты, он был подлинным патриотом в полном смысле этого слова.

Заботливый отец, чуткий руководитель, старший брат молодых ученых, он отличался требовательностью и строгостью как к себе, так и к окружающим.

Как ученый и государственный деятель, как педагог и как человек Х. М. Абдуллаев был примером для ведущих деятелей науки.

О. Борисов

Доктор геолого-минералогических наук

9 ЛЕТ С ХАБИБОМ МУХАМЕДОВИЧЕМ

Будучи студентом четвертого курса геологического факультета Самаркандского государственного института им. А. Навои, я прочитал книгу Х. М. Абдуллаева «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями» (1950). Она увлекла меня и побудила к самостоятельным наблюдениям над взаимоотношениями гранитных массивов с вмещающими породами, результаты которых я изложил в дипломном проекте «Вопросы ассимиляции, метаморфизма и метасоматоза на примере восточной оконечности Актауского массива (Южно-Нуратинский хребет)», защищенном весной 1953 года. Осенью того же года при поступлении в аспирантуру Института геологии АН УзССР мне посчастливилось познакомиться с Хабибом Мухамедовичем, который заинтересовался моими наблюдениями и предложил продолжить их под его руководством.

После того, как я защитил диссертацию в 1958 году, Хабиб Мухамедович включил меня в группу по разработке классификации рудно-петрографических провинций мира, которая работала вплоть до его безвременной кончины.

Встречи, беседы, совместная работа над рядом вопросов позволили мне глубже узнать Хабиба Мухамедовича, этого одаренного человека, посвятившего свою жизнь геологической науке и служению народу. Здесь я хочу рассказать о некоторых чертах его характера и привести ряд примеров из его научной деятельности.

Х. М. Абдуллаев обладал чрезвычайно живым складом ума. Его замечания, реплики были всегда остроумны, метки. Он не любил длинных речей, объяснений, был всегда предельно краток. В нескольких словах он мог обрисовать главное, характерное. Он был хорошим оратором.

Хабиб Мухамедович был веселым, весьма общительным человеком, умным собеседником. Своей жизнерадостностью он заражал и других. Я никогда не видел его грустным, апатичным. Его кипучая деятельность не оставляла времени для грусти.

Он бывал и недовольным, но очень редко. Это случалось тогда, когда кто-нибудь не сдерживал своих обещаний, не выполнял к сроку работу, допускал неточности. К таким лицам он относился строго, хотя и не придирчиво.

Он обладал прекрасной памятью. Имена, фамилии, даты, наименования статей, их основные положения и многое другое он помнил наизусть. Вместе с тем в его кармане всегда находилась

Х. М. Абдуллаев в экспедиции, 1958г.

записная книжка, в которую он заносил схемы и варианты будущих работ и основные положения новых идей. Это случалось в поезде, гостинице, на совещаниях. Театр, кино или интересная художественная книга нередко приносились им в жертву науке.

Хабиб Мухамедович был всегда в курсе геологических событий, умел быстро схватить основные направления зародившихся идей и оценить их с точки зрения государственной, народнохозяйственной значимости.

Он был крупным организатором. Умел увлечь идеей, убедить в необходимости предпринимаемого дела, но при этом всегда старался учесть и мнение других.

В дискуссиях он был принципиальным, иногда резким. Выслушав оппонента, он вначале делал тезисный набросок ответа в небольшом блокноте, затем уже выступал. Этим достигалась четкость и краткость речи.

Хабиб Мухамедович был очень скромным человеком. Он никогда не подчеркивал ни своего занимаемого положения, ни степени, ни званий. Торжественное заседание по поводу присвоения ему звания лауреата Ленинской премии было единственным чествованием на моей памяти.

Хабиб Мухамедович говорил, что основная цель его жизни — создать монографию по теоретическим основам металлогении. Эту мысль он вынашивал еще в сороковых годах. Создание подобного труда невозможно без рассмотрения взаимосвязи и взаимообусловленности постмагматического оруденения с другими геологическими явлениями, без учета особенностей геологического развития отдельных районов. В первую очередь он обратил внимание на связь оруденения с гранитоидными интрузиями, обосновав их генетическую связь и выдвинул концепцию об ассимиляционной специализации магмы и постмагматических рудоносных растворов. На дальнейшем этапе им было рассмотрено взаимоотношение оруденения с дайковыми образованиями, где была подчеркнута парагенетическая их связь. В последние годы он проанализировал зависимость оруденения от типа геологического развития отдельных участков земной коры.

Основные положения по металлогении сведены им в курс «Металлогения», который он читал с 1951 года на геологоразведочном факультете Ташкентского политехнического института и опубликованный уже посмертно под названием «Металлогения — геологическая основа поисков месторождений полезных ископаемых» (Х. М. Абдуллаев. Собрание сочинений, т. VI, Изд-во «Фан» УзССР, 1967).

В последние годы он намечал написать работы «Разломы и оруденение», «Вулканизм и оруденение», «Магматическая дифференциация и оруденение» и другие. Хабибу Мухамедовичу не удалось осуществить свое намерение. Фундаментальный труд по металлогении будет, несомненно, написан его последователями.

Одной из особенностей работ Хабиба Мухамедовича являлось широкое применение диалектического материализма для анализа и обобщения фактических материалов. Он подчеркивал, что подъем нашей геологической науки возможен «благодаря материалистическому подходу к изучению природных явлений, благодаря анализу фактов с точки зрения диалектического материализма». В этом один из секретов жизненности его идей.

Хабиб Мухамедович большое значение придавал геологическим идеям, теориям. Еще в 1950 году он отмечал, что в настоящее время геологическая теория может «расшифровывать историю геологического развития отдельных районов совместно с их месторождениями и давать прогнозы состава и размеров месторождений. Геологическая теория становится реальным средством планомерного освоения природных богатств нашей Родины...» Он неоднократно указывал на громадное организующее и мобилизующее значение идей и призывал к «научному обобщению собранного громадного фактического материала», весьма справедливо подчеркивая недооценку такой работы некоторыми научными и производственными учреждениями.

Он отмечал, что «теоретическая работа — это еще не инструкция для организации поисков и разведки и нельзя от всех и всяких построений требовать, чтобы они служили только для поисково-разведочной практики. Нельзя забывать, что геология как наука должна создать цельное учение о Земле как о планете, знать ее историю и генезис отдельных явлений и участков. Поэтому за некоторыми работами следует признать общее познавательное значение. В этом случае можно говорить о большом практическом значении этих работ, расширяющих наши знания о земной коре, о закономерностях ее развития и образования в ней месторождений полезных ископаемых. С сожалением приходится констатировать, что эту сторону исследований мы нередко забываем. Поэтому требовать от всех геологических работ прямого выхода на производственную линию — это значит не понимать роли геологической науки вообще».

Учитывая большую важность теоретического направления в геологии, которое должно быть основано на базе обширных знаний по региональной геологии, Х. М. Абдуллаев создал отдел региональной геологии и металлогении при Институте геологии, который сам же и возглавил. Он мечтал в будущем превратить его в научно-проблемную единицу, где разрабатывались бы методики к прогнозам и металлогеническим картам самых разных масштабов и видов и давалось их научное обоснование.

Идеи Хабиба Мухамедовича не представляли собой что-то неизменное, постоянное. Новые фактические материалы, открытие новых закономерностей позволяли ему уточнять сущность идей, вносить некоторые коррективы. Так, вопрос о генетической связи оруденения с гранитоидными интрузиями существенно раз-

вивался и углублялся со времени первого издания книги «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями» (1950) до выхода второго издания в 1954 году и книги «Дайки и оруденение» в 1957 году. Наиболее существенными изменениями следует считать следующие:

— В ранее описанной одной общей форме генетической связи выделялись две главные формы этой связи — прямая генетическая и парагенетическая и, кроме того, дополнительно пространственная (или псевдогенетическая) связь для тех месторождений, которые располагаются в более древних по возрасту интрузивных породах;

— Соответственно пополнялось представление и о глубине источников постмагматических образований; месторождения обладают прямой генетической связью с крупными массивами батолитового этапа, располагающимися в верхних — структурно-геологических ярусах; с малыми интрузиями и дайками месторождения имеют парагенетическую связь, и их общий очаг находится глубже — в гранитном слое на границе с базальтовым.

Определенное развитие и уточнение получили понятия о роли процессов ассимиляции в петрографической специализации магмы и постмагматических растворов. Процессы ассимиляции рассматриваются как одна из форм взаимодействия магмы с геологической средой, меняющая свою интенсивность в зависимости от этапов геологического развития и от типа районов.

Наибольшая роль процессов ассимиляции — в формировании интрузий батолитового этапа, и для них наиболее характерна специализация растворов (ассимиляционная металлогеническая специализация).

Для объяснения петрографического разнообразия малых интрузий и даек послебатолитовых этапов Х. М. Абдуллаев развил концепцию о дифференциации магматического очага, возникшего в гранитном слое за счет переплавления последнего, которая обусловливает глубинную металлогеническую специализацию магм и для хода которой уже определяющим условием является характер тектонического режима.

В работе «Рудно-петрографические провинции и вопросы их классификации» металлогеническая специализация рассматривалась в более широком аспекте, в зависимости от типа и характера геологического развития отдельных участков земной коры, объединенных в понятие «подвижность». По мнению Х. М. Абдуллаева, «подвижность представляет собой неотъемлемое качество любого участка земной коры, характеризующего интенсивность различных форм движения в течение того или иного отрезка времени». И несколько далее: «Под подвижностью мы понимаем такое состояние территории, с которым связаны все геологические процессы и прежде всего металлогенические: с активным проявлением ее связана металлогеническая специализация тер-

ритории... Поэтому подвижность в металлогенической интерпретации, особенно применительно к эндогенному процессу, может быть заменена или принята как металлогеническая, так как она учитывает все основные элементы геологического развития, приводящие к специализации территории в отношении структурного развития, магматизма и рудообразования».

Таким образом, глубинная и ассимиляционная металлогеническая ассимиляции должны рассматриваться с этих позиций как частные формы металлогенической специализации территорий.

Здесь необходимо остановиться на развитии представления о «генетических рядах», этот термин Х. М. Абдуллаевым был введен в литературу в 1950 году. В то время им было выделено два генетических ряда месторождений, один из которых связан с гранитоидными интрузиями повышенной основности (контаминированными), а другой — с неконтаминированными кислыми гранитоидными интрузиями. В дальнейшем (1961 году) им выделялись ряды, включающие близкие по составу и времени типы проявлений рудной минерализации, обязанные происхождением определенным по возрасту, составу и условиям образования магматическим формациям,— петрометаллогенические ряды. «Таким образом, создаются ряды связанных между собой эндогенных месторождений и магматических пород, которые мы называли петрометаллогеническими рядами..., причем образование этих рядов определяется соответствующими структурно-геологическими условиями». Петрометаллогенический ряд образуется в один тектоно-магматический этап, который может включать и несколько петрометаллогенических рядов.

Кроме того, Х. М. Абдуллаевым были введены понятия о тектоно-магматических и структурно-геологических (структурно-фациальных) комплексах.

Первые представляют собой совокупность изверженных пород и их постмагматических образований, возникающих в результате развития определенных тектонических условий в течение одного тектоно-магматического цикла. Под структурно-геологическим комплексом Хабиб Мухамедович понимал всю совокупность осадочных, метаморфических, магматических и рудных формаций и структурные условия их развития, отвечающие в пределах мегацикла платформенной, геосинклинальной или геоантиклинальной стадиям. Все эти представления и легли в основу классификации соответственно рудных районов, рудно-петрографических провинций и структурно-геологических зон.

Можно привести еще ряд примеров, но думается, сказанное уже достаточно ярко показывает, что Хабиб Мухамедович всегда творчески развивал свои идеи на основе обобщения все более и более обширного материала.

Постоянная нехватка времени компенсировалась Хабибом Мухамедовичем своеобразной методикой работы. Первые намет-

ки — основное содержание будущей работы — наносились им в сокращенном виде на отдельные небольшие листочки, в которые он неоднократно вносил коррективы и дополнения. Когда идея работы становилась достаточно ясной, Хабиб Мухамедович диктовал ее своей бессменной помощнице — стенографистке и машинистке Нине Александровне Платоновой. В готовые варианты текста неоднократно вносились коррективы, и в результате научная работа в виде статьи переписывалась начисто. Рукопись отдавалась им на просмотр специалистам и после внесения исправлений направлялась в печать. От первых пометок — до статьи и, наконец, к монографии — таков путь воплощения в геологическую науку идей Хабиба Мухамедовича.

Хабиб Мухамедович имел много учеников и к каждому он подходил индивидуально, с учетом характера и наклонностей. Вначале он знакомился с трудовой деятельностью своего будущего ученика, с его научными интересами. Поэтому чаще всего предложенная им тема являлась как бы логическим продолжением дипломного проекта или производственного отчета. Он стремился выявить способных студентов и после окончания вуза принимал их в аспирантуру.

Во всех случаях он не навязывал темы, а стремился увлечь ею, показать ее важность. Предлагаемые им темы всегда были злободневными и важными для установления объективной истины.

Хабиб Мухамедович никогда не сковывал инициативы своих аспирантов, однако, всегда стремился, чтобы их идеи соответствовали фактам. Мною в неопубликованной работе «Некоторые вопросы генезиса кварцево-полевошпатовых пород» (1955) были описаны случаи преобразования гранитоидных пород в лейкократовые с помощью метасоматоза. Он посоветовал мне не увлекаться ультраметасоматическими взглядами, которые в то время в Средней Азии не находили подтверждений. Однако позже, для проверки этой идеи (как сказал мне Хабиб Мухамедович) он предложил А. Ф. Свириденко тему «Петрология лейкократовых гранитоидных пород и их металлогеническое значение». В результате были найдены и описаны метасоматические лейкократовые граниты в Западном Узбекистане. Хабиб Мухамедович не любил, когда ученики только подкрепляли его основные положения и не вносили в них ничего нового. Как-то ему сказали, что у меня есть некоторые свои мысли в части типов ассимиляции. «Я считаю и впредь буду считать моими учениками тех, кто исправляет и развивает дальше мои идеи» — ответил он.

Хабиб Мухамедович способствовал быстрейшему завершению работы своих последователей и словом и делом поддерживал их.

А. Садыков

Член-корреспондент АН СССР

ИНИЦИАТОР НАУКИ

С Хабибом Мухамедовичем Абудллаевым я был знаком с 1946 года. Мне довелось в течение десяти лет работать с ним в Президиуме Академии и Отделении геолого-химических и технических наук. Хабиб Мухамедович был не только большим ученым, до самозабвения влюбленным в науку, но и талантливым организатором и государственным деятелем.

Я вспоминаю Хабиба Мухамедовича в Президиуме. Он никогда не допускал обсуждения «сырых» вопросов. Все, что исходило от него, отличалось глубоким знанием дела, широкой постановкой проблем, которые, как правило, выходили за рамки узко академических интересов, представляли собой проблемы республиканского значения.

Х. М. Абдуллаев отличался исключительной собранностью, деловитостью, умением ценить и распределять свое время, глубоким сознанием долга.

Хабиб Мухамедович был большим организатором геологической науки в республике. По его инициативе Институт геологии, ныне Институт геологии и геофизики им. Х. М. Абдуллаева АН УзССР, превратился в один из крупных научно-исследовательских центров. Он вложил много сил и знаний в организацию и формирование таких научных учреждений, как Институт геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений, Институт гидрогеологии и инженерной геологии, Среднеазиатский институт геологии и минерального сырья Министерства геологии УзССР, ставших сегодня ведущими научно-исследовательскими институтами республики.

Жизнь и деятельность Х. М. Абдуллаева — яркий пример служения науке и интересам народа. Плодотворность научной деятельности Хабиба Мухамедовича отразилась в его непрерывных исканиях и тесной связи с научными и производственными организациями, с людьми, работавшими рядом с ним. За свою короткую кипучую жизнь он успел сделать многое для развития геологической науки, создать теоретическую основу поисков месторождений, определить закономерности их размещения в земной коре. Следуя за основоположниками советской металлогении В. И. Обручевым, А. Е. Ферсманом и другими, Х. М. Абдуллаев образовал научную школу петрометаллогенического направления, получившую признание не только в СССР, но и за рубежом. Он усовершенствовал металлогеническую теорию, поднял ее на новую ступень. Все это нашло отражение в его более чем ста оригинальных научных работах, которые благодаря своей научной ценности долго будут служить ценнейшим пособием для многих поколений геологов.

Х. М. Абдуллаев был не только талантливым ученым, но и видным государственным и общественным деятелем. Он прекрасно знал экономику республики, ее скрытые резервы, четко представлял себе перспективы экономического развития. Ярко проявились эти способности Хабиба Мухамедовича на посту заместителя председателя Совета Министров и председателя Госплана УзССР.

Где бы ни работал Х. М. Абдуллаев — на поприще науки или в советских учреждениях и партийных органах — он всегда требовал от своих сотрудников творческого отношения к порученному делу, глубокого проникновения в его суть. Он умел направлять труд и мысли своих сотрудников на неустанное движение советской науки вперед на подъем народного хозяйства.

Особенно велика роль Х. М. Абдуллаева в подготовке научных и научно-педагогических кадров. Хабиб Мухамедович всегда подчеркивал известные трудности в подготовке кадров ученых. Будучи президентом АН УзССР, он в одном из своих выступлений говорил: «Инженера, врача, агронома, любого специалиста можно подготовить за определенно установленный срок, а настоящего ученого высшей квалификации не всегда можно подготовить за короткий срок. Это сложный, кропотливый и трудоемкий процесс». И далее: «Путь подготовки ученых через целевую аспирантуру, прикрепление аспирантов и стажеров-исследователей к ведущим научным учреждениям братских республик — правильный путь, но он не может полностью решить проблему подготовки кадров. Мы должны резко усилить подготовку докторов наук. Это проблема номер один для нашей республики. Только решив ее, мы сможем своими силами готовить кандидатов наук — удовлетворить постоянно растущую потребность в научных кадрах высшей квалификации». Трудно переоценить роль Х. М. Абдуллаева в подготовке научных кадров геологов.

Научные заслуги Х. М. Абдуллаева высоко оценены: он был членом-корреспондентом Академии наук СССР, действительным членом Академии наук УзССР, действительным членом Минералогического общества Великобритании и Французского геологического общества. В 1959 г. за работу «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями» Х. М. Абдуллаев был удостоен Ленинской премии.

Хабиб Мухамедович Абдуллаев мечтал видеть родной Узбекистан передовой республикой с развитой наукой и промышленностью, мечтал поставить богатства недр на службу строительству коммунистического общества в нашей стране.

Мечты Х. М. Абдуллаева сбываются. Быстрыми темпами ведутся научные исследования в Академии наук Узбекистана, в вузах и других научно-исследовательских институтах республики. Созданы Министерство геологии УзССР и ряд отраслей горнорудной и металлургической промышленности. Соратники и ученики академика Х. М. Абдуллаева неустанно работают над

дальнейшим повышением роли геологической науки, над развитием и претворением в жизнь его плодотворных идей.

Рано ушел от нас Х. М. Абдуллаев. В его лице мы потеряли не только блестящего ученого, талантливого государственного и общественного деятеля, но и человека большой души. Светлый образ Хабиба Мухамедовича навсегда сохранится в памяти тех, кто его знал.

А. Музафаров

Академик АН УзССР

ОН ЖИВЕТ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев был прежде всего очень одаренным и всесторонне эрудированным человеком. Он был крупным ученым-геологом с мировым именем и большим организатором науки, настоящим государственным деятелем. Имея большой опыт работы в Госплане республики, он хорошо знал методику планирования, разбирался в финансовых делах.

Большую и очень полезную для развития науки в республике работу он начал с анализа состояния науки, и это помогло ему приступить к планированию многих проблем для их дальнейшего развития. Прежде чем начать составление перспективного плана развития науки в республике, Хабиб Мухамедович неоднократно беседовал с членами Президиума, академиками, директорами институтов, крупными учеными республики, делился своими соображениями и советовался с известными учеными Москвы, Ленинграда, ездил в братские республики.

Именно при нем по настоящему развернулось строительство Института ядерной физики в полном комплексе в селе Кибрай и началась большая работа по строительству академгородка с общежитиями для аспирантов и научных работников.

До Хабиба Мухамедовича не была налажена работа стройконторы. В то время Академия не могла обеспечить даже текущего ремонта зданий. Институты были маломощными, имели по 50—60 сотрудников. В частности, в 1950 году Институт ботаники и зоологии насчитывал всего около 80 сотрудников. Институт занимался решением не только вопросов, связанных с изучением растительного и животного мира, но и многих других проблем сельскохозяйственного направления. Научных сотрудников с ученой степенью было очень мало, причем большинство из них вели работу по совместительству, являясь сотрудниками САГУ и других вузов. В то время Академия не могла участвовать в решении больших народнохозяйственных задач, например, взять на себя решение таких вопросов, как изучение флоры и фауны.

С увеличением числа аспирантов и созданием условий для сотрудников институтов резко стало улучшаться качество рабо-

ты. Много внимания обращалось на актуальность тем и диссертационных работ. Увеличились средства на полевые, лабораторные исследования и научные командировки. Так постепенно улучшались условия для работы, все больше оснащались оборудованием лаборатории, что позволило усилить экспериментальные исследования.

Х. М. Абдуллаев среди ученых-геологов (слева направо): В. Г. Гарьковец, Х. М. Абдуллаев, Т. К. Павленко, В. И. Смирнов, Мирали Кашкай

В итоге Академия наук уже была в состоянии брать на себя решение таких больших вопросов, имеющих научно- и народнохозяйственное значение, как, например, проблема Ангрена, юга Узбекистана и мн. др.

Если раньше Университет и вузы помогали Академии наук в подготовке кадров, то теперь Академия наук в свою очередь оказывала помощь вузам.

Достаточно сказать, что в 1970—юбилейном году только по Отделению химико-технологических и биологических наук было защищено 10 докторских и 108 кандидатских диссертаций. Сравним эти цифры с прошлыми: в системе АН Узбекской ССР на 1 января 1944 года докторов наук, включая и совместителей, насчитывалось 34, а кандидатов наук всего 40.

Естественно, все это осуществлялось под руководством партии и правительства, и, следовательно, Х. М. Абдуллаев шел по правильному пути в осуществлении исторических решений. Ха-

биб Мухамедович жил и будет жить в сердцах многих ученых; как личность, он безусловно занимает достойное место в истории развития науки и нашей страны.

Г. Дзоценидзе

Академик АН СССР

Г. Твалчрелидзе

Член-корреспондент АН ГрузССР

ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК

С Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым нас связывали товарищеские отношения с начала пятидесятых годов. Позднее эти отношения лишились налета официального знакомства и переросли в искреннюю дружбу ученых, сосредоточивших свои творческие интересы на решении общих научных проблем магматизма и металлогении.

Живой интерес к Хабибу Мухамедовичу проявился у нас, как и у большого числа советских геологов, в 1950 г., когда вышла его книга «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями». Как известно, это смелое исследование получило большое количество доброжелательных откликов, однако не обошлось без суровой критики. Последняя не смутила автора, и в 1954 г. он опубликовал второе издание этой книги, вышедшее с предисловием академика Д. С. Белянкина, который высоко оценил смелое начинание автора и его инициативу в оценке среды, где протекают магматические и металлогенические процессы.

Личное знакомство с Хабибом Мухамедовичем состоялось в Тбилиси, в 1952 г., куда он приехал из Баку в составе экскурсии, организованной после закончившегося там большого научного совещания по тектонике и магматизму Кавказа. Мы в разное время часто встречались с Хабибом Мухамедовичем на заседаниях Научного совета по закономерностям размещения полезных ископаемых в земной коре при отделении геолого-географических наук Академии наук СССР. На указанном Совете нередко происходили жаркие научные баталии. Одна из таковых посвящена рассмотрению металлогенических карт Казахстана в исполнении местных геологов под руководством академика К. И. Сатпаева и коллектива ВСЕГЕИ, возглавляемого профессором А. И. Семеновым. В разгоревшейся полемике о методах металлогенического анализа Х. М. Абдуллаев не встал на защиту своих соседей, а сохранил верность более научному, историческому подходу в решении сложных вопросов рудообразования и размещения месторождений в пространстве. Этот подход отличает и последующие исследования Хабиба Мухамедовича, в частности, его монографию «Дайки и оруденение», где выделены добатолитовая, батолитовая и постбатолитовая стадии развития складчатых областей, соответствующие основным стадиям, разработанным Г. С. Дзоценидзе

(1948), и этапам, предложенным Ю. А. Билибиным (1953). Верность принятому на вооружение научному анализу Х. М. Абдуллаев сумел сохранить во время острой критики принципов Ю. А. Билибина, положенных творческим коллективом ВСЕГЕИ в основу металлогенических работ.

В 1956 году состоялся Первый съезд интеллигенции Узбекистана. На съезде в числе приглашенных делегаций из братских республик присутствовали и представители Грузии; среди них находился один из авторов этих строк, тогда вице-президент Академии наук Грузинской ССР. По прибытии в Ташкент на аэродроме нас встретили узбекские товарищи и в их числе Хабиб Мухамедович. Он принимал активное участие в работе съезда, который показал, насколько выросла количественно и качественно интеллигенция Узбекистана. За несколько дней до этого Х. М. Абдуллаев был избран президентом Академии наук Узбекской ССР, которой он успешно руководил в течение многих лет.

В 1958 году в Узбекистане состоялось Второе всесоюзное петрографическое совещание. Мы принимали участие в нем, причем один из нас вошел в состав организационного комитета, который возглавлял Хабиб Мухамедович. Ему пришлось проделать огромную работу по организации совещания; благодаря этому пленарные и секционные заседания проходили на высоком уровне, а экскурсии после совещания как по содержанию, так и по организованности были, можно сказать, образцовыми.

Последний раз один из нас встречался с Хабибом Мухамедовичем в 1961 году, когда проездом из Алма-Аты остановился в Ташкенте, ожидая самолет на Тбилиси. Состоялась очень содержательная беседа с Хабибом Мухамедовичем о проблемах магматизма и металлогении, которым он посвятил всю свою научную деятельность. Беседы с Хабибом Мухамедовичем всегда были интересными и касались не только научных проблем, но и форм организации геологической науки в нашей стране и, в частности, в союзных республиках.

Хабиб Мухамедович ушел из жизни в расцвете творческих сил и возможностей. Поэтому в нашей памяти, как и в памяти всех знавших его, он сохранился молодым и энергичным. Будучи совсем молодым человеком, он блестяще защитил докторскую диссертацию, вел большую государственную работу в Узбекской республике. Ему не было и сорока лет, когда он стал директором Геологического института, а чуть больше сорока—президентом Академии наук Узбекистана. Кипучая научная и организационная деятельность позволила ему, несмотря на ограниченные возможности полевых геологических исследований, освоить громадный литературный материал и написать ряд ценных научных произведений. Он не успел завершить задуманный им труд по рудно-петрографическим провинциям. Предварительный вариант этого интересного труда был разослан коллегам и, в частности, мы вернули рукопись автору с некоторыми замечаниями. Такая практика очень ценна —

ведь в неофициальной рецензии можно дружески высказать порой горькие истины без опасения обидеть ученого.

Кипучая энергия Хабиба Мухамедовича особенно ярко выражалась на совещаниях, где он всегда играл главенствующую роль. Такими в нашей памяти, помимо организованного и проведенного лично Х. М. Абдуллаевым Второго петрографического, явились совещания по свинцово-цинковым месторождениям Средней Азии (1954 г.) и металлогенические в Алма-Ате (1958 г.) и Киеве (1960 г.).

Совещание 1954 года совпало с периодом наиболее острой критики, которой подвергалась первая книга Хабиба Мухамедовича. Естественно поэтому, что полемика в какой-то мере заняла чуть ли не официальное место в повестке дня совещания во Фрунзе, где скрестили шпаги сторонники представлений об одноактном проявлении металлогенических процессов (в основном представители коллектива «Средазцветметразведки») и защитники закономерного развития этих процессов в тесной связи с формированием геологических структур. Камнем преткновения в споре служили дайки изверженных пород, взаимоотношение которых с рудой, по мнению сторонников противоположных взглядов, должно было однозначно решить затронутый вопрос.

Одному из нас довелось присутствовать на отмеченном совещании, и кавказский геолог, принимающий, как вполне естественный геологический факт разновозрастность рудных месторождений в полицикличной металлогенической провинции, без долгих раздумий принял сторону Хабиба Мухамедовича в решении вопроса, казалось бы не заслуживающего особых расхождений во мнениях. Спокойная уверенность и терпеливость отличали тогда Х. М. Абдуллаева.

Через шесть лет в Киеве Хабиб Мухамедович присутствовал уже в качестве почетного гостя, научные и административные заслуги которого достигли всеобщего признания. Нами была совершена совместная чудесная геологическая экскурсия на пароходе по Днепру. Продолжительные творческие беседы и дружеские споры не прекращались до поздней ночи и, конечно, никому из нас не могло придти в голову, что это последняя встреча — столь активным, энергичным и кипучим был Х. М. Абдуллаев.

Неутомимый исследователь и большой организатор науки, человек широких интересов, хороший товарищ и сотрудник — таким сохранился в нашей памяти дорогой всем нам Хабиб Мухамедович Абдуллаев.

К. Ализаде

Академик АН АзербССР

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В 1949 году я был командирован в Казахстан для участия в юбилейных торжествах по поводу 50-летия со дня рождения ныне покойного президента Академии наук Казахской ССР ака-

демика Каныша Имантаевича Сатпаева. По дороге остановился в Ташкенте. Позвонил в Академию наук Узбекистана вице-президенту Абдуллаеву Хабибу Мухамедовичу. Мне сообщили, что он нездоров и находится дома. Хотя до этого мы не знали друг друга, Хабиб Мухамедович говорил со мной по телефону как давнишний знакомый и пригласил к себе домой. Я приехал к нему. Мы обменялись мнениями по различным вопросам геологии и работам геологов Азербайджана и Узбекистана. Я был поражен тем, что Хабиб Мухамедович в своей библиотеке имел все мои труды, переводы, терминологические сборники и работы других геологов Азербайджана, опубликованные на азербайджанском языке. Частые пометки на страницах и глубокие замечания убедили меня, что Х. М. Абдуллаев внимательно следит за геологической литературой, выпускаемой в нашей республике.

Хабиб Мухамедович подчеркнул, что эти работы и терминологические сборники играют большую роль также и для высших учебных заведений Узбекистана, где лекции читаются на родном языке. Долго продолжалась эта искренняя и дружеская беседа, и я лично убедился, что Хабиб Мухамедович очень эрудированный ученый, горячо любящий свою родину и заботливо следящий за подготовкой национальных научных кадров.

Оставаясь несколько дней гостем этого замечательного человека и встречаясь с ним у Абида Акрамходжаева — ныне академика, одного из ближайших и любимых учеников Хабиба Мухамедовича, и у других узбекских ученых, я понял, насколько заботился Х. М. Абдуллаев о формировании научных кадров Узбекистана, всей Средней Азии. Я остро почувствовал и его искреннее, дружеское отношение к развитию науки и культуры в Азербайджане. Хабиб Мухамедович был не только ученым, замечательным педагогом, но и крупным государственным деятелем с весьма широким кругозором. Он пригласил меня в театр оперы и балета имени Алишера Навои и рассказал, как много труда пришлось положить, чтобы создать этот замечательный театр. Рассказ был очень ярок, эмоционален, и я ощутил в полную силу, насколько велика у этого человека любовь к искусству своего народа.

Он познакомил меня с учеными АН УзССР, с преподавателями Государственного университета. Было видно, как он гордился, рассказывая об их успехах. И гордость эта была законной, ибо вклад его учеников обогатил не только науку республики, но и всей нашей страны.

На обратном пути из Алма-Аты я вновь остановился в Ташкенте. В этот раз с Хабибом Мухамедовичем мы стали большими друзьями.

После этого я несколько раз встречался с ним в Азербайджане на научных конференциях или во время его остановок в Баку. И с каждым разом наша дружба все больше крепла. Я ста-

рался отвечать ему в Баку тем же гостеприимством и радушием, каким он встречал меня в Ташкенте. Ему были присущи замечательные качества: отзывчивость, большая любовь к родине, патриотизм. Хабиб Мухамедович все время мечтал о будущем расцвете науки и культуры не только узбекского народа, но и народов соседних республик. Безвременная кончина этого крупного ученого, большого государственного деятеля глубоко потрясла геологическую общественность Азербайджана. Широкая эрудиция, глубина и масштабность исследований Хабиба Мухамедовича в области изучения петрографии магматических пород и образования рудных месторождений особенно проявились в процессе полемики, поднявшейся вокруг его монографии «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями» и других работ. Как известно, яростные споры закончились торжеством его идей. Результаты его глубоких исследований были высоко оценены партией и правительством — ему была присуждена Ленинская премия.

Т. Чолпанкулов

Кандидат геолого-минералогических наук

ВЫДАЮЩИЙСЯ ГЕОЛОГ

Много лет я был знаком с Хабибом Мухамедовичем заочно, по его научным трудам. Ценил его как одного из ведущих, широко известных ученых нашей страны, пользовавшегося авторитетом среди геологической и научной общественности. Разумеется, мне очень хотелось увидеть Х. М. Абдуллаева, поговорить с ним, узнать его поближе.

Впервые удалось встретиться с Хабибом Мухамедовичем летом 1958 года в Ташкенте. Я прибыл в составе делегации Казахстана для участия в работе Второго всесоюзного петрографического совещания. Встречать нас в ташкентский аэропорт приехала группа работников Узбекской Академии наук во главе с президентом. Откровенно говоря, нас это удивило; дело в том, что в нашей группе были рядовые научные работники. Вместе с тем, было очень приятно, что, несмотря на большую занятость, президент Академии нашел время и приехал встретить гостей из Казахстана.

Я присматривался к нему, наблюдал за каждым движением, старался уловить каждое слово. Брюнет, невысокого роста, правильные черты лица, живые, искрящиеся глаза, подвижный, одет скромно. Он вел себя обыкновенно, не выделяясь ничем среди других. Сразу чувствовалась простота в обращении с помощниками и подчиненными.

Как-то после окончания рабочего дня на дачу, где мы жили, приехал Хабиб Мухамедович. Приехал в гости, заодно хотел узнать, хорошо ли мы устроились и не нуждаемся ли в чем. Мы искренне благодарили за внимание и заботу. Завязалась инте-

ресная беседа в саду, на прогулке. Президент рассказывал о том, как быстро развивается в нашей стране наука, в том числе геологическая. И как важно время от времени геологам-ученым и производственникам собираться вместе и обсуждать самые наболевшие вопросы теории и практики, решать важные основополагающие проблемы на основе систематизации, анализа и обобщения накапливающихся материалов. Он подчеркнул, что проходящее Всесоюзное совещание принесет большую пользу в дальнейшей работе, выразил удовлетворение содержательностью многих докладов. Воспользовавшись паузой, кто-то из присутствующих задал вопрос Хабибу Мухамедовичу: «Какова ваша специальность в области геологии?» В ответ мы услышали: «Признаться, я затрудняюсь ответить. Сам не знаю, кто я — геолог ли, петрограф или металлогенист». Мы понимали что круг интересов Хабиба Мухамедовича в геологии очень широк — его в одинаковой мере интересовали и петрография, и металлогения, и скарны-метасоматиты, и изверженные породы, и сугубо теоретические и практические вопросы. Вот почему его ответ был так неконкретен и вместе с тем очень естественен.

Совещание было организовано безукоризненно, многие участники выразили большую удовлетворенность результатами его работы. Это впечатление еще более усилилось, когда выступил с заключительной речью Х. М. Абдуллаев. Речь была содержательна, насыщена оригинальными мыслями, пронизана основными идеями совещания, представляющего по существу международный кворум, в котором приняли участие не только лучшие представители геологической науки СССР, но и многие видные ученые зарубежных стран. Речь Х. М. Абдуллаева была прослушана с огромным вниманием, и помню, как один известный ученый из Казахстана выразил свое восхищение вслух, сказав: «Все же, какой он умница!».

Неофициальная часть совещания была также превосходно организована. Ученые за столом знакомились друг с другом и здесь очень ясно было видно, насколько широк круг знакомства Х. М. Абдуллаева с выдающимися деятелями науки, чувствовалось, что у него со многими давние деловые контакты, самые теплые личные взаимоотношения. Президент Узбекской Академии наук был здесь главным действующим лицом.

Второй и последний раз я видел Х. М. Абдуллаева в том же 1958 году в Алма-Ате на Втором всесоюзном металлогеническом совещании, куда прибыла большая группа ученых АН УзССР. Во время перерыва в работе совещания мы встретились с президентом взглядами, и Хабиб Мухамедович, уже как старый знакомый, приветливо поздоровался со мной, справился о здоровье, семье, работе. Дал некоторые советы о направлении научных исследований.

С большим вниманием слушал его выступление на совещании, посвященное принципиальным вопросам составления прог-

Х. М. Абдуллаев на открытии II Всесоюзного петрографического совещания в г. Ташкенте, 1958 г.

нозно-металлогенических карт, и видел, как непринужденно, с глубоким знанием дела, убежденно, доходчиво и ясно, логично излагал он суть вопросов.

Мне довелось побывать и «дома» у Хабиба Мухамедовича, то есть там, где он жил, будучи в Алма-Ате. И здесь он был прост в обращении, доступен каждому, разговаривал со всеми как равный с равным.

Такая простота характерна только для настоящих больших людей.

Р. Баратов

Академик АН ТаджССР

ВКЛАД В ГЕОЛОГИЮ ТАДЖИКИСТАНА

Отличаясь широким научным кругозором, большой целеустремленностью, смелостью и остротой мышления, Хабиб Мухамедович Абдуллаев выдвигал и разрешал сложные геологические проблемы, чем завоевал заслуженный авторитет среди геологов не только Совегского Союза, но и далеко за его пределами. Являясь талантливым руководителем и организатором, он сплотил большой коллектив геологов Средней Азии и стал основателем нового петро-металлогенического направления.

Х. М. Абдуллаев внес большой вклад в изучение геологии и месторождений полезных ископаемых Таджикистана. Он принимал активное участие в развитии геологической науки в республике и подготовке высококвалифицированных научных кадров. Интерес к живописным горам и богатствам недр Таджикистана возник у Хабиба Мухамедовича еще в студенческие годы. В 1933 году, он работал коллектором в составе Памирского отряда по изучению петрологии магматических пород, возглавляемого профессором В. А. Николаевым.

В 1936 году Хабиб Мухамедович, будучи аспирантом Московского геолого-разведочного института им. С. Орджоникидзе и начальником научно-исследовательской партии Лянгарского вольфрамово-молибденового месторождения, изучает Тагобысорское (Рарзское) скарново-редкометальное месторождение, расположенное в бассейне р. Зарафшан, в 35 *км* к востоку от поселка Айни (Захматабад) Таджикской ССР.

Результаты этой работы опубликованы им в 1937 и 1941 годах в трудах Московского геолого-разведочного института им. С. Орджоникидзе. Автор впервые детально описал геолого-минералогические, тектонические и морфологические особенности скарново-рудных тел и вмещающих их пород.

В последующие годы на основе личных наблюдений и обобщения огромного фактического материала по магматизму и металлогении Средней Азии Х. М. Абдуллаев опубликовал ряд

монографий: «Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии» (1947), «Очерк по металлогении Средней Азии» (1949), «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями» (1950, 1954), «Дайки и оруденение» (1957), «Магматизм и оруденение Средней Азии» (1960) и «Рудно-петрографические провинции» (1964, посмертное издание).

Почти во всех этих работах затрагиваются вопросы петрологии и металлогении Таджикистана. Х. М. Абдуллаев впервые выделил Среднюю Азию как характерную провинцию шеелитоносных скарнов. В пределах Таджикистана им определены следующие регионы их развития: Моголтау и Курама, Зарафшано-Алайская горная область и Гиссарский хребет.

Многие геологи Таджикистана, работающие в области петрографии и геологии рудных месторождений, в трудах Хабиба Мухамедовича всегда находят новые идеи, практические советы и ответы на самые животрепещущие вопросы.

С научными статьями Х. М. Абдуллаева я впервые познакомился в 1945 году, будучи студентом геологического факультета Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета, по рекомендации своего научного руководителя по дипломной работе доцента А. Б. Баталова. С тех пор я стал постоянным читателем научных трудов Хабиба Мухамедовича.

С Хабибом Мухамедовичем я познакомился в начале 1949 года. Он был назначен первым оппонентом моей кандидатской диссертации «Магматические формации Южно-Варзобского гранитоидного массива», научным руководителем моей работы являлся профессор В. И. Попов.

С большим волнением и некоторым страхом я ожидал встречи с Хабибом Мухамедовичем. В назначенный день я пришел к нему — первому вице-президенту АН Узбекской ССР. Он встретил меня радушно, после короткой беседы у меня исчез страх, и я спокойно изложил ему содержание диссертации. Х. М. Абдуллаев считал Гиссарский батолит уникальным петрологическим объектом, который необходимо изучать комплексно. Через несколько дней в назначенное время я получил отзыв на свою диссертацию. В нем был дан глубокий анализ работы и указаны конкретные задачи по дальнейшему изучению магматических комплексов Гиссара и связанного с ним оруденения.

Х. М. Абдуллаев в 1951—1953 годах по просьбе президента АН Таджикской ССР приезжал в г. Душанбе для оказания помощи Институту геологии. Он с большим интересом знакомился с постановкой научных исследований в нашем институте, охотно беседовал со всеми сотрудниками, занимающимися вопросами петрографии, минералогии и геохимии. По его совету был поставлен ряд тем по изучению особенностей магматизма и металлогении отдельных регионов Таджикистана. После его приезда значительно укрепилась наша связь с геологическими учреждениями Узбекистана.

Хабиб Мухамедович любил горы, простую обстановку работы геологов в экспедициях, а также на рудниках. Надолго у нас останутся в памяти его поездки по Гиссарскому хребту, где он осматривал месторождения Такоб, Кабуты, Майхура и др., беседовал с рудничными геологами и обсуждал с ними результаты работы. В полевых условиях, всегда занятый, Хабиб Мухамедович не обращал внимания на неудобства.

Х. М. Абдуллаев умело подбирал кадры, в особенности способную молодежь местных национальностей. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации молодые таджикские геологи — С. Бабаходжаев, М. Хамидов, Х. Юсупов и др. Автор этих строк при написании монографии «Интрузивные комплексы южного склона Гиссарского хребта и связанное с ними оруденение», опубликованной в 1966 году, неоднократно пользовался ценными советами Х. М. Абдуллаева.

Х. М. Абдуллаев был чутким, внимательным и в то же время строгим учителем. Он всегда поддерживал способных и нередко материально помогал им.

Мне не раз приходилось встречаться с Хабибом Мухамедовичем и видеть его в обыденной обстановке. Он был очень мягким в обращении с окружающими его людьми. Вместе с тем Х. М. Абдуллаев был волевым в принципиальных вопросах и всегда с присущей ему энергией отстаивал и проводил все то, что считал необходимым и полезным. Он всегда горел энтузиазмом познания и зажигал этим творческим горением всех, с кем ему приходилось соприкасаться.

Хабиба Мухамедовича Абдуллаева нет среди нас, но его мысли, светлый образ ученого, образ доброго друга и учителя, внесшего большой вклад в изучение Таджикистана, надолго останутся в умах и сердцах знавших его людей.

М. Адышев

Академик АН КиргССР

ЕГО БОГАТОЕ НАСЛЕДИЕ

Я был знаком с Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым с 1946 года. Мне приходилось с ним часто встречаться на больших ответственных совещаниях, симпозиумах, собраниях, а также неоднократно беседовать в узком кругу. Я хочу подчеркнуть что достаточно хорошо знал Хабиба Мухамедовича, причем знал и как крупного государственного деятеля, и как редкого организатора науки, и как обаятельного душевного человека.

Моя первая встреча с Хабибом Мухамедовичем произошла в горах Ала-Тао в Центральном Тянь-Шане. В те годы в Джергаланском районе был обнаружен ряд свинцовых рудопроявлений, и Хабиб Мухамедович приехал в геологический отряд Института геоло-

гии Киргизского отделения АН СССР по приглашению дирекции для оказания консультативной помощи отряду. Уже тогда он был известным и признанным ученым в области геологии рудных месторождений. Я в то время работал младшим научным сотрудником. С характерной для Х. М. Абдуллаева внимательностью и интересом он выслушал нас, подробно расспросил о делах, очень корректно поправлял и делал замечания. Вместе с нами выехал на участок, где у научных сотрудников отряда было много нерешенных вопросов. По прибытии на место, после осмотра, Хабиб Мухамедович просто и ясно ответил на все вопросы и посоветовал нам обратить серьезное внимание на контакты интрузивных пород с карбонатными осадками. Меня, тогда еще молодого специалиста, поразили в нем ясность мысли, железная логика и большая эрудиция. Мне помнится, он тогда впервые высказал мысль о роли геологической среды в образовании гранитных пород и их значении в концентрации рудных полезных ископаемых. Затем через год вышла известная монография «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями», в которой он уже обосновал эти положения.

Хабиб Мухамедович много сделал для изучения геологии Средней Азии в целом. По его инициативе был создан ряд комиссий, в частности Среднеазиатская координационная комиссия по геологии, в задачу которой входила в первую очередь разработка и постановка крупной комплексной проблемы по исследованию геологического строения и полезных ископаемых территории среднеазиатских республик.

Одно время Хабиб Мухамедович уделял большое внимание вопросу металлогении Средней Азии и отдельных ее рудных районов, в частности востока советской части Тянь-Шаня. Помню, это было весной 1959 года, после заседания названной выше координационной комиссии, он пригласил геолога Киргизского геологического управления В. И. Кнауфа и меня к себе на квартиру. Глядя на геологическую карту, он подробно расспрашивал о геологии Северного и Срединного Тянь-Шаня: особенно интересовался комплексом пород Северо-Востока Киргизии, района стыка хребтов Кунгей и Терскей Ала-Тао, их металлогеническим обликом и возрастом, взаимоотношением интрузивных, эффузивных и осадочных пород, степенью метаморфизма; часто возвращался к вопросу о степени развития в этом районе постмагматических процессов. Затем стал делать пометки в своей записной книжке и на геологической карте. Так мы просидели до поздней ночи.

Хабиб Мухамедович как ученый и знаток геологии своего края глубоко верил и никогда не сомневался в том, что недра Средней Азии богаты многими видами полезных ископаемых. Выявленные за последние годы в различных районах Средней Азии месторождения золота, олова и ряда других элементов свидетельствуют о правильности и жизненности теоретических построений

Хабиба Мухамедовича. Он был патриотом советской геологической науки и всюду достойно ее представлял, проявлял постоянную заботу о ее развитии. Мне не раз приходилось слушать его взволнованные, аргументированные речи, в которых Хабиб Мухамедович страстно защищал интересы развития геологической науки.

И последнее, что я хотел бы отметить — это исключительная забота Хабиба Мухамедовича о воспитании кадров. Он придавал этому вопросу первостепенное значение, всей душой и сердцем поддерживал молодых ученых, проявляя постоянную заботу о их росте и становлении. Его ученики в настоящее время работают во всех республиках Средней Азии и за ее пределами.

Г. Мавлянов

Академик АН УзССР

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Хорошо помню жаркий июльский день 1930 года. Я приехал из кишлака Эркин в Ташкент и встретил друга Карима Мухамедова, который учился на рабочих курсах при САГУ. Он с увлечением рассказывал, как интересно учиться, перечислял предметы, которые проходят, уговаривал меня поступить на курсы.

Но уговаривать меня не было никакой нужды. Я давно мечтал о том, чтобы продолжить образование. После встречи с Каримом я отправился в дирекцию рабочих курсов. Босой, в запыленном стертом халате я вошел в комнату и увидел юношу — босого, как и я, худого, смуглого, небольшого роста. Ожидая директора, мы, разумеется разговорились. Юноша назвал себя — Хабиб Абдуллаев.

С того дня мы прошли с ним бок о бок всю жизнь, не расставались никогда, за исключением четырех лет, которые я провел на фронте. В сентябре 1930 года после окончания рабочих курсов мы были зачислены студентами Среднеазиатского геологоразведочного института. Все мы плохо знали русский язык, а в то время лекции читались только на русском языке, но Хабиб отличался от нас и способностями, и упорством. Язык давался ему легче, чем другим, и Хабиб охотно помогал товарищам лучше освоить тот или иной курс.

В мае 1935 года мы закончили институт. Хабиба, получившего диплом с отличием, сразу назначили начальником полевой геолого-разведочной партии «Средазгеолтреста». В ноябре 1935 года он поступил в аспирантуру.

С 1935 по 1939 год мы учились вместе в аспирантуре Московского геологоразведочного института им. Орджоникидзе.

Аспиранты из Узбекистана часто собирались по вечерам в моей комнате. Я даже номер комнаты помню — 26. За ужином, за пиалой чая текла задушевная дружеская беседа на разные темы. И конечно, чаще всего шел разговор о науке. Мы хорошо

знали темы научных работ друг друга, давали советы, обсуждали научные направления. Таким образом, сами того не замечая, мы совершенствовали свои знания. Главное заключалось в том, что мы никогда не кривили душой, давали объективную оценку каждой проводимой нами работе. Разумеется, при таком подходе к делу, диссертации многих наших товарищей получили высокую оценку при защите.

Хабиб любил работать по ночам. Мы же просыпались рано и всегда удивлялись, почему это наш друг не выходит из своей комнаты до десяти утра. Шутили над ним, дразнили засоней и ленивцем, а он очень остроумно отвечал на наши реплики, шутки, смеялся вместе с нами. Хабиб Абдуллаев первым среди аспирантов набора 1935 года представил кандидатскую диссертацию. В конце 1939 года он защитил ее и был назначен заведующим отделом аспирантуры МГРИ.

Однако через несколько месяцев он вернулся в Ташкент, работал старшим преподавателем горного факультета Среднеазиатского политехнического института, потом доцентом, а через год его назначили директором.

Х. М. Абдуллаев среди участников Всесоюзного металлогенического совещания в г. Алма-Ате, 1959 г.

Это было начало роста Хабиба Мухамедовича Абдуллаева в науке. Уже в 1956 году, сорока четырех лет, он стал президентом Академии наук Узбекистана. Вот об этом периоде я хочу рассказать полнее, ибо на посту президента он сделал очень много для развития науки в нашей республике.

Хабиб Мухамедович был человеком весьма дальновидным. Он предвидел будущее АН УзССР, все возрастающую роль научных работников в развитии отраслей науки, а также уделял много

внимания росту научных кадров. Напоминал, просил, требовал от директоров институтов, чтобы они командировали лучших сотрудников в качестве аспирантов в Москву, Ленинград, другие города страны, и особенно по тем областям науки, которые были слабо развиты в Узбекистане.

Для подготовки высококвалифицированных научных кадров он не жалел ни времени, ни сил, использовал самые эффективные методы. Только этим можно объяснить то, что за 1956—1962 годы в Узбекистане было подготовлено очень большое количество кандидатов и докторов наук.

По инициативе Х. М. Абдуллаева при АН УзССР в 1958 г. был открыт горный отдел. В то время в Узбекистане по этой специальности было всего шесть кандидатов наук. А ведь специалисты по горному делу в Ташкенте готовились уже более 20 лет, действовал горный факультет.

Открытие этого отдела позволило принять в аспирантуру в течение нескольких лет более 50 человек, причем большинство было командировано в центральные города Советского Союза. Х. М. Абдуллаев лично занимался прикреплением аспирантов к высококвалифицированным руководителям. Будучи сам научным руководителем, он не жалел времени на письменные ответы аспирантам. Когда он бывал в Москве, Ленинграде, часто собирал аспирантов, беседовал с ними, помогал им советом, делом и деньгами.

Плоды этих забот были очень весомыми. В 1965 году в Ташкенте работало уже 45 кандидатов наук по горному делу. Многие к тому времени, а некоторые позднее защитили докторские диссертации.

Хабиб Мухамедович был настоящим другом и опорой для всех ученых Узбекистана, он был большим патриотом советской науки. В заграничных командировках на геологических конгрессах и симпозиумах Х. М. Абдуллаев горячо защищал интересы и приоритет нашей науки.

Вот один из эпизодов, который рассказал академик Дмитрий Иванович Щербаков. Речь идет о том времени, когда советская делегация принимала участие в Геологическом конгрес- науки. В заграничных командировках, на геологических конгресса члены советской и американской делегации встретились для беседы. Глава американской делегации предъявил обвинение Дмитрию Ивановичу Щербакову (он в то время был председателем геолого-географического отделения Академии наук СССР) в том, что советские геологи плохо знают работы американских геологов и, кроме того, стараются якобы действовать изолированно. Д. И. Щербаков вспоминает, что поначалу растерялся и не сразу нашел, что ответить. Хабиб Мухамедович отреагировал моментально. Он быстро доказал руководителю американской делегации, что не советские геологи изолируются, а американские. Он задал множество вопросов и буквально заг-

нал американцев в тупик. Хабиб Мухамедович заявил, что американских геологов-ученых, в частности сидящих здесь, знают не только высококвалифицированные специалисты нашей страны, но любой студент геологического факультета. Потом заключил: «Я, например, как заведующий кафедрой металлогении Среднеазиатского политехнического института во время лекций уделяю много внимания работам геологов зарубежных стран, в частности американских коллег. Любой наш студент знаком с основными трудами и идеями таких профессоров геологии, как Холмс, Эммонс, Лингрен, Хьюлин и др.». Тут же он спросил, а знают ли американские специалисты хотя бы имена советских геологов, которые присутствуют на конгрессе.

Хабиб Мухамедович был очень трудолюбивым, высокодисциплинированным, волевым, общительным и энергичным человеком; он обладал блестящими организаторскими способностями. Его острый ум всегда умел отличить главное от второстепенного и все главное он не откладывал в долгий ящик, обязательно доводил до конца. Он не терпел бюрократизма вообще и особенно в науке. Бывали случаи, когда я обращался за советом к Хабибу Мухамедовичу по, казалось бы, неразрешимым проблемам науки. И всегда получал самое полное удовлетворение от его ответов. Интересно было наблюдать за Хабибом Мухамедовичем, как он «думает». Сразу чувствовалось, что мозг его начинал работать с максимальной нагрузкой, глаза блестели. Нередко он тер руками лицо, будто снимая напряжение. И вот в глазах вспыхивал уже яркий свет, что означало — решение найдено.

За сравнительно короткую жизнь он написал более 100 научных работ общим объемом около 300 печатных листов. Он создал металлогеническую школу в Узбекистане. Как можно было успеть сделать все это? Только с помощью систематического упорного, самого напряженного труда, когда на отдых отводится всего несколько часов в сутки, а остальное время отдано работе. Как правило, после рабочего дня или в выходной день он приглашал к себе стенографистку и диктовал ей. Обычно за вечер он успевал «написать» 25—30 страниц. Это очень много!

За время нашей 32-летней дружбы я ни разу не видел Хабиба Мухамедовича совершенно свободным от дел, отключенным от мыслей.

Иногда после работы мы шли домой вместе. Я обычно старался отвлечь его от дел, заводя разговор о чем угодно. Хабиб Мухамедович отвечал, но часто невпопад и становилось ясно, что его думы всецело отданы работе. Однажды я вынужден был сказать: «Ты когда-нибудь хоть на полчаса дашь отдых своей голове? Ведь твой мозг находится все время в напряженном состоянии. Так нельзя!».

Он улыбнулся и ответил: «Такова, очевидно, моя природа и потом надо всегда помнить, что у людей слишком короткая жизнь, а сделать нужно многое».

Хабиб Мухамедович поддерживал деловые и личные связи с крупнейшими советскими и зарубежными учеными. Он вел переписку с академиками В. А. Обручевым, Д. С. Белянкиным, С. С. Смирновым, В. И. Смирновым, Ю. А. Билибиным, Д. В. Наливкиным, В. А. Николаевым и другими. Переписывался и с зарубежными специалистами — А. Дудеком, Яном Кутиной из Чехословакии, с Полем Синклером из Англии, с К. Ф. Девидсоном из Шотландии, с профессором Резинквистом из Осло, с Ален М. Бэтманом из США и многими другими.

Хабиб Мухамедович побывал во многих странах мира: в Англии, Мексике, Китае, Индии, Швейцарии, Чехословакии и др. Он участвовал в работах геологических конгрессов, симпозиумов и совещаний, ездил на встречи с иностранными специалистами для чтения докладов и консультаций по вопросам металлогении.

...О пребывании Х. М. Абдуллаева в Чехословакии газета «Руде Право» 4 июля 1958 года писала: «По приглашению Чехословацкой академии наук с 19 июня по 3 июля пребывал у нас один из главных представителей советской рудной геологии академик Х. М. Абдуллаев, президент Академии наук Узбекской ССР.

Академик Х. М. Абдуллаев провел консультации с многочисленными нашими геологами и посетил некоторые наши рудные месторождения. Был также принят президентом ЧСАН З. Неедлой и его заместителем Ф. Шорма»...

Хабиб Мухамедович был аккуратным человеком, он никогда не опаздывал ни на заседания Президиума, ни на лекции, доклады и даже в гости.

Он умел работать с людьми и мобилизовывать их на решение крупных научных вопросов, выполнение широких организационно-хозяйственных мероприятий. Заседания Президиума Академии наук Узбекской ССР, на которых решалось сразу по несколько сложных вопросов, и длились они по нескольку часов. Хабиб Мухамедович проводил так, что собравшиеся даже не чувствовали усталости. Он ставил вопросы в интересной форме, не позволял докладчикам «заговариваться», требовал конкретных решений, вовлекая всех присутствующих в круг широких и важных дел.

Хабиб Мухамедович мог иной раз очень круто поступить с человеком, который плохо исполнял свои обязанности, проявлял равнодушие к подчиненным. В связи с этим приведу один случай.

В бытность Хабиба Мухамедовича вице-президентом Управление делами Академии наук Узбекской ССР приняло на работу нового вахтера. Управляющий делами не оформил во время документов на поступившего, и по этой причине вахтер не получил зарплату за первый месяц работы.

Вахтер не раз обращался к управляющему делами, но денег

ему так и не выписали. Об этом узнал Хабиб Мухамедович. Он вызвал управделами и в присутствии вахтера спросил: «Вы знаете этого товарища?... Вы его приняли на работу и не платили в течение месяца зарплату, не оформили его приказом». Управляющий делами согласился, что проявил в данном случае халатность. Тогда Хабиб Мухамедович на заявлении вахтера написал: «Удержать из зарплаты управделами, виновного в волоките, и оплатить вахтеру заработную плату за прошедший месяц».

Хабиб Мухамедович не уставал повторять своим друзьям и ученикам о необходимости быть всегда честным и добросовестным, самоотверженно служить развитию советской науки. Вот эпизод из его жизни.

Когда Хабиб Мухамедович работал в Президиуме академии наук, к нему обратился отец «будущего ученого». Сказал не прямо, а передал через людей, что если Хабиб Мухамедович примет сына в аспирантуру, то он закажет ему специальный ковер, соответствующий размеру его домашнего кабинета. Разумеется, Хабиб Мухамедович даже не пожелал видеть этого человека.

Летом 1952 г. Х. М. Абдуллаев тяжело заболел и долгое время не выходил на работу. Однако ему начислили заработную плату полностью, как здоровому, и перевели эти деньги на сберегательную книжку. Хабиб Мухамедович, узнав об этом, написал заявление, в котором потребовал произвести перерасчет согласно представленному бюллетеню.

Хабиб Мухамедович всецело отдавал себя работе, он хотел успеть сделать в жизни очень много и потому не щадил себя, трудился с огромным напряжением. Я несколько раз укорял его за то, что он не бережет себя, говорил, что все надо делать в меру, не забывать о своем здоровье. Он внимательно выслушивал, а потом говорил: «С нас, руководителей, спрос куда больше. Нам даны большие права и возможности и поэтому надо приложить все силы, чтобы за короткий срок добиться самого высшего уровня развития отечественной науки. А для этого надо работать, не считаясь со временем».

Болезнь стала тревожить его очень рано. В 1947 году, когда Хабибу Мухамедовичу было всего 35 лет, врачи обнаружили у него заболевание почек.

С 1954 года у Хабиба Мухамедовича началась гипертоническая болезнь. 7 июня 1960 года он перенес первый инфаркт. Однако продолжал по-прежнему работать с большим напряжением. Давление крови часто превышало 200. Гипертония дала осложнение на почки. Вскоре одна почка совершенно вышла из строя. И опять Хабиб Мухамедович продолжал работать, не придавая особого значения коварной болезни. Нередко приходилось буквально силой увозить его с работы, обязывать лечь в стационар для лечения.

После 1960 года здоровье Хабиба Мухамедовича сильно ухудшилось, но он продолжал по-прежнему работать.

Как-то раз мы шли домой, и я не сдержался: стал говорить о его болезни. Я не мог молчать, внутри у меня все кричало: «Прекрати работу хотя бы на время. Лечись и лечись, отдыхай. Будь здоровым!». А он мне в ответ с присущим ему юмором говорит: «Ты не бойся за меня, я моложе тебя, мне всего 48 лет. Молодость все выдержит и все спишет. Так что мы с тобой еще будем работать долго и будем осуществлять нашу мечту».

В этом ответе был весь Абдуллаев. Этот наш разговор о его здоровье был последним: я раз и навсегда понял, что моего друга переубедить невозможно.

Хабиб Мухамедович болел все чаще, много времени проводил в стационаре. 30 марта 1962 года он снова лег в стационар. Через месяц выписался, обещал прийти ко мне в гости 1 мая. Но не пришел, почувствовал себя нехорошо.

12 мая Хабиб Мухамедович присутствовал на заседании отдела Института геологии в последний раз. Вечером кровяное давление у него перевалило за 250. Врачи немедленно положили его в стационар.

Друзья часто посещали Хабиба Мухамедовича. Он выходил из своей палаты, беседовал с нами, шутил, смеялся. Внешне он выглядел неплохо, даже вроде здоровым. Тот, кто его видел первый раз, никогда не подумал бы, что это тяжело больной человек. Однако в конце мая он сразу сдал. По словам лечащих врачей у Хабиба Мухамедовича плохо работала вторая почка. Пропал аппетит. Был приглашен на консультацию специалист из Москвы. У Хабиба Мухамедовича с каждым днем ухудшалось состояние здоровья. С 13 июня он уже не вставал с постели.

16 июня Хабиб Мухамедович сказал жене Фатиме Кабуловне, чтобы я зашел к нему. Не могу передать всего, что было сказано нами в момент прощания. А это было прощание. Я обещал сделать все, о чем просил меня самый лучший, самый незабвенный друг.

Когда я вышел из палаты, то первым делом бросился к врачам, умоляя их спасти жизнь Хабиба Мухамедовича. Просили об этом все родственники, друзья, товарищи по работе. Ответы врачей, в том числе московского специалиста, были неутешительными: «Постараемся сохранить жизнь, но это очень трудно». Единственная надежда была на то, что вдруг заработает почка. Но в последние дни ко всем болезням еще прибавился инфаркт.

Люди, приходившие в стационар, чтобы узнать о состоянии здоровья Хабиба Мухамедовича, не уходили до поздней ночи.

20 июня 1962 года в семь утра Хабиб Мухамедович скончался.

21 июня в 12 часов гроб с телом покойного был установлен в конференц-зале АН УзССР для прощания. Люди шли нескончаемым потоком. Весь Ташкент оделся в траур. Хабиба Мухамедовича провожало в последний путь огромное количество людей. Когда колонна достигла здания Института геологии АН УзССР, по ул. академика Сулаймановой, хвост ее еще находился у здания Президиума АН УзССР (ул. Гоголя).

Хабиб Мухамедович был очень талантливым ученым и крупнейшим организатором науки. Возглавляя Президиум АН УзССР, он сделал многое для определения основных направлений развития различных наук в Узбекистане, уделял неустанное внимание комплексному развитию научных основ хлопководства, ирригации и мелиорации, физики, математики, химии, геологии, востоковедения, истории и археологии, философии и права. В становлении и развитии науки в республике его заслуги неоценимы.

А. Уклонский

Академик АН УзССР

УЧЕНЫЙ-САМОРОДОК

Я преподаю в высших учебных заведениях с 1914 года. За это время через мои руки прошло много тысяч студентов. Среди этого множества были яркие личности, были середняки, а были и такие, о которых и говорить не стоит. У нас, преподавателей, вырабатывается профессиональная память на лица, на поведение отдельных студентов, на их ответы. Фамилии часто забываются, а вот лица — нет.

Я хорошо помню, как к нам в институт поступил молоденький узбек, очень бойкий, с живыми умными глазами. При каждой встрече со мной он обязательно задавал вопросы: «почему?» да «отчего?», а «может быть так?», а «может быть иначе?». После первой практики он привез красивые тетрагональные пирамиды вульфенита из Кансая. После Кансая — образцы из Канигута и Лянгара. Разумеется, на тему об образцах велись долгие беседы. После окончания института Х. М. Абдуллаев поехал в аспирантуру в Москву. Однажды я с ним встретился на Манежной площади в Москве, и он пригласил меня на свою защиту кандидатской диссертации в МГРИ. На защите я присутствовал, предварительно познакомившись с диссертацией и проконсультировав автора. Один из оппонентов довольно серьезно покритиковал позицию автора, занимаемую им по вопросу об алюмосиликатах, ибо сам оппонент стоял на кристаллохимической позиции. Я был рад, что Х. М. Абдуллаеву удалось хорошо ответить на критику. И уже тогда было ясно, что из Хабиба Мухамедовича вырастет незаурядный ученый. Вскоре молодой кандидат наук переехал в Ташкент.

Грянула война. Х. М. Абдуллаева переводят с преподавательской работы на административную. На этой работе в то трудное время он был нужнее, и, как оказалось на деле, сумел принести очень большую пользу.

В 1943 г. организовалась Академия наук Узбекской ССР, ее членами были избраны доктора и кандидаты наук, подающие большие надежды. Среди них был Х. М. Абдуллаев, который намеревался в ближайшее время защитить докторскую диссертацию.

Геологоразведчики тех лет считали модным заниматься вольфрамовыми месторождениями — шеелитом. Не избежал этого увлечения и Х. М. Абдуллаев, он взял на себя труд представить докторскую диссертацию на тему «Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии». Скажу сразу, что избранная тема явилась не просто увлечением Х. М. Абдуллаева, а делом всей его жизни.

В это время он был уже председателем Госплана республики и обратился ко мне с просьбой оказать ему помощь в работе над диссертацией. Он написал диссертацию быстро, хотя был занят разнообразными делами до предела. Его хорошей чертой было то, что он не стеснялся обращаться за консультацией. Когда он представил мне свою работу, я мобилизовал сотрудников, и мы тщательно проверили весь материал. Материал был огромный, требовался перерасчет многих химических анализов, однако за довольно короткое время дело было завершено. В итоге Х. М. Абдуллаев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук в Москве, в АН СССР. В своей книге, изданной в Ташкенте в 1947 году, Хабиб Мухамедович во введении писал: «При выполнении настоящей работы большую помощь своими советами оказали академик И. Ф. Григорьев, действительный член Академии наук УзССР А. С. Уклонский и доктор геолого-минералогических наук проф. Н. А. Смольянинов, которым автор выражает свою искреннюю благодарность».

В дальнейшем удалось убедить руководителей партийных и правительственных органов республики, что настоящее место работы для Х. М. Абдуллаева — это Академия наук. После перехода Хабиба Мухамедовича в Академию начинается его интенсивная научная работа, с привлечением большого количества узбекской молодежи. Не останавливаясь на этой стороне вопроса его деятельности, скажу только о его увлечении. Уже давно среди геологов бытовало мнение, что рудные месторождения связаны с изверженными породами. К этому направлению примкнул и Х. М. Абдуллаев, стал даже лидером, во всяком случае в Узбекистане. Хочу напомнить, что в то время, когда я был студентом, геологическая теория насчитывала 37 магм, а уже потом только 3. Когда стал профессором, то бытовала теория одной магмы, а когда был уже академиком, то французские ученые-геологи ста-

ли говорить, что магмы нет вообще, а имеются расплавленные породы. Старая гипотеза Канта-Лапласа утратила свое значение и началась новая эра метеоритных гипотез образования Земли, по которым Земля не сжимается от охлаждения, а расширяется за счет падения на нее метеоритной пыли. Разогрев же Земли происходит за счет радиоактивного распада и даже, как я считаю, ядерных взрывов внутри Земли.

Х. М. Абдуллаев среди английских ученых во время пребывания в Англии, 1959 г.

...Вот мы с Х. М. Абдуллаевым едем через Альпы. Там имеются огромные массы изверженных пород, слагающие целые горы. Я спрашиваю Хабиба Мухамедовича: «Где же здесь оруденение?». А оруденения нет. Он говорит: «Пока не нашли. Альпы изучаются более двух тысяч лет, так же как Средняя Азия. Здесь были найдены руды, но после были забыты, а нам надо было доказать, что они имеются, что Среднюю Азию нельзя сравнивать с Альпами, хотя они находятся в одном поясе развития Земли, но на разных срезах. Бывшие руды в Альпах снесены».

Х. М. Абдуллаев много путешествовал. Благодаря своей великолепной памяти, он мог свободно оперировать многими фактами по рудным месторождениям. Я просил его взять на себя труд написать руководство по рудным месторождениям. Он обещал, но не успел осуществить своих намерений. Во время сов-

местных поездок и в Ташкенте я много беседовал с ним на научные темы и убедился, что его путь — путь в науке, был самый верный, и куда результативнее, чем его прежнее направление — административное. Его можно сравнить с академиком А. Е. Ферсманом — истинным ученым геологом-самородком.

Н. Божко

Я БЫЛ ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЕМ

На фронтах еще шли ожесточенные бои, а Центральный Комитет нашей партии поставил перед трудящимися хлопководческих районов страны задачу, как можно быстрее восстановить довоенный уровень производства хлопка, а затем значительно его превзойти. Хлопок должен был сыграть немалую роль в послевоенных мероприятиях по восстановлению разрушенного хозяйства, по подъему экономики и жизненного уровня народа.

В системе мер, разработанных Министерством сельского хозяйства Узбекской ССР, предусматривалось значительное расширение посевов хлопчатника в совхозах за счет вовлечения под сельскохозяйственное производство малопродуктивных земель, нуждающихся в многолетних мелиоративных работах. При недостатке техники и минеральных удобрений на вновь осваиваемых под посев хлопчатника землях, нельзя было и мечтать о получении таких же урожаев сырца, как на старопахотных землях, хотя и затрачивалось намного больше труда и средств на обработку.

В связи с этим Министерство сельского хозяйства Узбекской ССР внесло предложение поднять плановую себестоимость производства хлопка-сырца в совхозах. Это предложение вызвало острую дискуссию в Госплане и Министерстве финансов Узбекской ССР. В ходе дискуссии были исчерпаны все аргументы, но предложения работников сельского хозяйства о некотором повышении плановой себестоимости хлопка-сырца так и не были приняты. Отказ последовал по общим, принципиальным соображениям: в условиях социалистического способа производства себестоимость продукции должна снижаться.

Вопрос о себестоимости хлопка был перенесен на рассмотрение председателя Госплана Узбекской ССР Х. М. Абдуллаева. Встреча с ним была назначена на 11 часов утра. Мы приехали немного раньше. Секретарь приемной вежливо предупредила, что нам придется подождать, так как Х. М. Абдуллаев еще занят. Точно в назначенное время он попросил нас войти в кабинет. Я увидел довольно молодого человека с хмурым лицом. Он с нами поздоровался и пригласил сесть за длинный стол.

Работники Госплана изложили суть спора, работники Министерства финансов республики попытались еще раз доказать несостоятельность предложений Министерства сельского хозяйства.

Хабиб Мухамедович, не перебивая, слушал выступающих, делал какие-то пометки в блокноте, но весь облик говорил о том, что ему все это неинтересно и скучно.

И мне подумалось, в самом деле, молодому инженеру-геологу, влюбленному в свою профессию, конечно скучно на этом совещании и он вряд ли сможет вникнуть в особенности сельскохозяйственного производства, отказаться от определенного шаблона, выработанного в практике Госплана, и объективно решить такой важный вопрос как себестоимость продукции хлопка.

Но вот спорящие стороны замолчали. Председатель оторвался от своего блокнота и стал задавать вопросы. И по характеру их стало ясно, что Х. М. Абдуллаев внимательно слушал выступающих, уловил самые важные моменты, которые необходимы для решения обсуждаемой проблемы, более того, он уже имел собственное мнение и, задавая вопросы, хотел как-бы получить дополнительную консультацию специалистов, утвердиться в правильности сделанных выводов.

Его мысли развивались примерно в следующем направлении. В сельскохозяйственном производстве плановые, расчетные объемы работ очень часто не совпадают с фактическими затратами, которые складываются под влиянием погодных условий, водоносности рек, распространения различных видов сельскохозяйственных вредителей и других условий текущего года. Поэтому планирование себестоимости сельскохозяйственной продукции составляет определенную сложность. Большинство совхозов план себестоимости не выполняет. У работников Министерства сельского хозяйства республики есть основания упрекать Госплан и Министерство финансов в том, что они занижают плановые показатели себестоимости продукции. Но спрашивается, кому выгодно, кто заинтересован в чрезмерном завышении плановых показателей, делающих их для большинства совхозов нереальными? Госплан не заинтересован, его работники уже со второго полугодия начинают искать в бюджете средства на покрытие внеплановых убытков в совхозах. А коллективы работников совхозов оказываются в штрафном положении: во-первых, потому что в связи с невыполнением плана себестоимости, начиная со второго полугодия, с каждым месяцем ухудшается финансовое состояние и достигает кульминационной точки в период завершения уборки урожая и развертывания осенне-зимних работ под урожай будущего года; во-вторых, в связи с невыполнением финансового плана работники совхозов лишаются премий. Создается затруднительное положение в выполнении важнейших сельскохозяйственных работ, а рабочие и специалисты совхозов лишаются материальных стимулов. Вот почему, чтобы избежать ошибок и не наносить вреда, необходимо принять предложение Министерства сельского хозяйства и повысить плановую себестоимость продукции.

И все присутствующие согласились с Хабибом Мухамедовичем. Уже перекидываясь шутками, стали выходить из кабинета. В коридоре задержались. Послышались голоса: «быстрая ориентировка...», «реалистические мышление», «простота в обращении»... Это участники совещания делились своими впечатлениями о председателе Госплана. Мне как работнику Министерства сельского хозяйства итоги совещания были особенно приятны.

После первой встречи с Хабибом Мухамедовичем прошло почти четверть века. Срок немалый. Но первое впечатление наиболее сильное, и оно живо сохранилось в памяти. Вскоре после знакомства с Х. М. Абдуллаевым мне пришлось несколько лет проработать заместителем председателя Госплана УзССР. Многолетняя совместная работа, естественно, позволила еще ближе познакомиться с Хабибом Мухамедовичем.

Я воспринял его прежде всего как разносторонне развитого, умного и способного человека. Получив инженерное образование и обладая хорошей памятью, Хабиб Мухамедович довольно свободно и в короткий срок изучил все отрасли народного хозяйства, уделяя особое внимание тем отраслям промышленности, которые должны сыграть крупную роль в экономическом и культурном развитии республики. Он очень быстро освоил такое сложное дело, как планирование народного хозяйства. Он снискал себе заслуженное уважение среди специалистов Госплана. К нему шли как к главному специалисту, с доверительной беседой, и всегда получали самые полные и глубокие ответы на все вопросы. Любого сотрудника, обращавшегося к нему, он внимательно выслушивал и тут же принимал решение.

Помню такой случай. На заседании коллегии Госплана, которая проходила всегда в простой, непринужденной обстановке, часто с горячими спорами, один из заместителей председателя объяснил задержку документов тем, что никак не мог попасть к Хабибу Мухамедовичу. Х. М. Абдуллаева это обстоятельство страшно взволновало. «Дорогие товарищи,— сказал он,— не позорьте меня. Давайте раз и навсегда договоримся, что мои заместители в любое время могут мной располагать, как я располагаю собой. Если меня нет в Госплане, секретарь всегда скажет, где я нахожусь. Наконец, если возникает очень срочный вопрос, я в любое время приму вас дома».

Да, он был организованным человеком и требовательным руководителем. Замечу, что его требовательность носила какой-то особый, деликатный характер, она не принимала оскорбительную форму, человек не обижался, но ему делалось неловко, что он допустил ту или иную оплошность или не выполнил задание в установленный срок. И когда Х. М. Абдуллаев замечал, что человек почувствовал свою вину, он прекращал делать замечания, допускал уместную шутку и спешил перейти на другую тему, чтобы «не пересолить», не унизить достоинства или нечаянно не оскорбить сотрудника.

Будучи председателем Госплана, Х. М. Абдуллаев не прекращал большой научно-исследовательской работы в области геологии. Он был влюблен в эту увлекательную отрасль знаний. Интересен такой факт: если вы замечали, что Хабиб Мухамедович чем-то расстроен или устал, заговорите с ним о геологии и вы сразу увидите, как изменится его лицо. Он преображается и, вдохновленный, способен часами рассказывать о несметных богатствах нашей Родины, об академике А. Е. Ферсмане, который еще в 1931 г. выдвинул научную гипотезу о закономерностях распределения полезных ископаемых, где среднеазиатским республикам отводилось почетное место, о смелом исследователе земли сибирском академике В. А. Обручеве, о первом руководителе советской геологии академике И. М. Губкине и о многом другом.

Только исключительной любовью к геологии, только огромной работоспособностью можно объяснить то, что Х. М. Абдуллаев, будучи председателем Госплана, сумел написать докторскую диссертацию по исследованию месторождений редких металлов. Надо обладать огромной силой воли, большой организованностью и самодисциплиной, чтобы в течение нескольких лет выдерживать более чем двойное напряжение. Диссертация получила высокую оценку, Х. М. Абдуллаеву была присвоена научная степень доктора геолого-минералогических наук.

К сожалению, даже для молодого, здорового и сильного организма, такое чрезмерное напряжение чревато последствиями. Хабиб Мухамедович в результате нервного истощения и нарушения обмена веществ заболел в 1948 году экземой. В течение многих дней, пока шли всесторонние исследования, врачи были бессильны ему помочь. Экзема медленно поддавалась лечению, Х. М. Абдуллаев стойко переносил эту коварную болезнь, несмотря ни на что активно изучал английский язык, готовясь к предстоящей командировке в Англию.

Огромная работоспособность Хабиба Мухамедовича снискала ему всеобщее уважение. Он никогда не отстранялся от «черновой работы». Как правило, по утрам он что-то писал, диктовал стенографистке. Его часто можно было видеть за редактированием тех многочисленных записок, докладов и проектов постановлений, которые готовились в аппарате Госплана. Можно было наблюдать, как он с управляющим делами обходил помещения Госплана, проверял рабочую обстановку и условия хранения служебных документов. Как-то утром я забежал к нему, надеясь застать одного, чтобы согласовать срочное решение, но в его кабинете уже сидели работники секретариата и машинного бюро. Шло совещание. Машинное бюро не справлялось с печатанием материала и возникало опасение, что не будет во время представлен правительству проект плана. Хабиб Мухамедович, по его выражению, «расшивал узкие места в работе».

Госплан имел в то время очень квалифицированный аппарат. Хабиб Мухамедович на заседаниях коллегии, на производственных совещаниях много раз обращал внимание сотрудников на их особое положение, на то, что в Госплане сотрудникам предоставляется полная возможность проявить свои способности, знания и практический опыт. Общественное признание определяется развитием той отрасли производства, которую ты планируешь. Для того, чтобы успешно решать вопросы развития отдельных отраслей народного хозяйства, необходима тесная связь с производством, творческое и смелое внедрение в производство всего нового, прогрессивного.

При Х. М. Абдуллаеве в Госплане республики был заведен такой же порядок, какой ввел Н. А. Вознесенский в Госплане Союза ССР: специалисты отделов могли получить премию лишь в том случае, если по планируемым ими отраслям выполнялся государственный план производства продукции.

Мне много раз приходилось видеть Хабиба Мухамедовича в семейной обстановке, в кругу друзей. Веселый и остроумный, он всегда был душой общества. Он был непримиримым врагом всего искусственного, наигранного, фальшивого. Простота, непринужденность в обращении, заразительный смех и чуть лукавая улыбка делали его обаятельным человеком.

Х. Рахматуллин

Академик АН УзССР

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО РАЗМАХА

Я познакомился с Хабибом Мухамедовичем в 1946 году в Москве, у себя дома. Его пригласил мой однокашник по Московскому государственному университету М. Уразбаев.

Хабиб Мухамедович очень любил юмор. В этом я убедился при первом знакомстве. Он начал подшучивать над Уразбаевым и мною. Мы тоже старались не остаться в долгу. Шутки его были целенаправленными и всегда подчеркивали то главное, что его занимало в данный момент.

Я был очень удивлен простотой обращения этого человека. Член ЦК Компартии Узбекистана, член правительства республики (председатель Госплана УзССР), он, несмотря на занятость, нашел возможность прийти «посмотреть на механика-узбека, сумевшего добиться признания среди московских ученых» (речь шла о присуждении мне премии им. Ломоносова в МГУ).

Хабиб Мухамедович интересовался отраслью науки, которой я занимался, и все добивался конкретного ответа: какое она имеет отношение к народному хозяйству Узбекистана и нельзя ли эту науку развивать в республике.

Разумеется, такое отношение к делу меня буквально покорило. Я не могу похвалиться проницательностью в понимании людей, однако мне сразу стало понятно, что передо мной человек с широким кругозором и глубокими творческими порывами.

Я также понял, что Х. М. Абдуллаев по достоинству занимает высокое служебное положение в правительстве республики, что он отдает все силы на то, чтобы поднять экономчку, культуру и науку Узбекистана. На его вопросы о применимости моих исследований в народном хозяйстве я ответил, что в настоящее время проблема распространения упруго-пластических волн (за которую мне была присуждена премия им. Ломоносова) непосредственно не может быть применима в такой важнейшей отрасли хозяйства Узбекистана, как хлопководство.

Хабиб Мухамедович, выслушав меня, ответил, что вообще он не специалист по данному вопросу, но не сомневается в том, что Узбекистану очень нужны хорошие математики и механики. Он попросил меня помочь подготовить высокообразованных механиков и сказал, что когда их будет много, они сами найдут применение своей науке в народном хозяйстве. Поначалу же Х. М. Абдуллаев считал, что я должен оказать помощь научным работникам республики в вопросах сейсмологии. Если для этого дела нужен институт механики, то такой институт будет.

В 1947 году я был избран действительным членом АН УзССР. Мне предложен был пост вице-президента. Я решительно отказался, сославшись на то, что для вице-президента по своему опыту организационной работы больше подходит Х. М. Абдуллаев. Мое предложение было принято: общее собрание выбрало Хабиба Мухамедовича вице-президентом, я же был избран членом Президиума и председателем Отделения технических и геолого-химических наук.

В мои обязанности входило обследование Геологического института АН УзССР. Разумеется, было и интересно и очень важно знать, какую роль играет Хабиб Мухамедович в жизни этого института. Я установил, что не все сотрудники единодушны в оценке Х. М. Абдуллаева как научного работника и руководителя института.

Такое положение, с моей точки зрения, было естественным. Между геологами существовали принципиальные споры, которые нередко переходили в личную неприязнь. Подобная ситуация порождала противников и у самых талантливых научных работников, в том числе у Хабиба Мухамедовича.

Дальнейшее развитие геологической науки в Узбекистане и рост научных кадров подтвердили, что Хабиб Мухамедович являлся крупным геологом и направление его деятельности принципиально верное. Он неоднократно рассказывал мне о работах своих учеников, возлагал надежды на них, считал, что будущее геологической науки в Узбекистане зависит от кадров геологов,

Кубинская делегация на приеме у Х. М. Абдуллаева.

которых надо готовить как можно больше и как можно тщательнее.

Сегодня мы с удовлетворением можем сказать, что взошли семена, посеянные Хабибом Мухамедовичем в области геологии. Доказательством этому служит ощутимое количество кандидатов и докторов наук. Только под руководством Х. М. Абдуллаева защитили докторские диссертации ведущие геологи Средней Азии — И. Х. Хамрабаев, К. Л. Бабаев, Х. Н. Баймухамедов, И. М. Мирходжаев и др. Кандидатов геолого-минералогических наук, учеников Хабиба Мухамедовича, насчитывается около тридцати.

Одной из главных особенностей характера Х. М. Абдуллаева являлся большой размах в работе. Рассматривая планы Института механики по теории хлопкоуборочных машин, Хабиб Мухамедович предложил их существенно развить. При этом он сказал так: «Хорошо, что вы разрабатываете некоторые вопросы теории, но этого совершенно недостаточно, надо взяться за дело как следует и в течение четырех-пяти лет добиться существенного улучшения конструкции существующей хлопкоуборочной машины». Вскоре была создана лаборатория хлопкоуборочных машин, сотрудники которой добились существенного улучшения конструкции. В частности, был теоретически обоснован и экспериментально подтвержден принцип инерционной сепарации комков хлопка из транспортирующего его потока.

Пользуясь этим принципом, работники ГСКБ по хлопку создали вентилятор с так называемым эллиптическим входом, который позволил улучшить технические данные хлопкоуборочной машины ХВС — 1,2.

Осталось в моей памяти одно очень интересное высказывание Хабиба Мухамедовича о геологической науке.

Как-то, будучи у меня дома, он полушутя сказал, что столь небольшая библиотека не соответствует высокому званию доктора физико-математических наук и академика. Не оставаясь в долгу, я ему ответил также полушутя, что книги по физике и математике в отличие от геологических, хотя и невелики по объему, но в них очень много глубоких идей и фактического материала. На это он сказал уже серьезно, что мы (механики-математики) счастливые люди, ибо, имея талант, можем за короткий срок добиться большого успеха. В геологии же дело обстоит несколько иначе, иметь талант здесь так же необходимо, как и в любой науке, но этого далеко недостаточно. В геологии необходимы долгие годы работы для сопоставления многих фактов и воззрений. Это можно сделать, освоив большую литературу. Освоение же требует большого кругозора, знакомства со многими смежными науками, а самое главное — требует много времени.

Вспоминается еще один разговор с Хабибом Мухамедовичем о механике. Речь шла о развертывании исследований, связанных с эксплуатацией газового месторождения «Газли». Узнав от

меня, что эти исследования должны быть главным образом механическими, он сказал: «Знаете ли, механика оказывается похожа на экономическую науку, за что ни возьмешься, обязательно столкнешься с механикой».

Я спросил, не хочет ли он этими словами приравнять механику к описательной науке геологии. Хабиб Мухамедович не упустил случая заметить, что он сравнивает механику не с геологией, а с экономической наукой, которая, как известно, не полностью описательная, а в будущем во многом пополнится математическими методами.

Сегодняшний день показал, насколько далеко вперед смотрел Х. М. Абдуллаев.

Хабиб Мухамедович радовался бурному развитию кибернетики в Узбекистане. Он, я думаю, еще больше радовался бы успехам аэрохимических исследований, в частности, по оголению хлопковых семян.

Довелось мне быть вместе с Хабибом Мухамедовичем несколько дней в санатории в Сочи. Мы встретили там академика Анатолия Александровича Дородницына. Эта, кажется, была первая встреча А. А. Дородницына с Х. М. Абдуллаевым. Насколько мне известно, они подружились и оставались друзьями до самой кончины Хабиба Мухамедовича. Это еще раз доказывает, что Х. М. Абдуллаев обладал счастливой способностью завязывать деловые и дружеские контакты с интересными людьми, поддерживать их долго, нередко всю жизнь.

Видимо, моя характеристика Хабиба Мухамедовича неполная, ибо мы не так уж долго знали друг друга и не очень часто встречались. Кроме того, мы занимались разными отраслями науки. Но я считаю, что для полного представления о человеке важна каждая деталь, важны воспоминания каждого, кто хоть сколько-нибудь знал его.

Вспоминая, думая о Хабибе Мухамедовиче Абдуллаеве, я всегда представляю его человеком государственного размаха и очень большим ученым-геологом, оставившим глубокий след в истории геологической науки.

В. Кабулов

Академик АН УзССР

ОН ПОНИМАЛ ЛЮДЕЙ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев оставил большой след в жизни многих работников науки нашей республики. Занимаясь узловыми проблемами, он никогда не упускал из вида отдельного человека — научного работника. Будучи вице-президентом и президентом Академии, он многим помог найти свое место в науке.

Среди них был и я. Вспоминается 1950 г. Я окончил Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. Во время отпуска, который представляется после защиты диплома, я сдал вступительные экзамены в аспирантуру Института сооружений АН УзССР. Мой учитель — академик Магомет Ташевич Уразбаев — написал письмо на имя министра путей сообщения тов. Бещева с просьбой откомандировать меня в аспирантуру, а я тем временем уехал на работу по назначению на строительство железнодорожной линии Чарджоу — Кунград. Вскоре от министра пришел положительный ответ. Нужно было распоряжение Президиума АН УзССР по этому поводу. Я приехал в Ташкент в командировку и перед отъездом зашел в Президиум. Это был конец рабочего дня. С начальником отдела кадров мы прошли к Хабибу Мухамедовичу, вице-президенту Академии. Он испытующе посмотрел на меня и сказал: «Я подпишу распоряжение, но вам надо работать так, чтобы за вас не пришлось краснеть».

Что я мог тогда ответить? У меня было очень большое желание стать научным работником. Я об этом и сказал.

Я до сих пор благодарен Х. М. Абдуллаеву за то, что он решил мою судьбу и дал прекрасное напутствие. Мне не довелось работать с Хабибом Мухамедовичем совместно, так как я специализировался в области строительной механики, представляемой школой академика М. Т. Уразбаева. Однако все эти годы слышал много интересного и поучительного о жизни и деятельности президента. И разумеется, во многом старался подражать Хабибу Мухамедовичу, считал его образцом человека, государственного деятеля, ученого.

Сейчас, когда я сам стал академиком АН УзССР, членом Президиума, часто думаю о том, что развитие науки сопряжено с большими трудностями и каждая победа дается нелегко. Новое дело не сразу пробивает себе дорогу. Здесь нужны сила, упорство, настоящая коммунистическая убежденность в правоте дела.

Трудно приходилось и Хабибу Мухамедовичу. Вспоминается 1953 г., когда начался поход против научных основ Абдуллаева. В конференц-зале Академии несколько дней продолжалась дискуссия о значимости научных трудов Хабиба Мухамедовича. Мы, молодые научные работники и аспиранты, посещали все заседания, старались вникнуть в суть спора. Дебаты были долгими. В итоге с трехчасовой речью-памфлетом выступил Х. М. Абдуллаев. Он совершенно не был похож на обвиняемого. Он наступал, он подвергал глубокому анализу научные положения своих оппонентов. Все кончилось триумфом школы Абдуллаева. Его труды получили высокую оценку, он был удостоен Ленинской премии.

Все это явилось большой жизненной школой и для нас — молодых, начинающих ученых.

С 1957 г. я стал работать в Вычислительном центре Института математики имени В. И. Романовского. Тогда директором Института был Виктор Антонович Бугаев. Я разбираю архивы и вижу, как внимательно нас опекал президент — Хабиб Мухамедович Абдуллаев. Мы не ощущали трудностей со штатами. Целыми группами, по 40—50 человек, могли ездить в командировку на длительный срок. Мы безотказно получали машины и оборудование. Все это шло нам из фондов Президиума. В то же время Х. М. Абдуллаев учил нас самостоятельности. Бывало, что мы выслушивали от него суровую, но всегда справедливую критику. Он часто говорил: «Президиум дает вам все, что может. Это государственные деньги. Используйте средства разумно, приумножайте народное богатство». Заслуги Хабиба Мухамедовича в деле подготовки национальных научных кадров и специалистов-производственников общеизвестны. Именно он создал в нашей академии настоящую аспирантуру. Он буквально переживал за судьбу каждого будущего доктора наук.

В 1961—1963 годах у меня сложилось трудное положение. В 1962 году я защитил докторскую диссертацию в МГУ. Рассмотрение дела в ВАКе задержалось: на мою работу поступили две отрицательные рецензии. Обо всем этом президент знал и не раз вызывал на беседу. Он мне приводил примеры из своей жизни, говорил: «Надо драться. Если опустишь руки и окажешься побежденным, то заработаешь не жалость, а презрение людей».

И я дрался. Я с уверенностью доказывал, что возглавляя Вычислительный центр, разработал и защитил тему, использование которой позволит совершенствовать работу в области вычислительной техники.

Впоследствии все кончилось благополучно. В 1963 г. пленум ВАКа единогласно утвердил мою работу, и я вскоре получил диплом доктора физико-математических наук.

В 1962 году я был избран членом-корреспондентом АН УзССР, еще не имея официально докторской степени. Это было огромным доверием со стороны Президиума и президента, и такое доверие меня буквально окрылило.

Я не геолог. Я не был близок с Хабибом Мухамедовичем в работе и в жизни, но всегда восхищался его железной волей, его умением твердо проводить линию партии, его размахом в научных и научно-организационных делах.

И. Хамрабаев

Член-корреспондент АН УзССР

СОЧЕТАНИЕ КАЧЕСТВ

Среди геологов, которых я знал, много замечательных людей. Одни из них гениальны, другие талантливы. Хабиб Мухамедович

выделялся таким сочетанием природных и индивидуальных качеств, которыми может похвалиться далеко не всякий.

Наше близкое знакомство началось в начале весны 1945 года, в последние месяцы Великой Отечественной войны. Первая же встреча позволила судить о нем, как об умном и одновременно деловом человеке. Это знакомство быстро переросло в творческое сотрудничество и получило формальную почву в 1947 году, когда я перешел по совместительству на работу в Институт геологии АН УзССР, где Хабиб Мухамедович с большим коллективом начал изучение петрологии и металлогении Западного Узбекистана.

С тех пор мы много раз бывали в поле, совершали ряд весьма интересных и поучительных маршрутов в районы с различными проявлениями рудной минерализации. Удивлялись разнообразию и богатству местной природы и явлений минералообразования, спорили. Хабиб Мухамедович всегда был в центре внимания, бросал остроумные реплики, когда кто-нибудь очень горячо доказывал свою точку зрения, шутил. Я обычно очень горячился, иногда даже позволял себе резкости, когда был убежден в своей правоте. Хабиб Мухамедович же всегда поражал своим самообладанием и умением разрядить атмосферу.

Мы горячо обсуждали вопрос о дальнейших путях выявления и изучения новых рудных объектов и о развитии экономики вообще. Хабиб Мухамедович искусно направлял нашу беседу и вносил существенные поправки в развиваемые нами планы, показывая этим, что многолетняя работа на посту председателя Госплана республики чрезвычайно обогатила его глубокими знаниями особенностей народного хозяйства и экономики. Они помогали ему также правильно ориентироваться в самых сложных ситуациях.

Он был человеком высокого ума, чрезвычайно трудоспособным и дальновидным. Самой характерной чертой его было умение схватить главное и отличить наиважнейшее от второстепенного, при этом он проявлял цепкую память и находчивость. Это обусловило ему успех как в науке, так и в государственных делах.

До сих пор я задаю себе вопрос —кем он был больше: талантливым ученым или крупным государственным деятелем? Мне кажется, что он был одновременно и тем, и другим.

С. Бабаходжаев

Кандидат геолого-минералогических наук

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Х. М. Абдуллаев широко известен как крупнейший ученый, государственный деятель, педагог. Он был научным руководителем многих кандидатов и докторов геолого-минералогических наук.

Мне, одному из многих воспитанников Хабиба Мухамедовича, посчастливилось тесно общаться с ним в течение 12 лет, со дня

поступления в аспирантуру. Я просил Хабиба Мухамедовича быть моим руководителем в основном потому, что еще в студенческие годы он увлек нас своей целеустремленностью, энтузиазмом, большим умом ученого и необходимой чуткостью. Всему этому у него не только можно, но и нужно было учиться. Его работы по петрологии магматических образований Средней Азии, металлогении скарново-рудных месторождений, в том числе олову, вольфраму, железу, постоянно привлекали наше внимание.

Став аспирантом, я по рекомендации Хабиба Мухамедовича избрал темой изучения район Гиссарского хребта. Расширив сферу изучения магматических образований, занялся некоторыми сторонами металлогении, в частности металлогеническим районированием Такобского региона и выявлением характера металлоносности магматических пород. Эти вопросы Хабибом Мухамедовичем были поставлены впервые в Средней Азии и изложены в его монографии «Генетическая связь оруденения с интрузивами» (1950, 1954).

Хабиб Мухамедович относился к своим аспирантам с большим вниманием. Он всегда умело выбирал актуальные темы и помогал в составлении научно-тематического плана. Систематически требовал отчета о выполнении научного плана каждого аспиранта, о сдаче кандидатских минимумов. Вместе с тем он старался обеспечить лучшие условия для работы в Ташкенте приезжим аспирантам.

Хабиб Мухамедович не удовлетворялся просто отчегом, предпочитал бывать в районах работ своих аспирантов. С этой целью он дважды посетил Таджикистан (1951, 1953). В 1953 г. Хабиб Мухамедович совершил вместе с нами поездку в Варзобское ущелье. В этой поездке, кроме Хабиба Мухамедовича, участвовали Ибрагим Хамрабаевич Хамрабаев, Рауф Баратович Баратов и ныне покойный Манон Хамидович Хамидов.

Мы должны были посетить скарново-рудные (Майхура, Кабуты) и флюоритово-полиметаллические месторождения (Такоб), ознакомиться с магматическими комплексами Южного Гиссара, которыми давно уже интересовался Хабиб Мухамедович. Наша поездка длилась пять дней. За это время Х. М. Абдуллаев и другие ученые, участвовавшие в поездке, помогли мне разобраться во многих вопросах геологии, магматизма и металлогении района, где я проводил работы. В числе интересовавших Хабиба Мухамедовича был и вопрос о расчленении интрузивных комплексов и связанных с ними разновозрастных послемагматических образований. Мне, как руководителю данной поездки, посчастливилось показать интересные обнажения возрастных взаимоотношений даек лампрофиров с разнотипной минерализацией, а также факты, говорящие в пользу ассимиляционного происхождения разновидностей интрузивных пород. Хабиб Мухамедович любил делиться своими впечатлениями с геологами на рудниках. Поэтому геологи-производственники ждали приезда наших гостей с нетерпением, все

необходимое для приема было подготовлено, и после осмотра месторождений, как обычно, Хабиб Мухамедович уделил много времени беседе с геологами. Он всегда давал ценные консультации, советы и одобрительно относился к работе местных геологов.

После выезда из Душанбе мы направились к подножью месторождения Кабуты. На место приехали к вечеру. По дороге протяженностью более 70 *км* Хабиб Мухамедович часто совершал кратковременные маршруты. Наконец остановились на берегу шумной реки Варзоб. Несмотря на усталость, Хабиб Мухамедович предложил, не теряя времени, подняться на месторождение Кабуты. Так мы и сделали. Месторождение находилось примерно на высоте 1200 *м* от тальвега реки Варзоб. Мы проделали пятикилометровый путь за четыре часа. Хабиб Мухамедович не позволил себе даже присесть, он стремился быстрее подняться и увидеть месторождение. Осмотрев его, он попросил нас задокументировать характер взаимоотношения дайки позднего лампрофира со скарново-рудным телом. Интересно отметить, что этот рисунок включен в его монографию «Дайки и оруденение». Поздно вечером мы спустились вниз, и после ужина долго обсуждали геологию скарново-рудных месторождений южного склона Гиссарского хребта.

На следующий день нашего путешествия мы добрались до месторождения Майхура, находящегося на высоте 3600 *м* над уровнем моря. После небольшого отдыха и беседы с геологами рудника мы надели горняцкое обмундирование (каски, куртки) и вошли в подземный карьер, высота которого равнялась десятиэтажному дому. Хабиб Мухамедович увлекся осмотром интересных участков месторождения, в частности, его интересовали структура рудных тел и перспектива месторождения. В связи с этим Хабиб Мухамедович осмотрел даже «хвосты», которые были накоплены недалеко от обогатительной фабрики. Он расспрашивал рудничных геологов о содержании шеелитового концентрата в этих «хвостах» и предлагал повторное их обогащение.

В тот же день вечером мы вернулись в Ходжа-Оби-Гарм, где хотели немного отдохнуть. Однако ничего у нас не получилось. И здесь Хабиб Мухамедович заинтересовался геологическими особенностями района, характером размещения источников в зоне разлома, составом минеральных вод и их твердых осадков.

На следующий день вечером приехали в наш лагерь (где я проводил полевые работы), который находился в районе месторождения Такоб. У нас в гостях Хабиб Мухамедович был два дня.

В первый день он осмотрел месторождение Такоб, которое является одним из крупнейших флюоритовых объектов в Центральном Таджикистане. Мы вместе с геологами рудника осмотрели месторождение с поверхности, прошли по главной штольне, где познакомились с характером зонального расположения отдельных минералов на глубине. Для данного месторождения очень примечательно увеличение на глубине по рудным блокам содержания свинца и цинка, в противовес флюориту. После осмотра месторож-

дения, во второй половине дня, совместно с местными геологами состоялось детальное обсуждение возникших вопросов. Хабиб Мухамедович и участвовавший в этой встрече И. Х. Хамрабаев увлеченно слушали выступления и вопросы геологов и давали исчерпывающие ответы. Хабиба Мухамедовича особенно заинтересовали отношения рудных тел с порфировидными биотитовыми гранитами и пермскими малыми интрузиями, с которыми, как считали геологи, парагенетически связаны все флюоритово-полиметаллические рудопроявления Варзоба, в том числе Такоба.

Хабиб Мухамедович как государственный деятель всегда интересовался условиями жизни местного населения. Одна из встреч состоялась вечером первого дня с председателем колхоза им. К. Маркса.

Второй день пребывания в этом районе был целиком посвящен моим аспирантским делам. Х. М. Абдуллаева интересовал ряд обнажений, в том числе взаимоотношение двух разновозрастных даек лампрофиров, взаимоотношение кварцево-арсенопиритовой минерализации с дайками и др. Эти обнажения находились далеко от автомобильной дороги, некоторые на значительной высоте от тальвега рек. Поэтому нам пришлось добираться туда верхом на лошадях и пешком. Шли мы долго и на место осмотра добрались где-то в полдень. После небольшого отдыха поднялись на обнажение и обследовали кварц-арсенопиритовую жилу. Наряду с этим Хабиб Мухамедович решил осмотреть разновозрастные интрузивные породы, послемагматические изменения, ксенолиты и др. Все это было полезно, особенно мне как аспиранту. Мне необходимы были советы Хабиба Мухамедовича и других участников нашей поездки. Я намного пополнил свои знания.

Закончив обсуждение моей работы и наметив новые задачи, мы на следующий день вернулись в Душанбе. Здесь Хабиб Мухамедович, несмотря на усталость после поездки по Варзобскому ущелью, встретился со многими научными сотрудниками Института геологии АН Таджикской ССР и геологами Таджикского геологического управления, с которыми поделился своими впечатлениями по геологии и рудоносности нашего края.

За эти семь дней, проведенные в нашей республике, Хабиб Мухамедович был самым дорогим гостем наших геологов. Беседы, советы и консультации, которые геологи получили от Хабиба Мухамедовича, помогли в их дальнейшей работе. На восьмой день мы проводили дорогих гостей в Ташкент.

За короткое пребывание в Таджикистане Хабиб Мухамедович сумел собрать очень большой материал, значительная часть которого нашла отражение в его монографиях «Дайки и оруденение», «Магматизм и оруденение Средней Азии».

Мне, как аспиранту Хабиба Мухамедовича, приходилось неоднократно встречаться с ним, бывать на многих совещаниях и экскурсиях. В частности, вместе с Хабибом Мухамедовичем я присутствовал на совещаниях во Фрунзе (1954), Ташкенте (1958),

Алма-Ате (1959), Ереване (1958) и на кустовых совещаниях в Карамазаре и Алмалыке.

В июне 1954 г. я присоединился к экскурсии по южному склону Кураминского хребта, которую организовал Хабиб Мухамедович. Экскурсия длилась более 8 дней. Мы побывали на месторождениях Алмалык, Алтынтопкан, Ташгезе, Мышиккол, Гудас, Наугарзан и Чадак. Мои впечатления от экскурсии были громадными; всюду нас встречали приветливо, радушно и сразу после отдыха мы приступали к осмотру месторождений, знакомились с документацией, беседовали с рудничными геологами.

Хабиба Мухамедовича интересовала проблема связи магматизма с оруденением. В Наугарзане, в бассейне реки Бурачир, Хабиба Мухамедовича заинтересовали разнообразные дайковые породы, в частности морфология дайковых поясов и сложнопостроенные дайки. Конечная наша остановка была на месторождении Чадак, где мы осмотрели рудные тела и их взаимоотношения с дайками различных возрастов.

Мне трудно забыть его заботливое отношение, его ценные консультации, советы и ту неоценимую помощь, которую он оказал при подготовке и защите кандидатской диссертации. Каждый его аспирант мог в любое время попасть к нему на прием, иногда он принимал нас у себя дома. Аспирантов всегда приветливо встречала его жена — Фатима Кабуловна. После защиты кандидатской диссертации Хабиб Мухамедович рекомендовал мне продолжить научно-исследовательские работы в Южном Карамазаре. Я пользовался советами своего учителя до последних дней его жизни и навсегда останусь благодарным Хабибу Мухамедовичу за то, что его идеи, его неоценимые советы помогли мне стать на правильный путь и идти по этому пути вперед и вперед.

Я. Туракулов

Академик АН УзССР

ПАТРИОТ НАУКИ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев оставил глубокий след в умах и сердцах многих людей, особенно у научных работников Академии наук Узбекской ССР, с деятельностью которой был связан расцвет его всестороннего таланта. Несомненно, он был незаурядной личностью. Глубиной и широтой мысли, смелым решением важных вопросов организации науки, последовательной и целеустремленной деятельностью по развитию Академии наук Узбекской ССР он оставил о себе память как о крупном ученом и выдающемся организаторе. С его именем связаны бурный рост научных учреждений, создание ряда новых направлений в науке, большой размах в подготовке квалифицированных специалистов. Едва ли не сильнейшей стороной его богатой натуры было знание

людей, правильная оценка сильных и слабых сторон каждого. Он знал подавляющее большинство работников Академии по фамилии, способности и возможности каждого, был знаком с содержанием их работ. Это позволяло ему правильно расставлять людей на отдельных участках, вовремя выдвигать их, давать простор инициативе. Будучи президентом АН УзССР, он часто беседовал со многими кандидатами наук, советовал, а если считал нужным, то буквально обязывал заняться докторской диссертацией. Он всячески помогал им в выборе консультантов, направлял докторантов в научные центры Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза.

Ярким доказательством его высокоплодотворной деятельности в этом отношении являлся не только стремительный рост числа научных учреждений и докторов в области геологии, но и по всем другим наукам, представленным в составе Академии в период его деятельности. Именно в эти годы резко возросла подготовка кандидатов наук через аспирантуру и началась практика массового прикомандирования аспирантов к крупным ученым ведущих научных институтов и лабораторий Москвы, Ленинграда, Киева, Баку и других городов. Организация в широком масштабе подготовки квалифицированных научных кадров требовала много энергии, постоянного внимания и отеческой заботы. Х. М. Абдуллаев в этом решающем деле смело и с большим умением претворял в жизнь политику партии и правительства в области науки. Без преувеличения можно сказать, что большинство теперешних ведущих научных работников АН УзССР в той или иной степени обязано Хабибу Мухамедовичу своим творческим ростом и дальнейшими успехами в науке. Благодаря тому, что он хорошо знал слабые и сильные черты многих, кто с ним сталкивался, Хабиб Мухамедович мог найти соответствующий подход к каждому, чтобы убедить или заставить работать лучше, выполнить то или другое задание в срок. Кроме больших прав президента, личного авторитета крупного ученого, в арсенале его воздействия немалое место занимало умение обращаться с людьми. Он удивительно подмечал характерные черты окружающих его людей и при необходимости использовал все это для достижения намеченной цели.

Я навсегда запомнил несколько эпизодов, которые могут, на мой взгляд, иллюстрировать вышесказанное.

В начале 1954 года в числе большой группы кандидатов наук я был откомандирован ЦК КП Узбекистана для работы над докторской диссертацией в Москву. В этот период Хабиб Мухамедович работал председателем Госплана УзССР и, приезжая в Москву, часто встречался с нами, интересовался ходом научной работы докторантов. Мне, как старосте группы докторантов, чаще, чем другим, приходилось беседовать с ним. Он рассказывал о перспективах развития нашей республики, об огромном поле деятельности для ученых в различных отраслях экономики, науки и культуры.

Он постоянно призывал нас максимально использовать свое пребывание в Москве для получения глубоких знаний, расширения кругозора и интересов, для установления прочных деловых связей с вузами столицы, с известными учеными, с лабораториями Академии наук СССР. В затруднительных случаях Х. М. Абдуллаев помогал налаживать связи с необходимыми учреждениями, с отдельными учеными, помогал морально, а в ряде случаев и материально.

Начиная с 1952 года я еще ближе сошелся с Хабибом Мухамедовичем, перейдя работать в бывший НИИ сельского хозяйства (ныне Институт экспериментальной биологии растений АН УзССР) из Ташкентского медицинского института. В этот период Хабиб Мухамедович уже был вице-президентом АН УзССР. Он помог организовать лабораторию, провести экспедиционные исследования по научной теме, связанной с моей докторской диссертацией, и всячески советовал целиком заняться завершением начатой еще в Москве работы. Однако лабораторные условия тогда были недостаточно благоприятны для выполнения большого объема экспериментов и я, не закончив диссертацию, уехал в Андижан, чтобы создать там медицинский институт.

В начале 1957 года по приглашению Института ядерной физики АН УзССР (тогда директором Института был У. А. Арифов) я вернулся снова в Академию наук. Это приглашение было одобрено Х. М. Абдуллаевым, тогда президентом АН УзССР. После этого мне особенно часто приходилось встречаться с Хабибом Мухамедовичем как на собраниях работников Академии, на официальных заседаниях Президиума, партийного комитета, так и в другой обстановке. В это время подготавливалась организация Института краевой медицины АН УзССР, горячим сторонником которого выступал Х. М. Абдуллаев. Он считал, что с помощью такого института можно сблизить ученых-медиков с деятелями естественных наук, использовать достижения биологии, физики и химии для решения проблем медицины. Он помог создать базу института, с его помощью были открыты широкие возможности для подготовки квалифицированных специалистов по экспериментальным направлениям биологии и медицины. Благодаря заботам Хабиба Мухамедовича Институт краевой медицины за короткое время стал важным центром медицинской науки и подготовки высококвалифицированных кадров для республики. Х. М. Абдуллаев проявил себя как организатор всех отраслей науки в Узбекистане и многое сделал, чтобы превратить Академию в истинный центр научной мысли республики.

Вспоминается еще один характерный эпизод. Я тогда работал директором Института краевой медицины, но еще не защитил докторской диссертации. В связи с этим Хабиб Мухамедович не раз подтрунивал надо мной, хотя понимал, что занятость не позволяла мне серьезно заняться завершением исследований. Как-то вечером я возвращался с работы и проходил мимо дома Х. М. Абдуллаева.

Он стоял в окружении нескольких ученых и сотрудников Академии наук. Увидев меня, он громко сказал: «Вот и Туракулов, тоже очень доволен, что является директором института».

Я действительно почувствовал себя виноватым и попросил освободить меня от должности директора института, чтобы в течение года закончить диссертацию. Он согласился, но с условием, что именно за год я непременно выполню свое обещание. Вскоре последовало решение Президиума АН УзССР, и я смог целиком отдаться научной работе и завершить диссертацию.

Хабиб Мухамедович оказывал большое влияние на людей благодаря своему таланту ученого и организатора, своему глубокому и проницательному уму, смелости и проницательности, откровенности и широте натуры. Он пользовался искренним уважением и любовью очень большого круга ученых различных отраслей науки и работников производства. Он был крупным организатором науки, прекрасно знающим экономику, богатства, перспективы развития республики. Он всячески стремился укреплять связь науки с производством, добиваться комплексности в решении крупных проблем. Он был патриотом науки и отдал свою яркую, насыщенную беспрерывным творческим горением жизнь делу партии, делу коммунистического строительства.

Г. Заридзе

Член-корреспондент АН ГрузССР

ОН ВСЕГДА ДЕРЖАЛСЯ ГОРДО

Когда вспоминаешь человека, которого уже нет, человека близкого и любимого, начинаешь думать, что слова, написанные о нем, должны быть достойны его и одновременно правдивы.

Такие люди, как Хабиб Мухамедович Абдуллаев, не умирают. Они живут в воспоминаниях не только родственников и друзей, но и простых знакомых, которым хотя бы один раз пришлось с ним встретиться. Но это не те слова, которыми я хотел выразить свою мысль о замечательном человеке. Для Хабиба Мухамедовича каждый честный человек был его другом, он был готов протянуть каждому свою заботливую руку. На него можно было опереться, он никогда не подводил. Однако он был весьма требовательным как к себе, так и к друзьям, товарищам, сотрудникам и ученикам. Естественно, находились люди, которым это не нравилось. Хабиб Мухамедович с такими людьми был непримирим, ибо основной чертой его характера была принципиальность.

С Хабибом Мухамедовичем я сблизился в 1956 году в Мексике на Геологическом конгрессе. На заседаниях и геологических экскурсиях мы часто бывали вместе и беседовали на различные темы. Особенно много, разумеется, говорили о геологии. Х. М. Абдуллаеву понравились мои новые представления о метасоматиче-

ском породообразовании и в связи с ним формирований некоторых рудных месторождений, хотя он сам, как известно, был магматистом.

Мы стали друзьями. Потом часто переписывались и обменивались печатными работами. Мне в то время трудно было печататься в союзных геологических журналах, так как ученые истинно магматического направления, порой даже весьма посредственные, давали на мои статьи и монографии отрицательные рецензии. Хабиб Мухамедович в этот трудный в моей научной деятельности период поддерживал меня, объяснял редакторам журналов и рецензентам, что любая наука может развиваться с успехом только лишь в условиях борьбы мнений, что приведенный мною фактический материал о метасоматическом генезисе многих горных пород заслуживает серьезного отношения. Мне особенно было приятно, что Хабиб Мухамедович защищал меня не только и не столько из дружеских побуждений, сколько потому, что ему некоторые мои представления казались убедительными.

К сожалению, мы с Хабибом Мухамедовичем встречались редко, так как нас разделяло большое расстояние. Встречались обычно на всесоюзных петрографических и металлогенических совещаниях, где он выступал с ведущими докладами и неоднократно в прениях. Каждый раз он интересовался, что я написал нового и просил дать ему почитать. Мои работы он читал по вечерам. Затем назначал место и время встречи. Надо сказать, что он был исключительно пунктуальным.

Хабиб Мухамедович был весьма эрудированным ученым, к тому же он обладал удивительной логикой и нередко убеждал меня в слабости моих позиций по ряду вопросов. Однако он не стеснялся соглашаться с противником в споре, когда доводы последнего были убедительными. Свои законченные труды в рукописном виде он нередко передавал для ознакомления другим специалистам, от которых ожидал деловой критики. Я, например, имел честь у себя в Тбилиси прочитать присланную Хабибом Мухамедовичем рукопись его капитальной книги «Магматизм и оруденение Средней Азии».

Хабиб Мухамедович никогда не искал сочувствия, он всегда держался гордо, даже в трудные для него годы жизни. Друзьям этого неутомимого труженика хорошо известно, что он прошел тернистый путь. Он никогда не показывал окружающим, что ему трудно, что его что-то беспокоит, что он болен. Нам всем казалось, что у него здоровье крепкое, что он будет жить долгие годы. Поэтому его смерть была большой неожиданностью, она поразила всех друзей, знакомых и всю геологическую общественность. Весть о его кончине вызвала всеобщую скорбь геологов.

Мне не хотелось заканчивать свое краткое воспоминание обычными в таких случаях словами. Но действительно верно, что в лице Хабиба Мухамедовича Абдуллаева советская геологи-

ческая наука понесла тяжелую потерю. Она потеряла крупного ученого, создавшего новое направление в учении о рудных месторождениях. Она лишилась видного организатора, инициативного общественника и активного борца за светлое будущее.

А. Алимов

ЖИЗНЬ ХАБИБА АБДУЛЛАЕВА — ПРИМЕР ДЛЯ КАЖДОГО

Летом 1941 года, вскоре после начала Великой Отечественной войны, я в первый раз встретился с Х. М. Абдуллаевым. Хабиб Мухамедович был только что назначен заведующим отделом тяжелой промышленности ЦК Компартии Узбекистана. С этого времени и началась наша совместная работа. Уже тогда он произвел на меня неизгладимое впечатление своей огромной работоспособностью.

На плечи молодого партийного работника легла большая и весьма ответственная задача. В то суровое время необходимо было обеспечить бесперебойную деятельность тяжелой промышленности республики, работающей исключительно для нужд фронта, и вместе с тем принять и разместить огромное количество эвакуированных заводов и фабрик, в кратчайший срок организовать выпуск продукции.

Я часто бывал по служебным делам у Хабиба Мухамедовича и хорошо помню, как он с полной отдачей работал почти круглые сутки, решал поставленные задачи. Именно тогда проявились его блестящие способности организатора производства и государственного деятеля. Вскоре ЦК партии выдвинул его на пост заместителя председателя Совета Министров республики. В дальнейшем, где бы Хабиб Мухамедович ни работал, он всегда с честью оправдывал оказанное ему высокое доверие.

Я хотел бы заметить, что, будучи уже в то время крупным государственным деятелем, Хабиб Мухамедович не оставлял мысли о научной работе. Даже в самые трудные для нашей страны дни он говорил мне, что по окончанию войны непременно вернется к научной деятельности и будет делать все от него зависящее для развития науки. Теперь мы знаем, что он осуществил свою мечту: блестящим подтверждением этому служит широкое развитие геологической науки в Узбекистане.

Хабиб Мухамедович стал не только выдающимся ученым, но и крупным организатором и руководителем научной мысли республики и большим государственным и общественным деятелем.

Прошло десять лет с тех пор, как нас покинул этот скромный, обаятельный человек, но и сейчас чувствуется горечь при мысли о невосполнимой утрате. Трудно подобрать слова, чтобы рассказать людям о его жизни, о жизни человека простого и вместе с тем необычайно сложного, человека души. Насколько он был известен, настолько и скромен. Он обладал удивительной выдерж-

кой и спокойствием. В нем великолепно сочетались талант ученого и дар государственного деятеля. Он никогда не делил людей на «больших» и «маленьких» и в обращении с ними всегда оставался одинаково чутким и внимательным. Он обладал тонким чувством юмора, которое не покидало его в самые трудные дни.

Я счастлив и горд тем, что этот талантливый и духовно чистый человек был моим другом.

Его биография может служить примером для нашей молодежи, и я обращаюсь к ней со словами: «Берите пример с Хабиба Мухамедовича!»

М. Файзиев

Кандидат юридических наук

ЕГО ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА

Мне посчастливилось с 1956 по 1962 год работать с Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым в Президиуме АН УзССР в качестве заведующего отделом подготовки и распределения научных кадров. Я был свидетелем его поистине ленинского стиля руководства аппаратом, проявления его кипучей энергии на посту президента Академии.

Он очень активно взялся за укрепление Академии, ее учреждений и подготовку высококвалифицированных кадров. По инициативе Хабиба Мухамедовича в Академии был организован отдел подготовки и распределения научных кадров. Резко был увеличен план приема в аспирантуру (400 мест вместо 43 в 1952 году). Расширился круг специальностей по номенклатуре—вместо 27 Академия начала готовить аспирантов по 97 специальностям. По ряду новых специальностей аспиранты откомандировывались в научные центры страны — Москву, Ленинград, Киев, Минск, Баку и другие города. Хабиб Мухамедович стремился направлять как можно больше молодых специалистов, особенно из числа местных национальностей в центральные города.

Перспективный план строительства и развития Академии получил свое отражение в содержательных докладах и выступлениях Х. М. Абдуллаева на годичных собраниях академиков и членов-корреспондентов в 1953—1956 годах. Надо сказать, что доклады и выступления он готовил сам, только просил дать ему факты, цифры и таблицы с диаграммами.

Хабиб Мухамедович совместно с другими членами Президиума АН УзССР принял ряд важнейших мер по искоренению бюрократизма. На руководящие должности выдвигались молодые ученые, а к работе в проблемных лабораториях привлекались известные ученые старшего поколения для того, чтобы передать свой богатый опыт молодым специалистам.

Хабиб Мухамедович был непримиримым врагом косности, волокиты и бюрократизма, формального и бездушного отношения к

работе. Он не щадил бездельников, пустозвонов, ненавидел тех, кто не доводил до конца начатое дело, не любил ненужную заседательскую суету, требовал делового решения всех вопросов. Он был требовательным к себе и к своим сотрудникам, видя в соблюдении партийной и государственной дисциплины залог успеха в работе.

С первых же дней работы в Президиуме Хабиб Мухамедович настойчиво добивался высокой культуры, четкости и оперативности, организованности. Он всегда указывал, что если мы хотим учить дисциплине работников, то обязаны начать с себя. Его отношение к работе было образцом высокой культуры труда, он умел правильно распределять работу, организовывать свой рабочий день, дорожить рабочим временем.

Хабиб Мухамедович с исключительным вниманием относился к посетителям, к рассмотрению заявлений и жалоб. Он говорил: «По всем вопросам я принимаю в приемные часы, а по вопросам кадров я готов принимать в любые часы дня. По вопросу подготовки, выдвижения научных кадров вы можете заходить ко мне домой, звонить в любое время».

Хабиб Мухамедович тяжело болел и часто вынужден был прерывать работу. Но и в больнице он думал о делах Академии. Однажды он вызвал в стационар меня и заведующего аспирантурой М. А. Абрарова и заслушал наш отчет о приеме аспирантов, о прибытии и распределении на работу молодых специалистов. Он глубоко вникал в сущность вопроса и давал деловые советы.

Рассматривая деятельность Президиума АН УзССР, Хабиб Мухамедович большое внимание уделял кадрам. Для улучшения работы Президиума он приглашал способных работников со стороны. Большое значение он придавал не только правильному подбору кадров, но и проверке исполнения.

Могучая воля Хабиба Мухамедовича, большой организаторский талант во многом способствовали расцвету науки в Узбекистане.

Р. Аминова

Член-корреспондент АН УзССР

ПЕРВЫЙ ЛАУРЕАТ

Несмотря на то, что судьба уготовила мне и Хабибу Мухамедовичу резко отличные области науки, я имела счастье неоднократно встречаться и общаться с ним в период, когда он возглавлял республиканскую Академию наук. Хабиб Мухамедович запомнился мне решительным и волевым руководителем, смелым и широко эрудированным ученым. Беседуя с ним по деловым вопросам, мы, историки, совершенно не замечали, чтобы он был да-

лек от нашей науки. Напротив, мы ощущали, как хорошо он понимает значение общественных наук, и в частности истории, для нашей жизни, для познания законов развития общества, для коммунистического воспитания народа.

Хабиб Мухамедович не раз подсказывал нам интересные темы исследований, призывал к тому, чтобы мы в своих трудах как можно более широко показывали героику первых лет советской власти, неоценимое значение самобытного творчества народных масс.

О внимании и интересе Хабиба Мухамедовича к исторической науке, о его кругозоре в этой области говорят следующие известные факты. Например, президент республиканской Академии, крупнейший ученый-геолог, лично осуществлял контроль над подготовкой второго издания «Истории Узбекской ССР». Он требовал, чтобы ему регулярно сообщали о ходе работы, неоднократно вызывал к себе историков, беседовал с ними.

В бытность Хабиба Мухамедовича руководителем Академии по его инициативе на одном из заседаний Президиума был поставлен отчет не Института истории и археологии в целом, а только одного из секторов — истории советского общества. Заседание прошло очень оживленно. Хабиб Мухамедович задавал много вопросов. Свои суждения и предложения по отчету высказали члены Президиума, а затем и сам Хабиб Мухамедович. Словом, состоялся большой разговор о будущих путях историков нашего профиля.

Хочется особо отметить исключительное внимание Хабиба Мухамедовича к молодежи, к тем, кого у нас называют будущим науки. По личному предложению Хабиба Мухамедовича я была выдвинута на должность заведующего сектором Института. В связи с этим меня вызвали к президенту. Когда я услышала о принятом решении, то в первую минуту буквально испугалась и сказала, что не справлюсь с такой ответственной должностью. Хабиб Мухамедович с улыбкой ответил, что каждому, на кого накладывают новые обязанности, кажется, что он не справится, но такое чувство скоро проходит. Президент заверил меня, что с помощью старших товарищей я легко одолею новые задачи. Он пообещал помощь и со своей стороны. В том, что у Хабиба Мухамедовича слова не расходились с делом, я имела возможность убедиться не раз.

Хабиб Мухамедович проявлял огромную неустанную заботу о подготовке национальных научных кадров. Он неоднократно командировал большие группы молодежи в Москву за знаниями. Если была необходимость, лично просил крупных московских, ленинградских ученых взять на себя руководство аспирантами.

Хабиб Мухамедович высоко ценил роль ученых РСФСР и других братских республик в развитии узбекской науки и всячески способствовал установлению контактов исследователей Узбекистана с крупнейшими учеными Москвы, Ленинграда и других научных центров страны.

Первый лауреат Ленинской премии среди узбеков — Хабиб Мухамедович Абдуллаев — был человеком большого таланта и не

менее большой души, подлинным первооткрывателем новых дорог, оставившим яркий след в истории советской науки. Память о нем — одна из дорогих реликвий моего сердца.

В. Бугаев

Академик АН УзССР

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ

Я знал Х. М. Абдуллаева как человека, для которого труд был делом всей жизни. Как сейчас вижу его, вечно в работе, что-то обязательно создающим. Казалось, существующие рамки его никак не удовлетворяли, он вовлекал в круг своей деятельности большие коллективы людей, целые организации.

Когда Хабиба Мухамедовича избрали президентом Академии наук, он перестроил стиль работы в Президиуме. Вместо долгой раскачки по утрам, когда, не спеша, собирался аппарат Президиума, а еще позже приходил руководящий состав — все стало иному. Хабиб Мухамедович любил начинать свою работу в Президиуме с раннего утра, ибо ему не хватало времени для решения всех вопросов. Но он понимал, что ему одному всего не решить, а потому многие дела передавались на исполнение сотрудникам аппарата, другим руководителям Президиума. Причем, президент Академии требовал решения поставленных вопросов в кратчайший срок. Такая система, четкий ритм в работе не позволяли сотрудникам терять ни часа. В положенное время, утром, весь аппарат Президиума был на месте, и работа буквально кипела.

Он жил недалеко от Президиума академии и ходил на работу пешком. Казалось президент не торопится, когда поднимается по широкой парадной лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались его приемная и кабинет. Однако в каждом шаге, в каждом движении Хабиба Мухамедовича чувствовались собранность и энергия, целеустремленность. Многие вопросы им были продуманы еще дома, по пути на работу, в свой кабинет он входил, уже расписав чуть ли не по минутам весь рабочий день.

И день начинался, как говорится, без предисловий.

Х. М. Абдуллаев принимал решения быстро. Если нужно было обсудить с кем-нибудь новое предложение, он тут же звонил по телефону. Как большой организатор он не любил долго говорить о мелочах. Он руководствовался правилом, что несущественные вопросы не могут всерьез влиять на решение главных и крупных проблем. Вот поэтому разговор в кабинете президента всегда велся проблемный, определялись главные вопросы и принимались конкретные решения. «Пробки», возникающие в процессе претворения проблемы в жизнь, устранялись непосредственными исполнителями или помощниками президента — в этом Хабиб Мухамедович предоставлял им очень широкие права.

Надо было видеть, как огорчала его всякая потеря времени на ненужные разговоры, которые президенту приходилось вести в силу различных обстоятельств. Дело в том, что президента считали необходимым посещать и беседовать с ним разные люди. Своего свободного времени они не ограничивали, и потому готовы были сидеть в кабинете подолгу, поговорить обо всем понемногу, о себе напомнить, заручиться поддержкой, похлопотать о комлибо. Причем, просьба выкладывалась далеко не сразу: высокоуважаемый посетитель вел беседу будто по спирали, начиная с самых удаленных витков. Пока он добирался до сути, уходили впустую десятки минут. Подобных пустопорожних разговоров Хабиб Мухамедович не мог терпеть. Он буквально еле сдерживал себя.

Мне приходилось время от времени исполнять в Президиуме обязанности академика-секретаря, если таковой долго отсутствовал. Однажды я зашел к президенту, чтобы согласовать какой-то вопрос. Из его кабинета только что вышел посетитель, просидевший там... полтора часа.

Что же я увидел?

Вместо всегдавшего Хабиба Мухамедовича, который сразу готов был переключить свое внимание на нового посетителя, за столом сидел предельно измученный и утомленный человек, с потухшим взором, с опущенными уголками рта, с беспомощно положенными на стол руками, ссутулившийся.

— Видели?— произнес он устало, кивнув на дверь,— полтора часа просидел. О чем он меня спрашивал? Вы думаете мы что-нибудь обсудили?

Он нетерпеливо повел плечами, словно сбрасывая невидимую ношу и постепенно становясь снова самим собой.

— И беда ведь в том,— продолжал Хабиб Мухамедович, как бы думая вслух,— что нельзя сказать: дорогой друг, ну чего ты хочешь? Если ничего не надо, то иди домой, у меня, вон, видишь, какая груда непочатых дел... А тут еще голова разболелась.

В эти годы Хабиб Мухамедович уже сильно страдал почечной гипертонией. Это обстоятельство заставляло его время от времени прекращать работу в Президиуме Академии и ложиться на несколько дней в стационар. Однако и там он продолжал заниматься делами Академии. Утром использовал телефон, а после обеда принимал сотрудников, решал десятки вопросов. Я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил о своей болезни или жаловался на нездоровье. Напротив, он всегда старался быть бодрым, любил пошутить по поводу недугов вообще.

...Приближался Международный геофизический год (МГГ), который начинался 1 июля 1957 г. и заканчивался 31 декабря 1958 г. Это крупное научное мероприятие требовало подготовки и проведения ряда специальных экспедиций. На долю АН УзССР выпало проведение двухлетней экспедиции на ледник Федченко. Был сформирован оргкомитет, который разработал программу и

план. Однако подготовка экспедиции, требующая определенных затрат, проводилась очень плохо.

Хабиб Мухамедович относился к экспедиции без всякого энтузиазма. И совершенно невозможно было понять причины этого. Обычно он высказывал свое мнение ясно и определенно, не боясь нареканий или недовольств. Суждения о людях были у него откровенные и прямые. Иногда мне даже казалось, что излишняя откровенность для человека, занимающего высокий пост, возможна лишь в небольшом дружеском кругу, где о точности формулировок можно не беспокоиться, поймут правильно. Но Хабиб Мухамедович руководствовался другим правилом: прямота в суждениях о людях помогает им исправлять свои недостатки, лучше и быстрее справляться с делом.

Однако в вопросе об экспедиции ясности не было. То ли ему не хватало времени вникнуть в суть дела, а без этого не хотелось нести большие расходы. Но о высоком удельном весе экспедиции он знал хорошо: к ней хотели присоединиться научные сотрудники Ленинградского государственного университета и группа ученых из ГДР.

Тем временем Междуведомственный комитет по проведению МГГ при АН СССР выражал большое беспокойство о судьбе экспедиции на ледник Федченко и командировал в Ташкент своего представителя, ныне члена-корреспондента АН СССР Г. А. Авсюка. Побывав у президента на приеме он сказал:

— Поговорить мы поговорили, но твердых обещаний я не услышал.

Через несколько дней Хабиб Мухамедович вызвал меня.

— Вот что,— начал он не то между прочим, не то серьезно,— Академия наук СССР беспокоится о леднике Федченко, а вы тут сидите и ничего не делаете. Нехорошо получается.

Слова суровые, а уголки рта подняты кверху и глаза смеются. Любил подзадорить.

— Да, конечно, высечь нас за это и то мало!— ответил я в тон президенту.

— Тогда выкладывайте ваши планы.

Было ясно, что Хабиб Мухамедович решил этот вопрос. Дальше дело пошло с истинно абдуллаевским размахом, и вскоре я отправился на Памир, организовывать экспедицию.

Но все же, почему президент так сравнительно долго тянул с решением вопроса? Я понял это немного времени спустя: просто Хабиб Мухамедович не был уверен, что экспедиция состоится. Он ждал приезда из Ленинграда специального представителя, а когда тот прибыл, выждал еще несколько дней, чтобы получить подтверждение об участии в экспедиции зарубежных специалистов. Да, он умел быть терпеливым, когда это требовалось для лучшей постановки дела.

События продолжали нарастать. Готовилась к отправке Третья советская Антарктическая экспедиция. Поскольку она про-

исходила во время МГГ, ей придавалось особое значение. Работы предполагалось вести по расширенной программе и соответственно подбирался состав участников. Вскоре с помощью радиосвязи, которая имеется на всех высокогорных метеорологических станциях, меня разыскали в глухих районах Памира и предложили выехать срочно. Здесь я неожиданно получил приглашение принять участие в Антарктической экспедиции. Пройти океанами до «противоположного конца» земного шара, увидеть таинственный, малоисследованный материк, потрудиться там — какой геофизик не мечтал бы об этом!

Х. М. Абдуллаев и Гамаль Абдель Насер.

Работая в Антарктиде в течение полутора лет, я регулярно получал от президента приветствия и поздравления по поводу праздников и других событий, и по его представлению был награжден к своему пятидесятилетию Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УзССР.

Таким был этот удивительный человек. Примечательно, что хотя наши пути на протяжении более двух десятков лет часто пересекались, я не относился к числу его близких товарищей по работе (у нас были разные специальности). Не относился и к числу

друзей, знакомых семьями. Но, однако, если президент Академии, как говорится, в кого-то поверил, то уже не выпускал этого сотрудника из поля зрения. Для претворения в жизнь его широчайших планов нужны были люди, которых он хорошо знал и которым доверял полностью.

Еще задолго до окончания зимовки я получил из Москвы радиограмму с приглашением занять должность директора Центрального института прогнозов. Вопрос этот был для меня не новым, он на протяжении многих лет возникал не раз, но по разным причинам я отклонял предложение. В Антарктиде я имел возможность, не торопясь, взвесить сложившуюся ситуацию. Мне было ясно, что методы прогнозов и организация службы погоды развивались далеко не в духе времени и не теми темпами, которые требовались., Попытки сдвинуть все это с места делались робко и неумело. Надо было начинать хотя бы с внедрения электронных вычислительных машин. Надо было менять многое в деятельности Центрального института прогнозов и мне казалось, что я мог бы принести определенную пользу. Кроме того, методы прогнозирования погоды были той областью науки, которой я в основном занимался и потому должен был в немалой мере чувствовать себя ответственным за ее развитие. В конце концов, думалось мне, поставив работу Института прогнозов на лад, можно будет возвратиться в Узбекистан, где у меня много замечательных друзей и где работать мне было всегда хорошо и интересно.

На радиограмму я ответил положительно, но просил согласовать предварительно вопрос о моем переходе с Академией наук Узбекистана. Однако никто ничего не стал согласовывать, и я был номинально назначен директором. Это очень возмутило и обидело Х. М. Абдуллаева. Он добился того, чтобы моя судьба была решена в первую очередь Президиумом Академии наук УзССР. Я вскоре вернулся в Ташкент и как-то по-новому понял, насколько может быть дорого для человека теплое отношение друзей, дорога высокая оценка твоей работы со стороны коллег, со стороны руководителей.

Весь послеэкспедиционный отпуск я находился в Ташкенте, ожидая решения своей судьбы. И вот, последнее заседание Президиума Академии наук под председательством Абдуллаева, на котором я присутствую. Хабиб Мухамедович сжато и весьма объективно излагает суть дела. Потом обращается ко мне:

— Мы знаем, что вы идете не на легкие хлеба. Мы понимаем, что это диктуется определенной необходимостью. Но подумайте еще раз. У нас есть много перспектив и возможностей, вы можете выбрать любую.

То же примерно говорили и члены Президиума. Но мне отступать уже было некуда. Мне было очень жаль расставаться со своей работой в Ташкенте, но меня сильно увлекла перспектива наладить по-настоящему дело в Центральном институте прогнозов. Я так и сказал на Президиуме.

Мы расстались с Хабибом Мухамедовичем дружески, обещали поддерживать взаимный контакт и впоследствии подкрепляли обещание делом.

Но разве я мог подумать тогда, что эта встреча с Х. М. Абдуллаевым была последней!

А. Захидов

Кандидат технических наук

ТАЛАНТ РУКОВОДИТЕЛЯ

На мою долю выпало большое счастье на протяжении длительного времени работать вместе с Х. М. Абдуллаевым. Я говорю о счастье не только потому, что такая совместная работа давала большое моральное удовлетворение, но и потому, что она являлась для меня школой организаторского мастерства и творческого роста. Большую роль при этом играл личный пример самого Абдуллаева. Несмотря на предельную загруженность в Президиуме Академии наук, а также широкую общественную деятельность, Х. М. Абдуллаев все же находил время для собственных научных исследований, систематически публиковал статьи и монографии, успешно руководил многочисленными аспирантами.

Я всегда поражался его умению работать с людьми, зажечь в них творческий огонек, оперативно руководить работой Президиума академии наук.

Большое место отводил Хабиб Мухамедович руководителям институтов. Он часто говорил, что роль руководителя в науке должна быть творческой, а не чисто административной.

Он ввел должность помощника президента АН по административно-хозяйственным вопросам и совместно с директорами научно-исследовательских институтов проводил большую работу по подбору заместителей директоров по адмхозчасти. Это дало возможность членам президиума АН и руководителям институтов значительно повысить уровень руководства наукой.

Хабиб Мухамедович умел слушать. Это очень важная черта руководителя. Беседуя с директорами институтов и членами партийного комитета, Хабиб Мухамедович тактично, ненавязчиво сводил беседу к самому главному и актуальному, делал обобщения и конкретные выводы, быстро и оперативно принимал необходимые решения. Как правило, это не проходило бесследно.

Приведу несколько примеров.

Партийный комитет Академии наук изучил состояние подготовки научных кадров в научно-исследовательских институтах. Итоги были неутешительные. В аспирантуру зачислялись ежегодно не более 30—40 аспирантов. При этом не было целенаправленности, по многим дефицитным специальностям вообще не готовились кадры. Значительная часть аспирантов не имела квалифици-

рованных научных руководителей. Аспирантуру заканчивало в срок с защитой диссертации лишь 10—15 процентов обучающихся. Хабиб Мухамедович подробно ознакомился с материалами, подготовленными партийным комитетом и поставил вопрос о необходимости организации в системе Академии наук специального отдела аспирантуры, резкого увеличения приема и прикомандирования большой части принимаемых в аспирантуру специалистов в крупные научные учреждения АН СССР.

Впоследствии эти вопросы были вынесены на обсуждение партийного комитета, общеакадемического партийного собрания и Президиума АН УзССР. ЦК Компартии Узбекистана и правительство республики поддержали принятые решения. В результате в аспирантуре Академии наук стали обучаться около 1000 аспирантов, сотни из них проходили аспирантуру под руководством крупнейших ученых Советского Союза в ведущих научно-исследовательских институтах АН СССР.

Другой пример. По инициативе Хабиба Мухамедовича партийный комитет изучил и обсудил состояние публикаций научной продукции Академии наук. Был выдвинут ряд ценных предложений. Хабиб Мухамедович решительно поддержал их, поставил на обсуждение Президиума, и впоследствии они были оперативно реализованы. Вместо серии журналов «Известия АН УзССР» стали выходить специализированные научные журналы — «Узбекский геологический», «Биологический», «Химический», «Тил ва адабиёт масалалари» и др. Было значительно улучшено содержание, увеличены объемы и периодичность всех научных журналов. Расширилась полиграфическая база Академии наук.

Чаще стали выходить крупные монографические работы. На одном из заседаний партийный комитет обсудил работу ученых Академии наук по пропаганде достижений науки и техники среди населения. Учеными Академии наук в этом направлении была проведена большая работа. Отделение общества «Знание» при Академии наук систематически организовывало выступления ведущих ученых с лекциями и докладами в лекториях, в клубах.

Хабиб Мухамедович сам очень часто выступал с лекциями и докладами и одобрительно относился к работе отделения общества «Знание». Однако он часто говорил, что таким путем можно охватить аудиторию в лучшем случае в несколько сот человек, и внес предложение выпускать в Академии наук большим тиражом научно-популярный журнал и научно-популярные брошюры. Это предложение встретило горячее одобрение научной общественности, и с марта 1957 года ежемесячно стал выходить научно-популярный журнал под названием «Фан ва турмуш». В первое время журнал имел тираж 4 тыс. экземпляров, а сейчас он достиг 450 тыс. экземпляров.

Все вопросы, обсуждаемые с участием президента, приобретали глубокое содержание и широкий размах. Принимаемые реше-

ния осуществлялись очень оперативно и, естественно, давали соответствующие результаты.

Большой организаторский талант, широкая эрудиция, огромная воля Хабиба Мухамедовича Абдуллаева оказали огромное влияние на развитие науки в Узбекистане.

М. Набиев

Академик АН УзССР

НАШЕ ДАВНЕЕ ЗНАКОМСТВО

После окончания Ивановского химико-технологического института в 1935 году я начал работать на Горловском азотно-туковом заводе (Донбасс). Как-то в один из летних вечеров 1936 года к нам на квартиру в жилпоселке завода в Новогорловке постучалась добрая старая украинская женщина, а вместе с ней появился худощавый молодой человек. Женщина, обратившись к пришельцу, показала на меня и мою супругу Каримахон и сказала: «Вот это они».

Вошедший к нам молодой человек оказался геологом-аспирантом Московского геологоразведочного института Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым, приехавшим в соседний город Никитовку на ртутные рудники. Он узнал, что в Новогорловке живут его земляки из Ташкента и постарался нас разыскать. С этого дня и началась наша дружба с Х. М. Абдуллаевым.

До 1940 года каждый из нас был занят своими делами. Я из Донбасса переехал в Чирчик, где работал главным инженером электрохимического комбината, а Абдуллаев по окончанию аспирантуры стал директором Среднеазиатского индустриального института.

Наша встреча в Ташкенте с Хабибом Мухамедовичем была очень дружеской и вместе с тем официальной, так как разговор шел о передаче его институту жилого дома, принадлежавшего Чирчикскому электрохимкомбинату по Узбекистанской улице для размещения в нем химико-технологического факультета.

Я, откровенно говоря, не мог противостоять солидной аргументации Х. М. Абдуллаева и вопрос был решен по-деловому, без долгих споров, благожелательно. По существу, с этого момента и до конца жизни Хабиба Мухамедовича мы были неразлучными друзьями.

С большим удовлетворением вспоминаю о том времени, когда мне приходилось в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства работать под непосредственным руководством Х. М. Абдуллаева в должности первого заместителя председателя Госплана УзССР.

Отличительные черты его характера — это упорство, настойчивость, вдумчивость, деловая оперативность и решительность. Он

всегда работал поистине самоотверженно, однако без нервозности, что свойственно далеко не каждому руководителю ответственного участка, да еще такого сложного, как Госплан республики.

Х. М. Абдуллаева отличали объективность, умение ладить с людьми. Подтверждение этому наша совместная четырехлетняя работа. За это время у нас не было никаких принципиальных разногласий, мы работали очень дружно, слаженно и с каким-то особым удовлетворением.

Он не был мелочным и, доверяя людям, не мешал проявлению самостоятельности. Наоборот, Хабиб Мухамедович всегда радовался тому, что стиль его работы понят, и он может полагаться на своих помощников. Это был образец делового и принципиального человека. От него никогда не приходилось слышать незаслуженных упреков. Он очень хорошо разбирался в людях и умел их ценить. Нужно напомнить также, что этот незаурядный человек обладал очень острым умом и находчивостью.

Хабиб Мухамедович всегда был глубоко благодарен своим учителям, живущим в г. Оше, где он начинал учиться, и особенно в Ташкенте и Москве, где формировался как исследователь и крупный ученый. Академиков В. А. Обручева, Д. С. Белянкина, Д. И. Щербакова и других он всегда называл своими воспитателями и отцами.

Х. М. Абдуллаев сделал чрезвычайно много для создания науки в республике, концентрирования ее в системе Академии, координации науки с производственными и хозяйственными организациями для активного воздействия на развитие производительных сил Узбекистана.

М. Мухамеджанов

Академик АН УзССР

ЕГО ОБРАЗ НЕЗАБЫВАЕМ

Хабиб Мухамедович, занимая на протяжении многих лет посты председателя Госплана, заместителя председателя Совета Министров УзССР, председателя СОПСа, первого вице-президента, президента Академии наук, много сделал для развития производительных сил, культуры и науки республики.

Он являлся инициатором создания и строительства первенца металлургической промышленности республики — Узбекского металлургического завода в г. Беговате. По его инициативе и при активном участии были комплексно изучены производительные силы Ангренского бассейна и Ферганской долины и некоторых других бассейнов и зон республики. По результатам этих изучений под его редакцией выпущены капитальные монографические работы, которые легли в основу промышленного и сельскохозяйственного развития.

Он был одним из инициаторов и крупным организатором выявления многих месторождений, строительства шахт, скважин по добыче нефти, угля, редких металлов и других полезных ископаемых, которыми так богаты недра нашей республики.

Мне особенно хочется отметить кипучую и неутомимую деятельность Хабиба Мухамедовича в годы Великой Отечественной войны. Когда в первые месяцы войны гитлеровские войска захватили большую часть нашей западной территории, много заводов и фабрик было эвакуировано в глубокий тыл страны, значительную часть их приняла наша республика. В это время по поручению ЦК КП Узбекистана вместе с первым секретарем ЦК Усманом Юсуповичем Юсуповым и другими руководящими работниками республики Хабиб Мухамедович как председатель Госплана и заместитель председателя Совета Народных Комиссаров УзССР энергично взялся за прием, размещение, быстрое восстановление и налаживание работы эвакуированных авиационного, карборундового, электролампового, электрокабельного заводов, заводов «Ростсельмаш», «Текстильмаш», химического машиностроения и многих других. Хабиб Мухамедович много времени проводил на этих предприятиях, лично следил за восстановлением каждого цеха и их материально-техническим обеспечением. Усилиями партийной организации республики работа эвакуированных заводов и фабрик была очень быстро налажена и фронт стал получать самолеты, орудия, боеприпасы и т. д.

Хабиб Мухамедович живо интересовался и сельским хозяйством, особенно хлопководством — этой ведущей отраслью народного хозяйства республики. Хорошо понимая, что Узбекистан является основной хлопковой базой Советского Союза, он сделал все от него зависящее для быстрого развития этой базы. Глубоко вникая в существо сельскохозяйственного производства, он всемерно поддерживал строительство ирригационных каналов, водохранилищ, помогал в освоении новых земель, организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов, обеспечении комплексной механизации хлопководства, животноводства и других отраслей сельского хозяйства.

Внимание Хабиба Мухамедовича привлекало решение многих насущных проблем быта и жизни населения не только в городах, но и в кишлаке. Вот один из многочисленных примеров. Выяснив, что в подавляющей части кишлаков республики питьевая вода является большой проблемой, а арычная вода — это источник распространения всевозможных заболеваний, он организовал глубокое изучение запасов и источников подземных вод. Были установлены огромные запасы их во многих районах республики. Х. М. Абдуллаев направил по этому поводу в директивные органы обстоятельную докладную записку. Предложенные им мероприятия были приняты правительством республики. И если сейчас подавляющая часть населения пользуется качественной водой из

артезианских скважин, то этим мы во многом обязаны Хабибу Мухамедовичу.

Хабиб Мухамедович как выдающийся ученый-геолог много лет возглавлял геологическую науку в Узбекистане, развил и поднял ее до небывалой высоты. Благодаря трудам Хабиба Мухамедовича и его учеников Узбекистан превратился в один из крупнейших центров научных геологических исследований.

Как крупный государственный деятель и руководитель штаба научной мысли Академии наук УзССР Х. Абдуллаев много сделал для развития физической, химической, биологической, а также гуманитарных наук, при его активном участии в г. Ташкенте был построен крупнейший Институт ядерной физики.

Известно, что Узбекистан является центром орошаемого земледелия. Поэтому Х. М. Абдуллаев большое внимание уделял развитию теоретических исследований по ирригации и мелиорации. По предложению Хабиба Мухамедовича в системе Академии наук УзССР был организован Институт водных проблем, который впоследствии объединился со Среднеазиатским институтом ирригации.

Хабиб Мухамедович считал и не раз говорил о том, что настоящий коммунист и ученый должен готовить себе достойную смену, растить и воспитывать квалифицированных специалистов-ученых. Этому он неотступно следовал на протяжении всей жизни — подготовил десятки кандидатов и много докторов наук из узбеков, таджиков, киргизов, казахов, русских и представителей других национальностей.

Одной из священных своих обязанностей на посту президента Академии наук Хабиб Мухамедович считал массовую подготовку квалифицированных научных кадров. С повесток дня Президиума Академии наук и ее отделений никогда не сходил этот животрепещущий вопрос.

В несколько раз был увеличен прием в аспирантуру институтов Академии. Многие сотрудники направлялись в качестве докторантов, аспирантов и стажеров в центральные города—Москву, Ленинград, Киев, Новосибирск и др. Я не однажды был свидетелем того, как Хабиб Мухамедович, приезжая в Москву, собирал докторантов и аспирантов, душевно беседовал с ними, расспрашивал об их делах и бытовых условиях, при этом всячески старался до конца решить поставленные перед ним вопросы.

Хорошо помню такой случай. Один молодой человек окончил физический факультет МГУ с отличием и был рекомендован Ученым советом МГУ в аспирантуру. Он решил поступить в аспирантуру за счет мест Узбекской академии. Но работник по науке Узбекского постпредства в Москве равнодушно отнесся к просьбе. Молодой физик пришел к Хабибу Мухамедовичу в гостиницу «Москва», рассказал обо всем и просил помочь. Зная много лет Хабиба Мухамедовича, я никогда не видел его таким расстроенным. Он тут же по телефону связался с работником постпредства

и, выяснив в чем дело, так отчитал его, что через некоторое время тот приехал в гостиницу, извинился перед Х. М. Абдуллаевым и дал слово, что подобные вещи никогда больше не повторятся. Хабиб Мухамедович написал письмо на имя ректора МГУ и через неделю молодой человек был принят в аспирантуру.

Хабиб Мухамедович через аппарат Президиума Академии наук, руководителей научных учреждений и путем личного общения выяснял, кто работает или собирается работать над докторской или кандидатской диссертацией, а затем приглашал к себе этих сотрудников, подробно расспрашивал каждого о степени подготовки материалов, о том, сколько глав в диссертации уже завершено и в зависимости от этого устанавливал конкретные сроки для защиты диссертации, делал много, чтобы помочь осуществить защиту в срок.

Хабиб Мухамедович был разносторонним государственным деятелем и ученым, человеком большого ума, поистине энциклопедистом. Он удивительно быстро все схватывал, умел из гущи вопросов выделить главные и сделать обобщающие выводы. При обсуждении большого и сложного, другой раз, казалось бы, неразрешимого вопроса, он всегда внимательно выслушивал различные мнения, находил правильные пути решения вопроса и вносил предложения, против которых трудно было что-либо возразить.

Хабиб Мухамедович часто говорил, что служить своему народу и партии — это значит быть принципиальным, прямым, честным. Он сам был образцом честности, правдивости и высокой партийной принципиальности. Он никогда ничего не скрывал и не таил в душе, всегда говорил правду прямо в лицо кому бы-то ни было, самым беспощадным образом высмеивал ошибки и недостатки. Всеми фибрами своей души ненавидел подхалимов, конъюнктурщиков и недобросовестных людей.

Хабиб Мухамедович обладал исключительным чувством юмора. С ним никогда не бывало скучно, он удивительно умел создавать настроение у окружающих. Его юмор бывал таким острым, что невозможно было удержаться от хохота. Но иногда трудно было понять его — шутит он, или говорит всерьез, так как подшучивая, он сам никогда не смеялся, зато буквально заливался хохотом в ответ на острые шутки других.

Одной из отличительных черт Хабиба Мухамедовича было умение дружить и дорожить дружбой. Он дружил с человеком не по занимаемому положению в обществе, а по велению сердца — если в человеке видел честность, принципиальность и идейное торжество. Он искренне радовался успехам и счастью друзей. Всячески старался облегчить положение и страдание друга. Но дружба у него не превращалась в панибратство, взаимное восхваление или взаимное прощение недостатков. Если он замечал какие-либо недостатки у своего друга, то старался незаметно их исправить, но если тот не прислушивался к его советам, тогда вступал с ним в самый серьезный и откровенный разговор.

Надо сказать, что у самого Хабиба Мухамедовича, в его жизни и деятельности не все было гладко, немало было переживаний и испытаний, приходилось вести серьезную борьбу. И в самом деле, у такого талантливого, прямого, откровенного и принципиального человека, как Хабиб Мухамедович, должно было быть не только много друзей, но и недругов. За последние 10—12 лет своей жизни он часто подвергался серьезным нападкам. Он провел немало бессонных и тревожных ночей, но никогда не падал духом, упорно боролся, отстаивал свои позиции и, как правило, побеждал.

Н. Лавров

Академик АН УзССР

ОТЧЕТ ПЕРЕД ДРУГОМ

С Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым я познакомился в декабре 1959 года. В это время в Узбекистане были обнаружены крупнейшие в мире месторождения природного газа в Газли и установлены богатые перспективы их промышленного освоения. Президент Узбекской академии наук Х. М. Абдуллаев совершенно правильно решил, что отныне в состав академии должен войти ученый-специалист, который возглавит этот новый участок науки и техники. Выбор пал на меня. В то время я был заместителем директора Института горючих ископаемых АН СССР и научным руководителем общеакадемической проблемы «Горючие газы».

В Ташкенте меня тепло встретил академик Х. Ф. Фазылов, главный ученый секретарь Президиума АН УзССР. На другой день я посетил Х. М. Абдуллаева. Моя первая встреча с этим волевым и энергичным человеком многое решила в нашей дальнейшей совместной работе. Между Х. М. Абдуллаевым и мной сразу установилась деловая дружба. Мы быстро нашли общий язык по основным вопросам моего участия в работе Академии наук УзССР. Хабиб Мухамедович оказался хорошим собеседником, и мы долго гуляли по зимнему саду, обсуждая различные проблемы.

В январе 1960 года я снова прилетел в Ташкент на общее собрание Академии наук УзССР, где был избран академиком и членом Президиума АН УзССР. Моим выступлением в прениях по отчетному докладу Хабиб Мухамедович остался доволен.

Вскоре на меня были возложены обязанности академика-секретаря отделения технических наук и моя связь с президентом стала еще более тесной.

Весной 1960 года Х. М. Абдуллаев с женой и С. В. Стародубцев, первый вице-президент АН УзССР, были у меня в гостях в Москве. Я изложил основные направления будущей деятельности в Узбекистане. Хабиб Мухамедович внимательно выслушал меня и одобрил идею создания научно-исследовательского института по использованию топлива. Однако добавил, что мне самому при-

дется добиться дополнительного финансирования сверх того, что отпускается Академией наук, порядка 12 миллионов рублей.

В апреле 1960 года я переехал на постоянное местожительство в Ташкент и, помимо большой работы по отделению технических наук, вплотную занялся выполнением одобренной президентом программы. Никогда я не работал так настойчиво и с таким рвением, как в ташкентский период. Большую помощь мне оказывал президент.

По решению директивных органов был создан Институт использования топлива АН УзССР, а Узбекскому Совнархозу было поручено сооружение комплекса зданий института общей стоимостью 15 млн. руб.

Однако этот очень желанный для всех нас ученых институт дался нам не без борьбы. Осенью 1961 года в целях концентрации строительства в Госплане СССР не утвердили новые стройки, в том числе и наш институт в Ташкенте.

Я тогда возвращался после лечения из Пярну через Москву и узнал о запрещении строительства. Находящиеся в Госплане СССР товарищи сказали мне, что бесполезно настаивать на строительстве. Я позвонил президенту, и мы договорились доказать, что решение о запрещении строительства института неправильно. Я побывал на приеме у бывшего секретаря ЦК КПСС Н. А. Мухитдинова, связался по телефону и имел обстоятельный разговор с тов. Дымшицем, который ведал капитальным строительством.

В результате вопрос о продолжении строительства института был решен положительно. Обрадованный, я срочно сообщил об этом в ЦК КП Узбекистана и дал телеграмму в Академию наук УзССР и Узбекский Совнархоз.

Когда я приехал в Ташкент, у меня с президентом состоялась теплая и задушевная беседа. Президент был очень доволен и сказал, что надо после себя оставлять пирамиды, которые бы свидетельствовали о результатах нашей деятельности. Под руководством президента я проходил школу настойчивости и трудолюбия. В итоге мои отношения с президентом стали еще более близкими. Я часто заходил к нему, и мы подолгу беседовали на различные темы.

Большую помощь оказал президент в подготовке и проведении конференции по газификации Узбекистана, которая состоялась в июне 1961 года. Хабиб Мухамедович, не раз, делясь своими впечатлениями, отмечал, что это была одна из лучших конференций, которые проводились в Узбекистане.

В настоящее время Узбекистан превратился в страну почти сплошной газификации. За счет месторождений Узбекской и Туркменской ССР широко газифицированы республики Средней Азии и Казахстана. Две нити стальных газопроводов проведены из Газли на Урал. В 1967 году, к 50-летию Советской власти, газ из Каракумов по магистрали Средняя Азия — Центр был подан в Москву и Ленинград.

Во всем этом немалая заслуга Х. М. Абдуллаева. Он был одним из первых инициаторов и организаторов геолого-поисковых и разведочных работ на нефть и газ, при его непосредственном участии создавались новые производственные и научные организации по добыче и эксплуатации нефти и газа.

Но вернусь назад. Несколько дней спустя после конференции Хабиб Мухамедович поинтересовался, как у меня продвигается написание монографии. Он считал, что сейчас, как никогда, необходимо крупное исследование по основам газификации.

В начале 1962 года моя монография «Основы горения газообразного топлива» была издана. Первый авторский экземпляр я с благодарностью преподнес Хабибу Мухамедовичу. Он прочитал посвящение, тепло улыбнулся и крепко пожал мне руку.

Вскоре Х. М. Абдуллаев тяжело заболел. И вот перестало биться сердце выдающегося советского ученого, крупного государственного деятеля, патриота родины, прекрасного друга и товарища. Вместе со всеми, провожая в последний путь Хабиба Мухамедовича, я думал о том, что сумел при его жизни выполнить то, что ему обещал. И наверное не только один я думал об этом; так думал каждый, кто его знал, мысленно подводя итог сделанному, мысленно отчитываясь перед покойным президентом, ибо Хабиб Мухамедович был на редкость обязательным человеком и требовал от людей самого серьезного отношения к работе и к жизни.

А. Каленов

Доктор геолого-минералогических наук

М. Калганов

Доктор геолого-минералогических наук

ПАМЯТЬ О НЕМ ВЕЛИКА

Далекий 1933 год. В аудиторию входит молодой человек в национальном халате и глубоких галошах. У него веселые черные глаза. Это Хабиб Абдуллаев. Он студент института. Хорошо говорит по-русски, учится успешно. Однако чертежи ему явно не даются. Мне, как преподавателю (А. Каленову), приходилось возвращать Абдуллаеву чертежи не раз и не два. Так состоялось наше первое знакомство с ним.

Наступает 1936 год. Студент обгоняет преподавателя. Я (А. Каленов) поступаю в аспирантуру Московского геолого-разведочного института (МГРИ) на кафедру полезных ископаемых, а Хабиб Мухамедович уже аспирант второго года обучения на этой же кафедре. В то же время поступает в аспирантуру МГРИ и соавтор по настоящему воспоминанию — М. Калганов.

Совместная учеба в аспирантуре на одной из кафедр и активная общественная работа в институте сделали нас троих близкими друзьями. Хабиб Мухамедович был вожаком нашей дружной

тройки. Потом мы на протяжении долгих лет работы в различных научно-исследовательских учреждениях никогда не порывали дружеских связей.

Хабиб Мухамедович избрал темой своей кандидатской диссертации шеелито-скарновое месторождение Лянгар. Он всегда был любознательным, вдумчивым, энергичным и очень веселым человеком, оптимистически настроенным и остроумным собеседником. Запомнились навсегда его живые, умные, проницательные и веселые глаза с примесью доброго лукавства.

В 1939 году Хабиб Мухамедович уже автор нескольких статей по минералогии и генезису скарнов Средней Азии, успешно защищает кандидатскую диссертацию. Он оставлен ассистентом при кафедре. Одновременно заведует аспирантурой МГРИ. Но его тянет в родные места. Он — высококвалифицированный геолог, хочет изучать геологию и полезные ископаемые родного Узбекистана и тем самым помочь своей республике.

В 1940 году он уезжает в Ташкент. Там работает доцентом кафедры полезных ископаемых горного факультета Ташкентского индустриального института. Он — широкообразованный, талантливый преподаватель и хороший организатор учебного процесса. Вскоре его назначают директором этого института, затем председателем Госплана УзССР и заместителем председателя Совета Министров республики. Работая в Госплане и в Совете Министров, он не бросает научно-исследовательскую и педагогическую работу.

С увлечением Хабиб Мухамедович продолжает изучение шеелитовых скарнов Средней Азии и других полезных ископаемых Узбекистана, в частности, уделяет много внимания изучению железных руд.

Во время работы в Госплане и Совете Министров УзССР Хабиб Мухамедович отдает много времени и сил улучшению и расширению действующих и созданию различных новых промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Им очень много сделано для изучения площадей под посевы хлопка, выращивания в Узбекистане длинноволокнистых сортов хлопка, высокосортных разновидностей винограда и урюка, риса и других сельскохозяйственных культур.

Руководя Госпланом УзССР, Хабиб Мухамедович прекрасно знал все отрасли народного хозяйства, знал всех руководителей сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Обширные знания во многом помогали ему объемно вести планирование промышленности и сельского хозяйства.

Одному из нас (М. Калганову) пришлось вместе с Хабибом Мухамедовичем объездить всю республику для осмотра некоторых месторождений полезных ископаемых и Беговатского металлургического завода. По пути нам пришлось останавливаться во многих колхозах и на промышленных предприятиях. Руководители этих предприятий, рабочие и колхозники всегда тепло встреча-

ли Хабиба Мухамедовича, так как хорошо знали председателя Госплана, верили в его объективность, в умение оказать необходимую помощь добрым советом и делом. И он оправдывал высокое доверие народа. Буквально во всех колхозах и на предприятиях, где приходилось останавливаться, он созывал совещания и собрания (хотя это и не входило в задачу поездки). Ему докладывали о ходе работ, о выполнении плана, о тех задачах, которые стоят перед предприятиями, а также о тех недостатках, которые мешают работе. На всех собраниях и совещаниях Х. М. Абдуллаев выступал с глубоким знанием дела. Он подробно анализировал работу предприятий, советовал, как лучше наладить производство, как исправить те или иные недостатки, а если возникала нужда, то отдавал соответствующие распоряжения по Госплану и Совету Министров о выделении того или иного оборудования или материалов остронуждающимся предприятиям, хозяйствам. Так, например, мы заехали по пути в Янгиюль. Там проходило районное совещание хлопкоробов. Остро стоял вопрос об уборке хлопка. В районе недоставало рабочих рук (это было в годы Великой Отечественной войны) и техники. Хабиб Мухамедович принял самое активное участие в работе совещания. Он вместе с руководителями района срочно организовал оперативные бригады колхозников, куда были включены и школьники старших классов. Были даны конкретные задания каждой бригаде по сбору хлопка. Кроме того, Х. М. Абдуллаев как председатель Госплана республики дал распоряжение о срочном выделении из фондов Госплана для Янгиюльского района добавочного количества техники. На обратном пути в Ташкент Хабиб Мухамедович специально заехал в Янгиюль, чтобы узнать, как идет уборка хлопка. Оказалось, что хлопок в районе был убран раньше намеченного срока благодаря хорошей организации дела. В этом большая заслуга Хабиба Мухамедовича.

Особенно большое внимание уделял Х. М. Абдуллаев развитию черной металлургии в Узбекистане. По поручению ЦК КП и Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР он неоднократно выезжал в Москву и убедительно доказывал в Совете Министров, в Госплане и в Народном Комиссариате черной металлургии СССР о необходимости строительства в Узбекистане металлургического завода.

На одном из заседаний Госплана СССР Хабиб Мухамедович при обсуждении вопроса о строительстве металлургического завода в Узбекистане весьма убедительно доказал целесообразность его строительства. Он говорил, что «основное рудное сырье для этого завода, то есть железные руды, в республике имеются, имеются также каменный уголь, флюсы, формовочная земля и строительные материалы. С постройкой этого завода республика из отсталой сельскохозяйственной, какой она была долгое время, перейдет в ряд индустриальных, так как металлургический завод повлечет за собой создание ряда других промышленных предприя-

тий: коксо-химического завода, завода по выпуску огнеупоров (шамота, динаса и др.), рудников по добыче флюсов, формовочных земель, строительных материалов и др. Усилится строительство рабочих поселков, городов, железных и шоссейных дорог. А в связи с этим резко возрастет количество рабочих в республике. Появятся новые очаги культуры и просвещения».

На этом заседании Госплана СССР было решено передать вопрос о строительстве металлургического завода в Узбекистане на обсуждение в Народный Комиссариат черной металлургии СССР. В Наркомате особых возражений против строительства Узбекского металлургического завода не было. Хабиб Мухамедович убедил заместителя наркома академика И. П. Бардина, который и подписал решение о строительстве. Этот завод был построен в годы Великой Отечественной войны. Когда мы прибыли на завод, то встретили радушный и теплый прием руководителей и рабочих. После осмотра завода и ознакомления с ходом строительства некоторых подсобных цехов Х. М. Абдуллаев созвал совещание партийного актива, а на второй день провел общее собрание рабочих и инженерно-технических работников завода.

Во время осмотра и совещаний Хабиб Мухамедович детально ознакомился с работой завода, его строительством, принял соответствующие решения о ликвидации тех неполадок, которые мешали нормальному ходу работы. Кроме того, он предложил премировать рабочих, инженеров и техников, которые показали образцы самоотверженного труда.

Когда мы осматривали Беговатский металлургический завод, то были восхищены прекрасной планировкой его цехов, внутризаводским и рабочим поселком, а также добротным строительством. Строительством завода руководил опытный инженер В. Н. Рязанов. Из беседы с рабочими и инженерами, а также с самим В. Н. Рязановым мы узнали, что Х. М. Абдуллаев очень часто бывал на заводе и следил за ходом строительства буквально каждого объекта. Кроме того, он часто звонил из Ташкента на завод и интересовался деталями строительства. Он просматривал буквально все рабочие чертежи, вносил нужные исправления и как председатель Госплана УзССР заботился о высоком качестве строительства. Он старался своевременно выделять фонды строительных материалов и оборудования для завода.

В 1946 году Абдуллаев успешно защищает докторскую диссертацию и становится одним из самых молодых докторов геолого-минералогических наук в СССР. Необычайная работоспособность, четкость в работе, умение использовать каждую минуту — все это позволило ему совмещать огромную государственную деятельность с научными исследованиями и преподаванием в вузе.

Вскоре выходит первая его книга «Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии». В ней автор сумел сделать крупное обобщение по рудным скарнам шеелитоносной провинции.

Вслед за этим он увлекается другой научной геологической проблемой — генетической связью интрузий и оруденения. Поездки по Средней Азии — стране широко развитых гранитоидов и оруденения, обработка собранных материалов дают широкие возможности для важных выводов по весьма интересной проблеме. Появляется новая книга «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями», которая вызвала в геологическом мире много научных споров и дискуссий. Но уже задумана и вскоре написана новая книга «Дайки и оруденение», в которой рассматривается происхождение даек и их роль в рудном процессе. Вся эта большая исследовательская работа совмещается с научно-организаторской деятельностью в Академии наук Узбекской ССР. Хабиб Мухамедович Абдуллаев избирается ее президентом. Молодой президент прикладывает максимум усилий к расширению сети институтов Академии, углубляет и расширяет поставленные перед ней научные проблемы. Поездки за границу, где он достойно представляет молодую узбекскую науку, чередуются с полевыми работами. Задумана новая книга — синтез всей научной деятельности Хабиба Мухамедовича — «Рудно-петрографические провинции». В ней задумано рассмотреть уже в планетарном масштабе связь магматизма и оруденения и разработать классификацию рудных и петрографических провинций. Преждевременная смерть обрывает множество интереснейших замыслов, а монография Х. М. Абдуллаева выходит в свет уже посмертно.

Талантливый ученый, организатор науки, большой государственный деятель, всегда оптимистически настроенный человек, прекрасный отзывчивый товарищ, простой в обращении — таким он навсегда останется в нашей памяти.

М. Кашкай

Академик АН АзербССР

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ

Академик Хабиб Мухамедович Абдуллаев известен как выдающийся советский ученый. Своими ценными научными трудами и практической деятельностью он содействовал значительному развитию геологической науки в Узбекистане, поискам и открытию ряда месторождений на территории республики.

Хабиба Мухамедовича я знал более двадцати лет и неоднократно встречался с ним на научных конференциях и конгрессах в различных городах СССР и зарубежных стран. Поэтому считаю своим долгом поделиться воспоминаниями об этом замечательном человеке.

Хочется остановиться на некоторых монографических работах, хорошо известных геологической общественности. В частности, я имею в виду одну из первых фундаментальных публикаций

«Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии», изданную Академией наук Узбекской ССР в 1947 году.

В этой работе автор проявил исключительный талант и большую эрудицию, а также умелое мастерство в сборе огромного фактического материала. Весь этот материал он творчески обобщил и дал ряд теоретических обоснований в отношении геологического положения, петрографических особенностей, химико-минералогического состава и генезиса руд.

Его работа имела огромное значение для развития геологической науки в Средней Азии. Большие способности Хабиба Мухамедовича как теоретика проявились в его замечательном монографическом труде «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями», изданном в Ташкенте в 1950 году, а затем в Москве в 1954 году. Эта работа получила широкую известность в Советском Союзе и за рубежом. Она обсуждалась на ученых советах и на совещаниях геологических производственных организаций Москвы, Ленинграда, Свердловска, Баку и других городов.

Мною, например, была дана высокая оценка этому важному труду в «Известиях Академии наук Азербайджанской ССР» (1955, № 7). Квинтэссенцией труда, рассматривающего генетическую связь оруденения с гранитоидными интрузиями, является то, что в обогащении магматических растворов полезными ископаемыми, концентрации и распределении их в интрузивной магме большая роль принадлежит вмещающим породам. Эта научная концепция Х. М. Абдуллаева признана большинством ученых и оказалась весьма жизненной, что видно из многочисленных ссылок в опубликованных работах и отчетах геологов-производственников.

Значительным вкладом в науку является его монография «Дайки и оруденение». Это один из первых специальных трудов, посвященных важнейшему вопросу рудогенеза. Не случайно геологическая общественность Советского Союза, в том числе Баку, с большим удовлетворением приветствовала выход в свет указанной монографии. В ней объективно рассматриваются условия образования даек и руд, генетически и пространственно связанных с различными типами магматических пород — от ультраосновных до кислых. Особое внимание автор уделяет характеристике сложных даек, изучение которых является весьма существенным для современной петрологии и металлогении.

Хотелось бы упомянуть еще о ряде принципиальных положений, выдвинутых Хабибом Мухамедовичем на металлогенической конференции в Киеве в 1960 году и затем опубликованных в ряде статей. Им были научно обоснованы вопросы структурно-геологических зон, рудных петрографических провинций и рудных районов. Были разработаны принципы выделения этих зон, провинций и районов. Поднят вопрос также о петро-металлогенических рядах магматических пород и эндогенных месторождений.

Велика заслуга Хабиба Мухамедовича в развитии металлогении и построении металлогенических карт. В Баку, на заседании Азербайджанского отделения Всесоюзного минералогического общества Хабиб Мухамедович выступил с содержательным докладом о закономерностях размещения полезных ископаемых на территории Узбекистана. Действительные члены ВМО слушали его доклад с большим интересом.

Я с большим удовлетворением вспоминаю наши совместные поездки за границу. В частности, в составе советской делегации мы ездили в 1956 году в Мексику для участия на XX сессии Международного геологического конгресса. Здесь Хабиб Мухамедович выступил с интересным научным докладом о теории рудообразования, вызвавшим большой интерес у ученых. Не случайно поэтому Х. М. Абдуллаев был избран председателем одной из секций Конгресса.

Второй раз мы ездили в Швейцарию для участия в работе Конгресса международной минералогической ассоциации. Как во время работы Конгресса, так и на экскурсиях по Швейцарским Альпам Хабиб Мухамедович своей эрудицией, глубиной ума, остроумием и большой душевностью снискал уважение и любовь не только с нашей стороны, но и большинства зарубежных ученых.

В. Гарьковец

Первый заместитель министра геологии УзССР

МОЙ ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ

Сравнительно короткая жизнь моего товарища и друга, замечательного ученого, государственного и общественного деятеля Х. М. Абдуллаева была исключительно яркой. Мне, как и многим другим геологам, довелось вместе пройти немало дорог и тропинок по территории Узбекистана, Средней Азии и других регионов страны. Мы встречались с людьми, проявлявшими глубокий интерес к научным трудам Хабиба Мухамедовича. Это были или сторонники его идей, или противники, вступавшие в горячее обсуждение проблемных вопросов. Характерно, что Хабиб Мухамедович и в том и в другом случае не ограничивался только выяснением точек зрения и приведением соответствующих доводов. Он оперировал фактическим материалом, причем, не из книг или документов, а взятым непосредственно в поле, на обнажении. Очень интересно, что в отличие от стандартного метода ознакомления с объектами, начинающегося обычно с кабинета руководящего геолога, в наших поездках исходной позицией в большинстве случаев служили карьеры. В условиях Урала, отличающегося плохой обнаженностью, стремление Х. М. Абдуллаева видеть все своими глазами создавало немалые трудности. Но возможность изучения «редких экспонатов» расширяет круг интересов исследователя. Хабиб Мухамедович, обладая обширным багажом умелых наблю-

дений, приобретенным в Средней Азии, выказывал не только свободную ориентацию на новых объектах, но и приводил доказательства своей трактовки вопросов на впервые наблюдаемых участках. Именно эта глубина знаний, я считаю, заставляла присутствующих внимательно прислушиваться к мнению Хабиба Мухамедовича, проявлять глубокий интерес к поднимаемым им вопросам.

График поездки на Урал планировался весьма напряженным. А. А. Иванов, принимавший гостей из Узбекистана и участвовавший в разработке маршрута, очень сомневался в возможности выдержать столь тяжелую нагрузку. Я же знал, что в расчете времени на подобные мероприятия можно целиком положиться на огромный опыт Хабиба Мухамедовича, на его высокую организованность. Он как-то без напряжения решал такие вопросы с предельной точностью. Для этого только требовалось расписание движения самолетов и поездов, а также уверенность в своевременном обеспечении автотранспортом. И нужно сказать, что товарищи уральцы проявили исключительную заботу в обеспечении транспортными средствами. Поездка проходила строго по графику, хотя во имя экономии времени приходилось поступаться удобствами, например, при переезде по железной дороге пользоваться общим вагоном (без места). В результате за две недели мы сумели посетить большое количество объектов — Свердловское, Березовское, Первоуральское, Естюнинское, Высокогорское, Волковское месторождения, Ильменский заповедник, Кочкарь, Красноуральск, Бокал и др.

Описываемая поездка на Урал совпала с периодом широкого обсуждения книги Хабиба Мухамедовича «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями». Нам пришлось убедиться, что интерес к идеям автора выходит далеко за пределы Узбекистана и Средней Азии, где работы Хабиба Мухамедовича обсуждались с особой страстностью. На Урале не было геолога, не посвященного в существо основных представлений автора о генетической связи и так или иначе не преломлявшего эти представления в соответствии со своими материалами. Я, откровенно говоря, был этим поражен: мне никогда не приходилось встречаться со столь глубоким влиянием книги на широкие круги геологической общественности.

Понятно, что возможность непосредственного общения с популярным ученым создавала определенную атмосферу внимания и заинтересованности постоянно менявшегося состава окружавших нас геологов. Хабиб Мухамедович быстро завоевывал расположение окружающих. Это способствовало непринужденному обсуждению весьма серьезных и принципиальных вопросов геологии.

Для Хабиба Мухамедовича поездка на Урал имела огромное значение, так как он проверял свои теоретические положения на материале нового для него района. Только теперь с полным сознанием я оцениваю талант Хабиба Мухамедовича в умении находить простейшие организационные формы решения вопросов. За две

недели мы посетили не только все интересовавшие его объекты и получили новейшие материалы по ним, но в процессе обсуждения он сумел произвести сопоставление материалов со среднеазиатскими и в значительной степени согласовать точку зрения с исследователями Урала, а также определить неясные вопросы, подлежащие дополнительной проработке.

Поездка была очень приятной, чему во многом способствовала Фатима Кабуловна — жена Х. М. Абдуллаева, умело и с достоинством разделявшая судьбу путешественников. Оставаясь на кратковременных опорных базах, она энергично пополняла сведения о достопримечательностях мест базировки и окрестностях, а затем делилась с нами впечатлениями, скрашивала своим женским очарованием как всегда немного грустные вечерние часы. Не могу не вспомнить такого эпизода. Однажды, после нашего возвращения с поля, Фатима Кабуловна предложила нам пойти в кино. Мы смотрели замечательную картину. И только за ужином выяснилось, что Фатима Кабуловна смотрела картину уже в третий раз. Причем, мы так и не догадались бы, что она жертвовала ради нас (мне казалось, что она смотрит фильм с истинным наслаждением), если бы она сама не сказала нам об этом, шутя и радуясь, что так ловко сумела нас провести.

Поездка по Украине была также связана с жаждой Хабиба Мухамедовича увидеть как можно больше...

По окончании третьего Всесоюзного металлогенического совещания в Киеве предстояла двухдневная прогулка пароходом в Днепропетровск. Хабиб Мухамедович предложил пройти на пароходе часть пути, а затем из Днепродзержинска проехать в Днепропетровск автомобилем для того, чтобы по дороге осмотреть хотя бы некоторые геологические объекты.

Мы так и сделали. В Днепродзержинске сели на автомобиль ГАЗ-69, в котором разместились Хабиб Мухамедович Абдуллаев, Владимир Иванович Смирнов, Яков Николаевич Белевцев и я.

Поездка интересная. Разговоры о геологии, природе, хозяйстве страны сменяются шутками, непринужденными рассказами. Гид — Яков Николаевич. По дороге следуют остановки для знакомства с геологическими объектами и более подробного осмотра Никополя. К вечеру приехали в Днепропетровск. Уставшие, но чрезвычайно довольные результатами поездки, легли спать.

Утром, мы направились на встречу с прибывшими пароходом экскурсантами для совместного посещения достопримечательных мест прекрасного Днепропетровска.

И вот тут вдруг, пройдя несколько сот метров, Хабиб Мухамедович начал жаловаться на нестерпимую боль в левой руке. Прошли еще немного. Лицо Хабиба Мухамедовича вдруг побледнело, на лбу появилась испарина, стало ясно, что в таком состоянии он не может продолжать путь. Владимир Иванович предложил вернуться в гостиницу. Я пошел искать болеуто-

ляющее лекарство — пирамидон с анальгином. Вернувшись, застал в номере врачей, они оказывали Хабибу Мухамедовичу помощь.

Скоро он почувствовал себя бодро, согласился пойти на обед, устраиваемый местными геологами. Обед — уха — на одном из островов Днепра. Завязываются непринужденные разговоры, новые знакомства. Хабиб Мухамедович общителен, шутит, однако вижу по его глазам, что он как бы внутренне следит за биением своего сердца, опасается возникновения острой боли в руке.

На следующий день поездом прибываем в Москву. Боль уже не покидает его, но он старается не обращать на нее внимание, ибо у нас только одни сутки для работы, назавтра мы вылетаем в Ташкент. День и вечер проходят в деловых встречах. Хабибу Мухамедовичу очень хочется поделиться с находящимся

Х. М. Абдуллаев среди друзей и близких (слева направо): Абдулла Каххар, его жена Кибрай-ханум, Фатима Кабуловна Абдуллаева, Х. М. Абдуллаев, сын Рустам, А. М. Акрамходжаев, дочь Рано. Май, 1962 г.

в Москве председателем Совета Министров Узбекистана мыслями о благоустройстве городов. Он по каким-то соображениям считает, что именно теперь такой разговор может иметь значение для решения этих вопросов в самом ближайшем будущем.

Пулат — сын Хабиба Мухамедовича, студент Московского вуза, ждет отца долго. Встреча их состоялась уже около двенадцати часов ночи.

На следующий день — в субботу вылетаем в Ташкент самолетом, заполненным американскими туристами. Хабиб Мухамедович и здесь деятелен. Он после довольно неудачных попыток разговора по-английски находит собеседников, знающих русский язык. Американские туристы видят в нем педагога. Он согласен с присвоенным ему титулом. Идет оживленная веселая беседа. В знак уважения к собеседнику очень пожилая дама начинает петь «Катюшу». Ей подпевают некоторые. Потом выяснилось, что Хабиб Мухамедович так отвлекал себя от преследовавшей боли в руке.

Уже в сумерки в Ташкенте нас встретила Фатима Кабуловна с детьми. Разъехались.

Во вторник я узнал, что Хабиб Мухамедович был доставлен в больницу, где у него установили инфаркт миокарда.

Это было первое предупреждение коварной болезни. Он боролся с болезнью героически. Кто знает, если бы Хабиб Мухамедович полностью посвятил себя лечению, может быть, он жил бы до сих пор.

Но он в первую очередь был человеком науки, а значит — человеком интенсивного творческого труда. Лишь чуть-чуть ему становилось легче, как он поднимался с постели и садился за свой письменный стол: писал, читал, гневался, смеялся, вызывал к себе людей по телефону.

Он отдал всего себя делу развития науки, делу народа. И за это ему честь и слава!

Я. Гулямов

Академик АН УзССР

НАШИ ВСТРЕЧИ

Это было поздней осенью 1955 года. Наш отряд остановился на отдых в неуютной чайхане под Джизаком. Каждый глоток горячего ароматного чая, казалось, проникал во все поры иззябшего тела. Из вереницы машин, мчавшихся по дороге, свернула в нашу сторону синяя «Победа». Ташкентская,— заметил наш шофер. Вышедший из машины человек в серой шляпе улыбнулся и сказал:

— Если ташкентцы попали в эту убогую чайхану, то так и знай, что чай остальным путникам, наверняка, не достанется.

Это был Хабиб Мухамедович Абдуллаев. Он со всеми шутил и все время смеялся. Рассказал нам, что посетил геологические партии в Лянгаре, Учкулаче и направляется теперь в Ташкент.

Тогда я не был с ним близко знаком, мы встречались только на заседаниях или на приемах. Но здесь, на «чужбине», мне показалось, что мы близки друг другу.

— Неужели «Победа» могла пройти по тем местам, где вы были?— спросил я, так как впервые слышал, чтобы «Победа» преодолела степные места и горные дороги.

— Это вездеход,— ответил Хабиб Мухамедович.— У нее передняя ось тоже ведущая и посадка удобная. Это замечательная машина.

Мои спутники единодушно поддержали Х. М. Абдуллаева.

Наш главный собеседник горел желанием узнать о маршруте и результатах нашей поездки, так как заметил, что мы необычно одеты и у чайханы стояли запыленные машины, груженные снаряжениями.

Я сказал, что мы везем в Ташкент исторически датированные цветные камни, они должны заинтересовать Хабиба Мухамедовича.

— Мы их нашли в погребениях четырехтысячелетней давности,— подтвердил один из моих сотрудников.

— Такая «сногшибательная» новость, а вы так спокойно говорите об этом и намереваетесь показать образцы только в Ташкенте,— вскричал полусерьезно, полушутя Хабиб Мухамедович, но глаза у него были умоляющие.

Пришлось вскрыть упакованные ящики с находками из могильника бронзового века в урочище Заман-баба в Каракульском районе Бухарской области. При виде древностей Хабиб Мухамедович забыл и про чай и об окружающих, и начал внимательно осматривать каждый предмет.

— Корунд. Что это за предмет?— спросил он.

— Наконечник стрелы.

— Бусы, подвески из бирюзы, бадахшанского лазурита; это так называемый тибетский полосчатый светлый хакик (сердолик), а это забарджад, золотая бусинка, белый нефрит, змеевик, так называемая морская пенка. А вот это что из серого камня?— спросил он.

— Это наконечники стрел,— ответил я,— они лежали рядом с покойниками.

— Я знаю, что темно-коричневый камень имеется на южном склоне Нуратинского хребта, а это серый и такого высокого качества! Это здорово поработали разведчики недр — поколение ваших покойников. У нас в Средней Азии много серого камня, но такой я вижу впервые.

Мы договорились, что Х. М. Абдуллаев берет на себя петрографическое описание каменных изделий. Это предложение он принял с большим удовольствием. Снова и снова беря в руки каждое изделие, он восхищался тонкостью работы первобытных мастеров по камню и обращал наше внимание на каждый штрих, на каждую линию, проведенную при обработке. Глядя на него, слушая его, мы видели перед собой мудрого знатока, познавшего до деталей природу всей Средней Азии, историка, литературоведа, этнографа. Он стал говорить о сказаниях, о свойствах драго-

ценных камней, описанных в трудах Беруни, Джуэджани, Рази и других, приводил выдержки из стихов классиков узбекской литературы и из стихов Фузули. Он рассказал нам о способах добычи граната, шпинели, об истории добывания и распространении лазурита.

Наша беседа длилась несколько часов. Х. М. Абдуллаев предложил мне сесть в его машину, так как предстояла поездка по долине Санзара. Но я все же предпочел наш привычный «газик». Он пошутил по этому поводу, сказав, что постоянство не всегда достоинство для ученого, и мы расстались.

Вторая наша встреча состоялась весной 1958 года. Меня вызвали к президенту Академии наук Узбекской ССР. Х. М. Абдуллаев стал президентом в 1956 году.

— На вас, как на директора, имеется жалоба,— сказал он.

— На временно исполняющего обязанности директора,— поправил я.

— Это так, но дело не в этом. Я пригласил вас для большого разговора. Специальная комиссия по проверке деятельности наших аспирантов, прикомандированных в Москву и Ленинград, обнаружила серьезные нарушения, допущенные лично вами.

— Я знаю об этих нарушениях: вместо трехлетнего срока обучения я обещал пятилетний и готов дать Президиуму объяснение, если потребуется.

— Если это можно, то предоставьте судить об этом нам самим,— сказал он,— и вдруг улыбнулся. Затем начал объяснять своему заместителю, что у археологов наука особая, история у них основана на вещественных материалах, они занимаются раскопками пещер, вскрытием могильников древних обитателей, причем в могилах бывают прекрасные вещи домашнего и военного обихода. «Я сам их видел и просто восхищался». Х. М. Абдуллаев остановился на открытиях Хорезмской, Термезской экспедиций, на результатах раскопок в Великом Новгороде, в Триалетии (Грузия), на работах Окладникова и Шумского, открывших жилище человека каменного века, перечислил ряд известных работ, изданных археологами.

Меня поразила глубина его осведомленности и манера изложения археологического материала — без каких-либо любительских выражений. Правда, и здесь он сопровождал свой рассказ шуткой по адресу быта археологов и облика некоторых археологических находок. Прерывая свою лекцию, он часто обращался ко мне, ожидая подтверждения:

— Кадры в ведущих научных учреждениях и вузах Москвы и Ленинграда надо готовить и можно подготовить пока видные специалисты горят желанием помочь национальным академиям. Они правы, критикуя наши местные программы, в которых излагается краткий курс по основам археологии и совсем незначительный курс по местной археологии. Вот и получается, что от наших аспирантов нельзя требовать того, что требуют от аспи-

ранта-выпускника исторических факультетов Московского или Ленинградского университетов. Чтобы получить полноценных ученых, надо их ковать и ковать там, где это можно. Пока я во главе Академии, не позволю поддерживать тех, кто собирается наказывать некоторых директоров гуманитарных институтов за самовольные обещания продлить срок командировки аспирантов, надо в каждом случае исходить из конкретного положения дел.

После этого прошло несколько лет. Однажды мы с Хабибом Мухамедовичем беседовали в саду лечебницы. Ко мне пришли двое бывших аспирантов, которые уже получили ученую степень. Я представил их президенту и напомнил о его вызове и разговоре о более долгом сроке обучения в аспирантуре. Он усадил их рядом и устроил настоящий допрос, правда, сопровождавшийся шутками. Узнав, что уже четверо из шести соискателей получили кандидатские дипломы, он обрадовался и назвал их молодцами.

В третий раз мы встретились с Хабибом Мухадовичем осенью 1959 года. Перед заседанием Президиума Академии Хабиб Мухамедович обратился ко мне. Воспитательная работа у вас в институте не на должной высоте, нам приходится на местах слышать упреки в ваш адрес. Один из ваших археологов самовольно отвел воду от колхозных полей, другой назвал секретаря райкома партии варваром. Что это такое, как вы воспитываете людей?— сказал он и опять шутливо улыбнулся, ожидая ответа.

— Все археологи,— ответил я,— призваны охранять памятники материальной культуры, чтобы их изучать. Председатель колхоза велел спустить концевые сбросы оросительной сети через территорию городища Ахсикет — древней столицы Ферганы, в результате чего на городище образовались глубокие промоины и обвалы; фундаменты мастерских, бань и других зданий XI—XII веков обнажились, им угрожал неминуемый обвал, а председатель колхоза ничего знать не желал. Наши сотрудники своими силами отвели сброс в нижний овраг и спасли городище. Секретарь райкома партии самовольно велел разрушить одно из древних городищ. Наш археолог в беседе с ним объяснил историю города и значение его изучения.

— А как же на это реагировал секретарь?

— Он ответил, что ничего кроме хлопка и кирпича не признает, ему нужна земля для кирпича. Археолог тщетно пытался уразумить его, призывал быть культурным руководителем и не допускать варварского уничтожения ценнейших памятников материальной культуры, разумеется, погорячился немного, однако все это было сказано в кабинете, без свидетелей.

— И он на это обиделся, чудак. А вы, археологи, испугались его нападок и никак не придете в себя!?

— Нет, первый секретарь ЦК КПУз лично посетил городище и привел в чувство не только секретаря райкома, но и руководителей области. Так нам удалось спасти ценнейший памятник.

— Об этих переговорах и деяниях Президиум Академии, как мне кажется, должен знать. Инициатива института и ваша инициатива должна быть поддержана и продвинута дальше. Не так ли?— спросил Хабиб Мухамедович. Потом продолжал:— У наших археологов своя манера действия, в районах, на стройках они устраивают партизанские переполохи; между прочим, зачастую добиваются своего, а если их действия терпят провал, тогда с личным письмом обращаются к руководителям партии и правительства республики. Вот тогда только до нас доходят сведения о результатах вмешательства руководителей.— Говоря это, президент продолжал тепло улыбаться.

Я было заикнулся:

— Если Президиум обещает поддержать нашу инициативу...

— Что за разговор?— прервал он меня.— Вы ставите условия Президиуму? — Хабиб Мухамедович вспыхнул и глаза его загорелись.

Я поправился:

— Простите меня, но так было до вас. Президиум Академии порой пытался душить нашу инициативу, даже были попытки читать нотации за проявленную инициативу.

— Теперь этого не будет, действуйте смело и обязательно через Президиум,— заключил он. И свое слово сдержал.

После этого мы неоднократно встречались с Х. М. Абдуллаевым и каждый раз он поражал меня моментальным и смелым решением поставленных вопросов, широтой научной эрудиции и умением владеть собой в любых обстоятельствах.

Ф. Абдуллаева

МОЯ ЖИЗНЬ

На нескольких страницах очень трудно описать целую жизнь, прожитую с человеком, который посвятил себя служению науке и народу. По мере возможности я постараюсь только в какой-то степени выполнить поставленную передо мною задачу.

Несколькими примерами из нашей совместной жизни я хотела бы показать, каким был Хабиб Мухамедович в семье, со мной, с детьми, с близкими. Может быть, людям, занимающимся наукой, будет интересно узнать о том, как он работал, ведь его методы работы могут послужить примером для молодых научных сотрудников.

Хабиб Мухамедович был очень собранным, аккуратным человеком и очень обязательным. Он никогда ничего не обещал, если не мог сделать. Был очень точным, пунктуальным.

Благодаря этим чертам характера мне было легко с ним жить. Дома он умел создать такую обстановку, что многие друзья приходили к нам отдохнуть. Отдохнуть духовно.

Наши друзья говорили, что такую дружную семью очень трудно встретить. И все это благодаря Хабибу Мухамедовичу. Он был любящим и заботливым мужем. В семейной жизни был очень ровным, никогда не сердился, не спорил, не повышал голоса. Если чем-нибудь был недоволен, что случалось очень редко, то говорил об этом между прочим, шутя.

И все же жить с таким умным, «сложным» человеком было не просто. Насколько могла, я старалась создать Хабибу Мухамедовичу все условия для работы, для отдыха. Наверное поэтому, когда у него случались какие-либо неприятности или трудности, он стремился быстрей попасть домой. Хабиб Мухамедович говорил, что только домашняя обстановка успокаивает его. Он очень любил дом, семью.

С детьми он виделся один раз в день. Как правило, обедали мы вместе, часов в шесть-семь. Хабиб Мухамедович, где бы он ни был, всегда старался к этому времени быть дома.

Встречая его у дверей, я по глазам видела, в каком он настроении. Если настроение у него было плохое, то, пока он раздевался, я убирала со стола все приборы, оставляя только прибор для него. Я понимала, что в этот момент даже дорогие, любимые для него люди могут быть лишними. Хабиб Мухамедович понимал это и ценил. Отдохнув после обеда, он через два-три часа выходил к нам опять веселым.

Если же бывало так, что я не в настроении, тогда Хабиб Мухамедович не оставался безразличным. Ласковым словом, шуткой он старался успокоить меня.

Внешне он казался очень суровым, строгим и даже жестким. На самом же деле был очень душевным, мягким и отзывчивым человеком.

Может быть потому, что он всегда был занят и не мог уделить достаточного времени воспитанию детей, он был по отношению к ним слишком добр, никогда не ругал, не наказывал их, если они даже того заслуживали. Он даже меня обвинял в излишней строгости. Дети очень уважали его, и близость между ними и Хабибом Мухамедовичем наступила тогда, когда они подросли.

Даже легкое мое недомогание, простуда очень пугали мужа. Он говорил, что весь дом держится на мне и старался сделать так, чтобы я быстрей поправилась. Порой его заботливость бывала до наивности комична: Хабиб Мухамедович приносил мне «лошадиную» дозу лекарств и уверял, что от этого я обязательно буду здорова.

Теперь я хочу рассказать о том, как он работал.

В годы войны, будучи зампредом Совнаркома, затем председателем Госплана, он трудился по восемнадцать часов в сутки. Несмотря на такую нагрузку, Хабиб Мухамедович не оставлял научной работы. Пользуясь каждой свободной минутой, суббот-

ним вечером и воскресеньем, Хабиб Мухамедович писал докторскую диссертацию, которую успешно защитил в мае 1946 года.

Он носил с собой маленький блокнот и карандаш, с которыми не расставался даже в постели. Когда ложился спать, то блокнот клал на тумбочку у кровати. Если у него появлялась интересная мысль, он не дожидался утра, а зажигал свет и тут же записывал в блокнот. У нас сохранилось много таких блокнотов, где заметки по геологии соседствовали с государственными и организационными вопросами. Если Хабиб Мухамедович слышал где-нибудь интересную фразу, афоризм, изречение, он тут же заносил все это в блокнот.

После Хабиба Мухамедовича осталось около 180 печатных листов научных работ. Интересна и своеобразна была работа над ними.

Как я уже говорила, он сначала делал заметки по пунктам у себя в блокноте. У него не бывало черновиков. Когда мысль у него созревала, он начинал диктовать стенографистке, так как сам не успевал писать, потому что мысли его обгоняли перо. Он мог диктовать порой шесть часов подряд, без перерыва. Если в это время кто-то отвлекал его, он переключался на беседу с тем человеком, и вместе с тем продолжал думать о своем. После ухода посетителя он продолжал диктовать с того места, на котором остановился.

Именно такой метод всеобъемлющей работы, безостановочного мыслительного творческого процесса даже во время отдыха позволил Хабибу Мухамедовичу сделать за свою сравнительно короткую жизнь очень много полезного для людей, для своего народа.

Однажды мы собирались идти встречать новый 1960 год к друзьям. Я уже оделась и ждала мужа у дверей, а он почему-то не выходил из кабинета. Без пятнадцати минут двенадцать я не выдержала и зашла к нему. Хабиб Мухамедович, стоя за столом, в пальто, что-то быстро писал. Поставив точку, он как ни в чем не бывало спросил, готова ли я. Он даже не заметил, что я около часа прождала его.

Когда он готовился к докладу или работал над какой-нибудь темой, то становился рассеянным, отключался от внешнего мира. Это состояние длилось у него довольно долго. И если его пытались спросить в этот момент о чем-нибудь, он отвечал невпопад. Слушая вас, он не воспринимал ваших вопросов, так как мысли его были слишком заняты. Но это бывало с ним только дома, где он полностью мог отдаться своей любимой работе.

По рассказам же людей, которые его хорошо знали, Хабиб Мухамедович, где бы ни работал, всегда был собранным и внимательным.

Двери нашего дома были открыты всегда и для всех, кому была нужна какая-либо помощь Хабиба Мухамедовича.

В сороковые годы еще было мало ученых местных национальностей. Хабиб Мухамедович всячески старался наряду с учеными других национальностей подготовить как можно больше специалистов-узбеков. Для достижения этой цели он широко использовал помощь ученых Москвы, Ленинграда и других крупнейших научных центров страны, посылал туда молодых специалистов на стажировку, в аспирантуру, докторантуру.

У Хабиба Мухамедовича был определенный режим работы. Даже будучи больным, он никогда не прекращал работы. Находясь в больнице, он во второй половине дня принимал посетителей по организационным вопросам, а также находил время для продолжения научной работы.

К своим многочисленным ученикам Хабиб Мухамедович относился как заботливый друг. Они часто бывали у нас дома. Хабиб Мухамедович всячески старался помочь им. Хочу сказать здесь вот о чем. Может быть потому, что Хабибу Мухамедовичу самому было трудно учиться, он старался сделать все для человека, который по-настоящему хотел стать ученым. Если у его учеников возникали какие-то сомнения, трудности в работе, он всегда старался сделать так, чтобы научный труд, труд исследователя стал интересным и приятным. Всей душой он болел за учеников. Мне кажется, что защита диссертации каждым из его учеников была и его личной защитой.

Хабиб Мухамедович очень любил точность во всем, он старался, чтобы любая работа, выполняемая им или его учениками, была сделана в срок. Если же что-нибудь мешало этому, он очень расстраивался и тогда крепко доставалось виновному.

В июне 1960 года муж лежал в больнице с инфарктом миокарда. Х. Н. Баймухамедов, консультантом которого был Хабиб Мухамедович, должен был защищать докторскую диссертацию в июле. Муж очень нервничал, что из-за болезни защиту могут отложить до осени. Состояние его было тяжелым. Врачи не разрешали никого пускать к Хабибу Мухамедовичу, кроме детей. Хабиб Мухамедович просил, чтобы Хасила Баймухамедова пропустили к нему. Врачи противились этому. Пришлось мне, зная характер мужа, обратиться к врачам с просьбой. Я доказала им, что своим запретом они, наоборот, могут только навредить здоровью больного, так как Хабиб Мухамедович все равно не успокоится, пока не убедится в том, что у Х. Н. Баймухамедова все в порядке и что к защите все готово. Врачам пришлось уступить.

Хасил пришел к Хабибу Мухамедовичу. Муж, переговорив с ним, посоветовал, что надо делать. Благодаря заботе и вниманию со стороны Хабиба Мухамедовича защита состоялась в срок.

Когда после инфаркта Хабиб Мухамедович вышел на работу, врачи разрешили ему трудиться не больше трех часов в день. Но Хабиб Мухамедович работал в Академии (тогда он был пре-

зидентом) полный день, а придя домой, после небольшого отдыха снова садился за письменный стол. Тогда я сказала мужу, что если он не жалеет себя, то пусть подумает о нас — обо мне и детях. Если он никак не может оставить свою научную работу, то пусть хоть временно оставит работу в Академии. На это он ответил: «Человек живет, пока работает. Работа необходима как воздух. Я понимаю свое положение прекрасно. И ждать, беречь себя не могу. Я очень боюсь, что не успею сделать того, что задумал. Вот поэтому пока в состоянии, я должен написать о том, что меня больше всего волнует».

После такого разговора я оставила Хабиба Мухамедовича в покое и до самой его смерти не говорила об этом. И он не прекращал работать до последней недели.

Хабиб Мухамедович умер в пятьдесят лет, в самый расцвет своих творческих сил. В таком возрасте человек, который чувствует близкий конец, хватается за жизнь и ни о чем и ни о ком, кроме себя, не думает. Но Хабиб Мухамедович держал себя ровно, спокойно; может быть, это было только внешне. Но сколько сил нужно для того, чтобы, ясно сознавая, что смерть близка, не жаловаться, а наоборот, подбадривать окружающих.

9 июня 1962 года он собрал всех нас. Сначала говорил со своей матерью. Он очень трогательно попрощался с ней: «Мама, я очень благодарен тебе за то, что ты, в таких трудных условиях вырастившая меня, смогла указать мне правильный путь в жизни. Может быть, я виноват перед тобой, что слишком был занят и мало уделял времени тебе, был не очень внимателен. Тебе в таком возрасте остаться без единственного сына не легко. Но ничего не поделаешь, такова жизнь. Прости меня и «рози бул», потому что твой сын за свою жизнь не сделал ничего такого, чтобы тебе было стыдно».

Потом обратился к детям. Он хотел сделать им свое духовное завещание, я воспротивилась этому. Он с улыбкой ответил: «Если останусь жив, то мы потом все посмеемся над этим, но если со мной что-нибудь случиться, я хочу, чтобы дети знали о том, что я хочу им сказать».

Он сказал: «Дети, живите дружно, никогда не жалейте ничего друг для друга. Поддерживайте друг друга при всяких обстоятельствах. Всегда ходите с поднятой головой, я всю жизнь жил честно, все, что у нас есть, добыто честным трудом, никогда ничего дурного я не делал. Я трудился с двенадцати лет. Будьте трудолюбивыми. Будьте достойны моего имени. Всю свою жизнь, я посвятил народу и науке. Посвятите и вы свою жизнь, все свои дела, кем бы вы ни были, своему народу. Своими делами и поступками будьте достойными сыновьями нашей партии».

Мне он сказал: «Дорогая Фатимахон! Я доволен совместно прожитой жизнью. Я могу сказать, что был счастлив. Я очень благодарен за то, что вы посвятили мне свою жизнь.

Я был совершенно свободен от домашних забот, от воспитания детей. Весь этот груз вы взяли на себя. Я был спокоен за дом, семью и мог отдать всего себя работе.

Я прожил пятьдесят лет. Я доволен прожитой жизнью, так как многое успел сделать. Но мне больно от того, что я не успел сделать всего задуманного мной. Но верю, что это сделают мои ученики и мои дети».

Ф. Кальницкая

Кандидат медицинских наук

О ЕГО ВОЛЕ И ХАРАКТЕРЕ

Среди многих профессий, призванных служить человеку, следует выделить профессию врача. Во-первых, потому, что врач невольно сталкивается с различными сторонами жизни не только больного, но и членов его семьи, и, во-вторых, потому, что эта взаимосвязь, продолжаясь длительно, годами, раскрывает перед врачом черты характера отдельных людей.

25 лет я была знакома с Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым. Эти долгие годы сблизили, сроднили меня не только с ним, но и с его семьей.

Началось знакомство после того, как впервые моей пациенткой стала жена Хабиба Мухамедовича. Положение было серьезное, но выдержка Хабиба Мухамедовича, его спокойствие невольно передавались всем членам семьи.

С годами я становилась свидетелем поведения Х. М. Абдуллаева в различные периоды его жизни и деятельности как научного и государственного деятеля. Независимо от того, случались ли у него радостные, торжественные минуты, например такие, как присуждение Ленинской премии, или крупные неприятности по работе, он всегда оставался ровным. Свое плохое настроение он никогда не вымещал, если можно так выразиться, на окружающих, на членах семьи. Меня удивляли выдержка и спокойствие, большое самообладание этого человека.

Хабиб Мухамедович очень любил своих детей, а особенно нежно относился к дочери Рано. Приходя домой, он брал маленькую девочку на руки и с серьезным видом прислушивался к ее лепету. Чувства его выражались во взгляде, без лишних эпитетов, восклицаний, поцелуев, которыми часто злоупотребляют родители. С сыновьями раннего школьного возраста Хабиб Мухамедович вел себя по-товарищески, «как мужчина с мужчиной», не повышая голоса, без приказного тона. А если отцу что-нибудь не нравилось в поведении сына, он действовал через своего постоянного представителя — через жену.

Особенно запечатлелся в моей памяти последний период болезни Хабиба Мухамедовича. В первых числах мая 1962 года,

немного оправившись, он навестил меня в больнице. Общий вид его, осанка, шутливый тон — все это создавало впечатление вполне удовлетворительного состояния здоровья Хабиба Мухамедовича. А через пять дней его вновь положили в больницу после тяжелого приступа, от которого он уже не оправился. Как я поняла из разговора с Хабибом Мухамедовичем, когда мы остались одни, состояние у него было уже необратимое, но ни тени беспокойства, ни тона упрека, недовольства в чей-либо адрес я не услыхала в тот последний раз. «Вы не имеете права болеть,— сказал он мне на прощание,— выздоравливайте, поживите у нас на даче некоторое время. Фатиме (его жене) и ребятам будет легче».

Хабиб Мухамедович и ныне может служить примером умения работать, редкой выдержки, независимо от настроения, усталости, состояния здоровья. Ведь чем более резок переход от состояния полного здоровья к болезни, тем более глубокой является психическая реакция больного. Сколько нужно иметь самообладания, воли, когда присоединяются физические страдания, возникает сознание неизбежности трагического конца. Сколько нужно иметь душевных сил, чтобы не потерять самообладания, не отрываться от жизни до последней минуты. Таким был Хабиб Мухамедович.

Н. Платонова

Я ЗНАЛА ЕГО 18 ЛЕТ

С Хабибом Мухамедовичем я работала восемнадцать лет — с 1944 по 1962 год. В 1944 году он был назначен председателем Госплана УзССР, где я была секретарем-стенографисткой. Меня перевели к Хабибу Мухамедовичу, так как он занимался и научной работой и ему нужна была стенографистка. Откровенно говоря, я очень волновалась, так как не была уверена, смогу ли удовлетворить его требования как стенографистка (я ведь не была знакома с трудными геологическими терминами). Мои колебания оказались напрасными, работать с Хабибом Мухамедовичем было очень интересно и приятно. Никаких недоразумений у меня не возникало, хотя в первое время я делала много оплошностей. Хабиб Мухамедович никогда не сердился, спокойно взирал на мои ошибки, успокаивал меня и говорил, что все придет в норму в свое время. Так оно и произошло. За его поддержку в моей работе я ему очень и очень благодарна.

Хабиб Мухамедович был вполне доступный человек. Я к нему могла обратиться с любым вопросом, который мне надо было решить, и не только со служебным, но и личным. Всегда Хабиб Мухамедович внимательно и спокойно выслушивал меня и давал советы.

Работоспособность его была огромной. Будучи председателем Госплана УзССР, он в то же время вел большую работу в Совнаркоме республики, занимая пост заместителя председателя Совнаркома по промышленности. Кроме того, он готовил и свою докторскую диссертацию.

В 1947 году Хабиб Мухамедович был избран действительным членом АН УзССР, а в 1948 году перешел туда на постоянную работу. В Академии наук Хабиб Мухамедович всецело посвятил себя науке. Он много писал статей, очерков по геологии, рецензий на научные труды, выступал с докладами на научных совещаниях и конференциях. В этот период Хабиб Мухамедович мне много диктовал. Мне очень нравилось работать с ним. Работа протекала спокойно и деловито. Диктовал Хабиб Мухамедович спокойно, без рывков, не глядя ни в какие записки или конспекты.

Кроме научной работы, у Хабиба Мухамедовича было много других дел, особенно много внимания и заботы он уделял своим аспирантам.

Хабиб Мухамедович был отзывчивым и добрым человеком. Когда кто-нибудь из его сотрудников заболевал, он всегда приходил на помощь. Так было и тогда, когда заболел проф. В. И. Попов, которого положили в общую палату. Хабиб Мухамедович добился, что В. И. Попову отвели отдельную комнату. А когда болел Маннон Хамидов (его любимый ученик), Хабиб Мухамедович очень переживал. Он сам лежал в то время в стационаре, но всех и меня просил почаще навещать М. Хамидова и не оставлять его без внимания. Когда заболевала я, Хабиб Мухамедович не оставлял и меня без внимания — морального и материального.

С Хабибом Мухамедовичем я работала не только в служебном кабинете, но и у него дома. Он в то время писал монографии, за одну из которых получил Ленинскую премию. Дома он принимал меня не как подчиненную, а как хорошую знакомую. Дома у Хабиба Мухамедовича обстановка была простая, добросердечная и никогда я не чувствовала себя натянуто, посторонней.

Семья у Хабиба Мухамедовича была хорошая, детей он очень любил, особенно младшего сына. Но самым большим другом Хабиба Мухамедовича была его жена Фатима Кабуловна. Она была хорошей матерью и хорошим другом Хабиба Мухамедовича. Много сил она приложила к тому, чтобы ему хорошо, спокойно и плодотворно работалось.

Светлая память о Хабибе Мухамедовиче у меня никогда не померкнет. Я и сейчас часто вспоминаю его и в радости, и в горе.

Х. Баймухамедов

Член-корреспондент АН УзССР

Х. М. АБДУЛЛАЕВ И СОВЕТСКАЯ МЕТАЛЛОГЕНИЯ

Светлая память о крупном ученом, члене-корреспонденте АН СССР, академике АН УзССР, докторе геолого-минералогических наук, профессоре Хабибе Мухамедовиче Абдуллаеве останется навсегда у тех, с кем он работал, и у тех, кто у него учился.

Мне пришлось учиться у Х. М. Абдуллаева и работать в области исследований рудных месторождений и металлогении около 25 лет.

Я помню первую лекцию Х. М. Абдуллаева по методам исследования руд. Внешне молодой, худощавый человек очень интересно прочел содержательную лекцию. При выходе из аудитории его окружили студенты, расспрашивали, и Хабиб Мухамедович охотно беседовал о геологии, об учебе, о Москве, геологических музеях, ученых и о слабой изученности территории Узбекистана и недостатке научных кадров геологов.

Благодаря своим незаурядным способностям Хабиб Мухамедович быстро продвигался по служебной лестнице. Несмотря на большую загруженность он еще интенсивнее начал работать в области науки, занимался организацией ее. Х. М. Абдуллаев привлек к себе ряд помощников: З. М. Ходжиахметова, Т. М. Мацокину и других и расширил изучение шеелитоносных скарнов. Организовал группу в Институте геологии УзФАН. Приложил немало усилий для создания Академии наук УзССР.

В 1946 году Хабиб Мухамедович написал крупную монографию «Шеелитоносные скарны Средней Азии», которую защитил в качестве докторской диссертации. В этой работе он изложил первое регионально-металлогеническое представление о провинции шеелитоносных скарнов, о генетической связи скарнов с гранитоидами повышенной основности и др.

В то время я занимался изучением редкометальных месторождений Карамазара и заканчивал кандидатскую диссертацию. Как-то мы встретились там, и после ознакомления с месторождением он хотел уехать, а мы предложили ему остаться. Это было трудное послевоенное время. На столе стояли хлеб, редька, виноград, готовился ужин. Этот сентябрьский вечер произвел на меня неизгладимое впечатление. Хабиб Мухамедович привел себя в порядок, сразу же подошел к нам, шутил и смеялся. После ужина мы долго ходили, рассказывали друг другу о своих достижениях, строили планы на будущее. Я помню, основной темой было сопоставление хорошо изученного для того времени Карамазара и плохо исследованного Западного Узбекистана, где я ни разу не был. Через несколько дней, закончив полевые работы, я вернулся в Ташкент. Сразу же после приезда мне пришлось

по важному вопросу выехать в Западный Узбекистан — северные склоны Нуратинских гор — ознакомиться со многими золоторудными россыпями Каттаича, Темиркобука и др. Я увидел Западный Узбекистан с его прекрасными пейзажами, горами, пустынями и песками Кызылкумов.

В то время в Западный Узбекистан — Лянгар, Ингичке и другие объекты — приехал Хабиб Мухамедович с академиками Д. И. Щербаковым, Д. С. Коржинским, А. С. Уклонским, А. Н. Сауковым и многими другими, с которыми мне тоже довелось встретиться. Тогда я увидел Хабиба Мухамедовича во всей красе — неутомимого исследователя и прекрасного человека с огромным чувством юмора.

Закончив работу и осмотрев еще ряд районов Западного Узбекистана, я вернулся домой. Это было накануне ноябрьских праздников. Я пошел поздравить Абдуллаевых. Меня приветливо встретила жена Хабиба Мухамедовича Фатима Кабуловна, а он шутил с малышом Пулатом. Посмотрел на меня и сказал сыну: «Вырастешь и станешь геологом, как дядя Хасыл». Мы посидели, побеседовали и поехали к Гани Арифхановичу Мавлянову.

Наступил 1947 год. Под руководством Х. М. Абдуллаева организовался ряд отрядов и партий по изучению петрологии и металлогении Западного Узбекистана. Мы завидовали Караказару, однако прошло 15—20 лет и изучение Западного Узбекистана продвинулось далеко вперед — были открыты, разведаны и начата разработка многочисленных месторождений вольфрама, олова, полиметаллов, открыто месторождение золота — Мурунтау. Многие люди, участвовавшие в изучении Западного Узбекистана, выросли, стали докторами и кандидатами наук, а Хабиб Мухамедович был «неуловимым Яном» и исследовал другие районы, начал заниматься обобщением. В этот период он написал ряд монографий: «Металлогения олова, вольфрама, железа», «Генетическая связь оруденения с интрузиями», «Дайки и оруденение» и др. Выводы Хабиба Мухамедовича Абдуллаева, изложенные в указанных работах, представляют оригинальное решение многих вопросов металлогенической теории и практики геологоразведочной службы.

Х. М. Абдуллаев исследовал прежде всего рудные месторождения и закономерности их размещения в земной коре и находил все новое и новое в особенностях образования и размещения месторождений. На этом материале совершенствовал металлогеническую теорию и поднимал ее на новую ступень.

Наряду с научными исследованиями значительное внимание Х. М. Абдуллаев уделял педагогической деятельности на геологоразведочном факультете ТашПИ и подготовке и воспитанию высококвалифицированных научных кадров. Он читал для студентов курсы: методы исследования руд, общий курс рудных месторождений и металлогения.

Особое внимание он уделял содержанию применяемых терминов и был инициатором создания Узбекского терминологического словаря. Я помню, однажды вечером, в октябре 1949 года он собрал многих преподавателей и аспирантов на кафедре и дал словарник для Узбекского геологического словаря.

Прошло несколько лет, был закончен и издан Узбекский геологический словарь.

Особое внимание Х. М. Абдуллаев уделял подготовке докторов и кандидатов наук, вызывал их, долго беседовал и давал советы. Помню сентябрь 1957 года, когда я, закончив полевые работы, вернулся в Ташкент и зашел к Хабибу Мухамедовичу на дачу. Он поливал двор, увидев меня, сразу бросил все, мы поднялись на веранду и долго говорили. Я сказал, что заканчиваю тему, собираюсь обобщить материал и написать докторскую диссертацию. Хабиб Мухамедович перелистал мои записи и сообщил, что в понедельник он едет в Катта-Курган (Улус) с депутатскими делами и предложил поехать вместе, заодно он решил посмотреть все объекты Зирабулакских гор и обсудить план моей работы.

В Катта-Кургане мы зашли в Горком партии и Горисполком и договорились о его поездке к избирателям в районы и вернулись в гостиницу. Вечером в гостинице состоялось серьезное собеседование. Он долго спрашивал меня о районе и объектах моих исследований, новом в геологии и металлогении, выяснял мои знания в области рудных месторождений и металлогении. Внимательно ознакомился с программой и планом моей будущей монографии, которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Сделал ряд замечаний и попросил за те три дня, что он будет здесь, учесть их и исправить.

Через три дня мы начали осмотр шеелитовых месторождений Ингичке, Тым, пегматитовых — Кетманчи, Кореча-Кудук, оловянных — Чангаллы, Лопас, Кирнай и др. К нам присоединились главный геолог Ингичке Ушаков Н. Д., Бабаев К. Л., Монодальянц Н. М. и другие. Поездка была интересная, и непосредственно на объектах выяснились нерешенные вопросы. Х. М. Абдуллаев дал много полезных советов.

Хабиб Мухамедович любил жизнь, всегда помогал людям и заботился о них, особенно геологах. Крупные ученые, приезжавшие из Москвы, Ленинграда и других городов, такие как Д. И. Щербаков, А. А. Сауков, Мирали Кашкай, В. А. Кузнецов и многие другие были его друзьями, собеседниками.

В мае 1960 года я закончил докторскую диссертацию и пошел к Хабибу Мухамедовичу. Время было к вечеру, он гулял во дворе, осматривал розы. Рассказал свои впечатления о прошедшем в Киеве металлогеническом совещании, с которого вернулся. Пожаловался, что ему было плохо и болит левая рука. В ту же ночь у него произошел инфаркт.

Будучи в постели, в конце июня 1960 года просмотрел мою работу и дал отзыв. Он был настоящим учителем и наставником.

Жизнь Хабиба Мухамедовича была плодотворной. Он умел организовать себя и окружающих, благодаря чему он сам вырос и выросли люди — его ученики.

За короткую кипучую, полную творческих исканий жизнь Х. М. Абдуллаев успел много сделать. Следуя за основоположниками советской металлогении — В. А. Обручевым, С. С. Смирновым, Ю. А. Билибиным и другими — он создал школу петрометаллогенического направления и оказал огромное влияние на развитие геологической науки в республике.

Хабиб Мухамедович Абдуллаев мечтал видеть Узбекистан республикой с высокоразвитой наукой и промышленностью, а богатства его недр — поставленными на службу народу. Мечты эти сбываются: научные исследования в Академии наук УзССР, научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях развиваются небывалыми темпами. Создано Министерство геологии УзССР и ряд отраслей горнорудной, металлургической, угольной, нефтегазовой промышленности. Соратники и ученики Х. М. Абдуллаева развивают его плодотворные идеи.

Т. Мацокина-Воронич

Кандидат геолого-минералогических наук

РУКОВОДИТЕЛЬ И ДРУГ

Как сейчас помню защиту своего дипломного проекта в 1944 году. Хабиб Мухамедович Абдуллаев был председателем государственной экзаменационной комиссии горного факультета, и мы, дипломанты, очень его боялись. Как-то получалось, что вопросы, задаваемые им, чаще всего заставали нас врасплох и в то же время от них невозможно было отмахнуться, ибо они всегда касались существа дела. Эта необыкновенная способность Хабиба Мухамедовича «с налету» схватывать самое главное поразила меня сразу и всегда поражала потом, во время деловых встреч. Тогда же впервые я увидела и другую отличительную черту Хабиба Мухамедовича: не делать никакой скидки студентам и спрашивать с них как со зрелых специалистов. Вместе с тем, он никогда не старался унизить человека и в «тяжелых случаях» всячески подбадривал. Помню, при защите дипломного проекта я, как и многие, «поплыла» на вопросах Хабиба Мухамедовича и потом страшно расстроенная стояла в коридоре и ждала своей участи. Вдруг вижу, подходит он и с улыбкой говорит: «Что это вы такая грустная? Думаете, любой из членов комиссии ответит на все вопросы, которые здесь задаются?» Засмеялся и ушел. Настроение сразу поднялось.

Хабиб Мухамедович предложил мне работать вместе с ним. Было страшновато — такой большой человек! (тогда он уже был председателем Госплана и заместителем председателя Совета Министров УзССР). Но этот страх прошел буквально в первые же дни. В Академии наук у Хабиба Мухамедовича была небольшая группа, с которой он занимался изучением скарновых месторождений. Несмотря на свою исключительную занятость на государственной работе, он часто приходил в Академию. Неизменно приветливый, добродушный и в то же время необыкновенно требовательный. За все время работы с ним (с 1944 по 1962 год) я ни разу не слышала от него грубого слова. И в то же время как-то само собой получалось, что надо было трудиться интенсивно, тщательно и в большом темпе.

Темп работы! Пожалуй это тоже одна из характерных черт Хабиба Мухамедовича. И этому темпу подчинялись неизменно все, кто трудился вместе с ним. Порою казалось просто невозможным в предложенный срок сделать ту или иную работу. А потом невозможное оказывалось возможным. Помню, как Хабиб Мухамедович предложил нашей группе к открытию Второго петрографического совещания выпустить книгу по магматизму и металлогении Чаткало-Кураминских гор. Срок написания и выпуска был фантастически малым—3 месяца. Причем книгу должен был написать не один автор, а коллектив с обязательной увязкой и общей редакцией всех глав. Вначале это казалось просто невероятным, хотя основа для книги — материалы, собранные в процессе кропотливой работы не одного года — конечно, была. И книга была написана и выпущена к сроку. Также в необычно короткий срок, буквально чуть ли не за неделю, был подготовлен коллективный доклад и весь графический материал к Первому всесоюзному металлогеническому совещанию в Алма-Ате, причем выступления узбекских геологов получили очень высокую оценку.

Все это было очень нелегко. Мы работали зачастую больше отведенных часов, но делалось это всегда с большим подъемом, энтузиазмом, неизменно в обществе Хабиба Мухамедовича. Это умение заразить работающих с ним людей необыкновенным энтузиазмом, темпом и какой-то особой творческой радостью, умение сплотить коллектив, направить его на скорейшее выполнение задачи, воодушевить на работу с полной отдачей сил было просто поразительным в Хабибе Мухамедовиче. Очень помогала и его способность выбрать главное и основное в любом вопросе и сконцентрировать на этом все силы.

Чувство главного, пожалуй, касалось и в целом геологической науки. Хабиб Мухамедович неизменно стоял на переднем ее крае. Вопрос о связи оруденения с интрузиями и магматической специализации, взаимоотношении даек и оруденения, классификации руднопетрографических провинций, петрометаллогенических рядов — все это актуальнейшие вопросы и геологии сегодняшнего

Памятник на могиле Х. М. Абдуллаева.

дня. И ссылки на его работы не только не уменьшаются, а все больше и больше появляются на страницах геологической литературы.

Многие из развиваемых Хабибом Мухамедовичем положений вызывали острую дискуссию. Но никогда никто не оставался равнодушным к его работам, докладам, выступлениям.

Он всегда неизменно оказывался в центре внимания, благодаря остроте и злободневности выдвигаемых им вопросов, умению преподнести материал и личному обаянию сильного, волевого человека. Центром внимания и душой общества он оказывался во всякой обстановке — будь то собрание представителей цвета геологической науки или отряд скромных тружеников-геологов и рабочих на привале в горах.

Круг вопросов, которыми занимался Хабиб Мухамедович, был необычайно велик. Мне наиболее близки его работы, касающиеся изучения скарновых месторождений и металлогении. Хабиб Мухамедович много внимания и времени уделял изучению скарново-рудных месторождений. Немало скарновых полей он объездил со своими учениками (в числе которых была и я), сумел привить нам любовь к этим своеобразным и интереснейшим образованиям. Он воспитал целый отряд «скарновиков» в Средней Азии, продолжающих и сейчас их изучение, получивших много новых материалов и написавших немало работ. Однако то, что сделал Хабиб Мухамедович в 1947 году в своей докторской диссертации по шеелитоносным скарнам Средней Азии, до сих пор остается непревзойденным. И еще, видимо, бесконечно долго эта книга будет помогать нам в работе на любом скарновом объекте.

Так же долго мы будем жить и идеями Хабиба Мухамедовича в области металлогении, заложившего теоретические и практические основы этого направления геологической науки в Средней Азии. Он являлся инициатором и организатором металлогенических исследований, создателем и руководителем металлогенических групп и коллективов. Он смог сплотить в единый коллектив большую группу геологов различных организаций, геологических профилей и даже взглядов и направить весь этот большой коллектив на решение единой металлогенической задачи. Такой, например, была созданная и руководимая им группа на основе Кураминской петролого-металлогенической партии Узглавгеологии, опыт работы которой впоследствии перенимался многими коллективами и за пределами Средней Азии. И чем дольше мы работаем в этой области, тем больше ощущаем правоту металлогенических взглядов Хабиба Мухамедовича и необходимость сплоченной деятельности именно таких больших коллективов.

Слишком рано он от нас ушел. Сейчас, когда все уже непоправимо, мы, его ученики, упрекаем себя, что не берегли его, не старались ограничить его слишком бурного и кипучего темпа работы. Мы старались как можно больше впитать в себя его идей-

и как-то мало думали о нем самом. Он всегда казался нам несокрушимым колоссом, и его необычайная воля и выдержка, даже когда он был уже очень болен, способствовали этому.

А ведь сам Хабиб Мухамедович много думал о нас. И думал, и беспокоился не только о наших научных работах и успехах. Его интересовали и волновали и наши личные качества и интересы, и наши дела и неурядицы, и подчас даже наша манера держаться и одеваться.

Хабиб Мухамедович много бывал с нами в поле, и эти совместные поездки всегда оставляли неизгладимое, яркое впечатление. В его присутствии как-то очень быстро становилось все очень понятным в окружающей сложной обстановке, отделялось главное от второстепенного. И в то же время он часто обращал наше внимание на неприметные на первый взгляд «мелочи», которые оказывались ключом к пониманию важного вопроса. Так, например, у него было какое-то чутье на взаимоотношения магматических и постмагматических образований. На ровном поле мраморов, где мы ничего не видели, он замечал еле заметную сантиметровую жилку аплита, отороченную скарнами. Или же в монолитных серо-зеленых скарнах видел секущий тонюсенький прожилок, почти не отличимый по цвету диабаз. На рудниках и разведываемых месторождениях он всегда интересовался сугубо практическими вопросами эффективности разведки или добычи и мне приходилось видеть, как после беседы с ним руководители экспедиций отдавали приказы о перемещении буровых станков.

Его интересовала общая экономика района, по которому мы проезжали, заводы, дела колхозов, урожаи. Казалось, вообще ничего не ускользает от его внимания, а около него и мы полнее и глубже учились воспринимать окружающую нас жизнь.

В экспедиционных поездках Хабиб Мухамедович был исключительно прост. Он вместе с нами трясся на грузовых машинах, готовил для всех плов, ходил за водой на дальний родник, вместе с нами терпел очень неприятное соседство змей, фаланг и скорпионов, ел, не жалуясь, более чем скромную пищу. И все это с неизменными шутками.

Хочется отметить еще одну характерную черту Хабиба Мухамедовича, которую он старался привить и нам,— необыкновенную преданность науке и принципиальность к ней. Хабиб Мухамедович был большим государственным деятелем, но о науке он думал всегда. Мне приходилось сопровождать его в поездках, связанных с государственными заданиями, и всегда каждую свободную минуту он старался использовать для науки.

Он трудился даже в больнице. Все посещения его там неизменно кончались разговорами об очередных научных делах, программах организуемых совещаний, планах диссертаций его учеников, статьях и т. д. Множество посетителей он рассаживал по многочисленным больничным скамейкам и тут решал дела. Толь-

ко вмешательство главврача и Фатимы Кабуловны могло прервать этот «рабочий день».

Совсем незадолго до его смерти мы обсуждали с ним программу Среднеазиатского совещания по прогнозным и металлогеническим картам, тезисы наших докладов, работы сотрудников нашей лаборатории, строили планы на будущее.

Хабиб Мухамедович смотрел далеко вперед. И то, что он успел дать нам, его ученикам, пожалуй, трудно переоценить. Мы бесконечно долго будем жить его идеями, мыслями и всем тем, что принесло нам счастливое общение с ним. Ведь мы всегда видели в нем и научного руководителя, и наставника, и друга.

М. Кучукова

Кандидат геолого-минералогических наук

И УЧИТЕЛЬ, И ВОСПИТАТЕЛЬ, И ТОВАРИЩ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев был ученым с мировым именем, большим государственным деятелем, человеком с большим, горячим, чутким сердцем. Мне хочется поделиться своими впечатлениями о нем как о человеке.

Мимолетное мое знакомство с Хабибом Мухамедовичем состоялось в 1940 году, когда он работал на кафедре полезных ископаемых горфака Среднеазиатского индустриального института. Мы, тогда студенты, с большим уважением смотрели на него и удивлялись, что он уже доцент, хотя и очень молод. Первая моя деловая встреча с ним состоялась в 1941 году, когда он стал директором Института. В этот период проходила народная стройка Ташкентского канала. Все студенты нашего института принимали участие в строительстве. Мне тоже очень хотелось поехать, не отстать от товарищей, но у меня была больна мама. Хотя у нас была большая семья, но в то время два брата воевали на фронте, старшая сестра жила отдельно. Старшей из детей в доме оставалась я, кроме меня были еще три маленькие сестренки. Естественно, на младших сестер оставить больную маму я не могла, и поэтому обратилась в штаб нашего факультета, чтобы меня освободили от строительства, но получила холодный отказ. Тогда я решила пойти к директору, так как все педагоги и студенты говорили о нем как о чутком, отзывчивом человеке.

В приемной у Хабиба Мухамедовича было много народа. Когда я вошла к нему, то сильно волновалась и сбивчиво объяснила причину прихода. Хабиб Мухамедович посмотрел на меня сочувственно и сказал, чтобы я не волновалась, оставалась дома, а когда мама поправится, выехала на строительство Ташкентского канала.

Вторая моя встреча с Хабибом Мухамедовичем состоялась в 1943 году, когда он, будучи заместителем председателя Совнар-

кома УзССР, возглавлял в то же время государственную квалификационную комиссию горного факультета Института. Конечно, мы, дипломанты, перед защитой очень волновались, зная его строгость и требовательность как к себе, так и к окружающим. Но защита проходила в такой спокойной и дружеской обстановке, и Хабиб Мухамедович смотрел на дипломантов так подбадривающе и доброжелательно, что постепенно страх и волнение у нас исчезли.

Более близкое мое знакомство с Хабибом Мухамедовичем началось с 1944 года, когда я уже работала в Институте геологии УзССР младшим научным сотрудником. Однажды весной того года позвонил директор нашего института Вали Гафурович Гафуров и сказал, что со мной хочет побеседовать Хабиб Мухамедович Абдуллаев и что я должна явиться к нему в четыре часа в Совет Министров. Я очень разволновалась. Однако постаралась взять себя в руки и ровно в четыре уже сидела в приемной. Хабиб Мухамедович ждал меня. Когда я увидела его дружелюбно улыбающимся, мое волнение вовсе прошло. Он долго беседовал со мной, интересовался, чем занимаюсь, спрашивал о планах на будущее. И когда узнал, что хочу поступить в аспирантуру, сказал, что диссертацию можно написать и без этого, нужно только поработать, собрать материал. Хабиб Мухамедович рассказал мне о своих дальнейших планах и предложил работать с ним.

Несмотря на большую загруженность, он все время руководил научными исследованиями Института геологии АН УзССР (проблемой цветных и редких металлов). С 1944 года он занялся изучением геологии шеелитоносных скарнов в Средней Азии. Именно поэтому он предложил мне и Татьяне Мелентьевне Мацокиной работать вместе с ним. Я согласилась, так как еще будучи студенткой очень хотела заняться изучением скарново-шеелитовых месторождений. В то время вольфрам, наряду с другими металлами, был проблемой номер один, и особенно в Средней Азии в связи с открытием большого количества месторождений и рудопроявлений скарново-шеелитового типа.

Откровенно говоря, в первые годы работы я была плохим помощником Хабибу Мухамедовичу, так как у меня тяжело болела мать, и я в течение года ухаживала за ней. Хабиб Мухамедович все это время очень чутко относился ко мне, всегда при встрече не забывал поинтересоваться состоянием здоровья матери и не раз помогал в случае необходимости.

2 ноября 1945 года мама умерла. Все мы, сестры, были убиты горем. На лечение мамы мы истратили все средства и нам не на что было даже похоронить ее. Вечером после работы к нам зашла Татьяна Мелентьевна Мацокина. Она узнала обо всем, подбодрила меня и пошла прямо к Хабибу Мухамедовичу. В этот день он должен был вернуться из Москвы, где был в командировке в течение месяца по делам Госплана. Хабиб Му-

хамедович отнесся к моему горю очень участливо. Утром я и старшая сестра взяли радиоприемник и пошли сдавать в комиссионный магазин. Когда мы вернулись домой, нас ожидала Татьяна Мелентьевна; она принесла около 400 рублей. Хабиб Мухамедович успел утром позвонить в Институт и организовать помощь. Этот случай на всю жизнь остался в памяти нашей семьи. Мы до сегодняшнего дня с благодарностью вспоминаем ту огромную помощь и внимание, которые нам оказали Хабиб Мухамедович, Татьяна Мелентьевна и все товарищи из Института геологии.

У Хабиба Мухамедовича было очень много учеников. Он ко всем относился с большим вниманием, находил время с каждым побеседовать, проверить проделанную работу, просмотреть статьи, дать совет, помогал составить план и программу, развивал в каждом из нас творческую мысль. Будучи всегда требовательным к себе, он много требовал от своих учеников. Всегда советовал анализировать существующие идеи и представления, собирать факты, тщательно их анализировать без предвзятого мнения. Но когда он с нами встречался, его интересовала не только наша работа, но и настроение, личные дела и т. д. Несмотря на то, что по возрасту Хабиб Мухамедович был не на много старше нас, а многие были с ним почти ровесники, он вел себя как старший друг, как родной отец. Он нам очень много помогал не только в работе, но и в повседневных делах.

Особенно много Хабиб Мухамедович помогал моей семье, зная, что я без отца и матери воспитываю трех младших сестер и мы живем на мою зарплату младшего научного сотрудника, а также на небольшую персональную пенсию, которую сестренки получали за отца после смерти матери. Всегда при встрече со мной, куда бы он ни торопился, обязательно спрашивал, как идет учеба у моих сестренок, как здоровье и в чем нужна помощь.

Хабиб Мухамедович знал, что я никогда не отдыхаю из-за отсутствия средств. Однажды, уезжая на курорт, он попросил достать мне путевку в дом отдыха «Троицкий» за его счет. Я об этом ничего не знала и была очень удивлена, когда получила путевку.

Несмотря на перегруженность, Хабиб Мухамедович все же находил время для выезда на полевые работы со своими учениками. Мне вспоминается один полевой сезон. В 1948 году Татьяна Мелентьевна и я выехали в поле. Средств в Институте было мало, и мы не могли взять с собой рабочих. Нам нужно было собрать материал по вновь открытым скарново-шеелитовым рудопроявлениям гор Чакылкалян и по некоторым месторождениям Каратюбе. Вначале мы поехали в Чаштепе. Не успели там освоиться, обосноваться, как приехал Хабиб Мухамедович вместе с Х. Н. Баймухамедовым и К. Л. Бабаевым. Последние пробыли у нас несколько дней, осмотрели месторождения и уехали. Хабиб Мухамедович остался с нами, ходил в маршруты, докумен-

тировал горные выработки и т. д. В полевых условиях нам особенно приятно было с ним работать: он освобождался от государственных забот и посвящал себя только любимому делу. Вел себя Хабиб Мухамедович очень просто, не требовал никаких особых бытовых условий. Жил в палатке, днем уходил в поле, вечером вместе с нами готовил ужин и затем брался за камеральную обработку материалов. Пробыл с нами дней десять. За это время Хабиб Мухамедович убедился, что объем работы большой и часто Татьяне Мелентьевне и мне очень трудно без помощников. Уезжая, он ничего не сказал, но через три-четыре дня приехали два лаборанта, сотрудники нашего Института, и сказали, что их послал Хабиб Мухамедович.

Хабиб Мухамедович должен был приехать к нам еще раз, но мы не очень верили в это. Мы думали, что из-за своей загруженности он вряд ли сможет выбраться в поле. Рудопроявление Чаштепе было расположено в 18 *км* от проезжей дороги и в 8—9 *км* от тропы на Ургут, где в неделю раз, по выходным дням, бывали базары. Мы ездили туда, чтобы купить мясо, свежие овощи и фрукты. Но в один из выходных дней мы не поехали на базар, так как накопилось много камеральной работы. Решили одну неделю прожить за счет продуктов, имевшихся у нас. Неожиданно в тот день приехал Хабиб Мухамедович. Он, как всегда, привез фрукты, овощи, чудесные дыни, арбузы и несколько килограммов мяса. В первый его приезд геологи партии устроили товарищеский ужин и пригласили всех нас. Хабиб Мухамедович был очень гостеприимным человеком и поэтому, приехав к нам вторично, решил организовать ответный ужин.

Вечером, на следующий день после его приезда, вернувшись с работы, мы стали готовиться к приему гостей. Хабиб Мухамедович был главным поваром, готовил плов и руководил «сервировкой стола».

Закончив работу в Чакылкаляне, Хабиб Мухамедович поехал с нами в Каратюбе, где пробыл несколько дней, а затем вернулся в Ташкент.

Характерной чертой его была простота, заботливость о более слабом. Так, если ему выделяли лошадь, когда мы шли в маршрут, он от нее отказывался, уступая нам, а сам шел пешком. Если мы ехали на грузовой машине, всегда садился в кузов, уступая кабину мне или Татьяне Мелентьевне.

Хабиб Мухамедович был не только большим ученым и государственным деятелем, но и большим общественником, хорошим организатором. Мне вспоминается 1958 год, когда в Ташкенте проходило Второе всесоюзное петрографическое совещание. Оно было хорошо организовано. Участники совещания, собравшиеся со всего Советского Союза и из-за рубежа, до сих пор вспоминают гостеприимство Хабиба Мухамедовича, интересно проведенное совещание, хорошо организованные экскурсии.

Х. М. Абдуллаев создал в Средней Азии крупную научную металлогеническую школу. Под его непосредственным руководством защитили докторские диссертации ныне ведущие геологи Средней Азии — К. Л. Бабаев, Х. Н. Баймухамедов, И. М. Исамухамедов, И. Х. Хамрабаев и около 30 человек стали кандидатами наук. Воспитывая их, Хабиб Мухамедович всегда стремился расширить их кругозор, эрудицию. Где бы не проходили какие-либо совещания или семинары, он старался, чтобы как можно больше геологов Узбекистана приняли в них участие.

Надолго в моей памяти остались поездки на Всесоюзные металлогенические совещания в Алма-Ату и Киев. Помнится мне, что в Алма-Ате нам было выделено мало мест. Хабиб Мухамедович по телефону связался с оргкомитетом и добился дополнительных мест. В Алма-Ату наша узбекская делегация ехала дружно, целым вагоном. Почти то же самое было и при поездке в Киев.

Несмотря на то, что последнее время у Хабиба Мухамедовича было очень плохо со здоровьем, он не переставал заботиться обо всех, особенно, о своих учениках. Весной 1962 года, будучи тяжело больным, Хабиб Мухамедович мало думал о себе. Он очень беспокоился о лежавшем в то время в больнице в Душанбе его любимом ученике Маноне Хамидове. Он вызвал его в Ташкент, устроил в стационар и все время следил за ходом лечения. Хабиба Мухамедовича очень беспокоило, чтобы Манон в Ташкенте не чувствовал себя одиноким. Всех геологов, которые навещали его, он просил обязательно посетить больного Хамидова. Мы, его ученики, прежде чем идти к Хабибу Мухамедовичу, заходили к Манону, узнавали, как его здоровье, настроение, а затем шли к своему больному учителю. В свою очередь Манон тоже очень волновался за Хабиба Мухамедовича.

Последние дни Хабибу Мухамедовичу было очень плохо. Он почти ничего не мог есть, ему хотелось чего-то кислого. Особенно он любил коксултан. Нам всем хотелось сделать ему приятное, облегчить его мучения, поэтому прежде, чем идти к нему, мы прилагали все усилия, чтобы найти коксултан. Но не всегда его можно было достать на базаре. Мы нередко в этом случае обращались к помощи Манона. В стационаре, где он лежал, было много коксултана. Манон знал, что Хабиб Мухамедович его любит, и к нашему приходу он готовил большие пакеты.

Когда мы большой группой приходили к Хабибу Мухамедовичу в стационар, он очень радушно нас встречал. Мы старались беседовать с ним на отвлеченные темы, чтобы он меньше думал о своей болезни. Мне трудно забыть последнюю встречу. Это было 2 июня 1962 года, в субботу. Нина Александровна Платонова, его младший сын Рустам и я пришли к нему. Он был один, настроение у него было хорошее. Мы разговаривали с ним на разные темы, вспоминали последние игры нашей футбольной команды «Пахтакор». Потом Хабиб Мухамедович задумался,

вздохнул и сказал мне: «Вы знаете, Ляля, про меня написали, что вы все, мои ученики, меня не уважаете, не любите, но очень боитесь». Я его спросила: «А вы этому верите?» Он посмотрел на меня и ответил: «Нет!»

И действительно, как можно было этому верить! Мы, ученики Хабиба Мухамедовича, уважали и любили его как лучшего нашего друга, родного отца.

Прошло уже десять лет с тех пор, как не стало нашего учителя, но мы, его ученики, до сих пор вспоминаем о нем. Мне кажется, что Хабиба Мухамедовича не стало с нами только вчера. Когда у меня нелады, мне хочется спросить у него совета, когда маленькие успехи — поделиться своей радостью.

Хабиб Мухамедович ушел из жизни в расцвете творческих сил, но он оставил много учеников, которые продолжают начатое им дело и развивают геологическую науку. Он навсегда остался в моей памяти как живой. Таких, как он — не забывают.

Ф. Арипова

Кандидат технических наук

ЗАБОТА О ЖЕНЩИНАХ-СПЕЦИАЛИСТАХ

Я впервые встретила Хабиба Мухамедовича в 1940 году, когда училась на втором курсе горно-геологического факультета. Во время перемены он подошел ко мне и спросил, как идет учеба, нет ли затруднений в чем-либо. Он намеревался проводить консультации на узбекском языке, так как занятия проводились на русском языке, а я к тому же была единственной узбечкой среди нескольких сотен студентов. Он спросил, что побудило меня поступить на горный факультет. Эта специальность трудная, в особенности для женщин. Хабиб Мухамедович рекомендовал мне перейти на геологическую специальность, точнее на гидрогеологическое отделение. Я старалась ему доказать, что особых трудностей для себя, как будущий горный инженер, не вижу, что тяжелых условий в шахте не боюсь, и потому буду продолжать учиться на горном отделении. Хабиб Мухамедович удивился моему отчаянно-детскому поведению и огорченный ушел.

Уже из этого эпизода видно, что Хабиб Мухамедович заботился о женщинах-специалистах с самого начала своей трудовой деятельности. Несмотря на занятость, он и в дальнейшем постоянно заботился обо мне и других женщинах-специалистах. Под его руководством для меня были организованы специальные консультации на узбекском языке. Консультации проводили аспиранты и студенты старших курсов. В то время все занятия проводились на русском языке, национальных групп не было, и вообще студентов местных национальностей было мало. Я же очень плохо знала русский язык. Благодаря усиленной работе, при по-

мощи студентов нашей группы и при поддержке Хабиба Мухамедовича я постепенно изучила русский язык и стала хорошо понимать лекции и осваивать специальные предметы.

На третьем курсе, во время Отечественной войны, нас направили в Ангрен для проходки траншей первого угольного разреза. Тогда траншеи проходили ручным способом колхозники, мобилизованные из различных областей Узбекистана. Я и другие студенты работали десятниками.

В то время Хабиб Мухамедович был председателем Госплана республики. Однажды он приехал в Ангрен, чтобы познакомиться с проходкой траншей. Хабиб Мухамедович нашел время побеседовать со мной и при возвращении подвез меня на своей машине из Ангрена в Ташкент: мне надо было повидаться с родными и немного отдохнуть.

Когда я защитила диплом горного инженера, Хабиб Мухамедович был председателем Государственной экзаменационной комиссии горно-геологического факультета. После защиты он тепло поздравил меня.

Я тогда, конечно, не знала, что Хабиб Мухамедович посоветовал директору нашего Института С. Т. Тохтаходжаеву отметить выпуск первой узбечки — горного инженера и организовать выпускной вечер у меня дома, оказав материальную помощь.

Все это было во время войны, в августе 1944 года, когда не хватало ни продуктов, ни хлеба.

С. Т. Тохтаходжаев организовал вечер у нас дома, на вечер приехал Хабиб Мухамедович. Мне подарили часы.

После двухгодичной работы на производстве я поступила в аспирантуру на кафедру разработки месторождений полезных ископаемых горно-геологического факультета.

Однажды Хабиб Мухамедович спросил, как у меня идут дела. Я ему пожаловалась, что надо ехать на рудник, собирать материалы и проводить наблюдения в течение долгого времени, но в институте говорят, что для этого нет средств.

Хабиб Мухамедович тогда был вице-президентом АН УзССР. Он попросил директора Института геологии АН УзССР Курбана Латыповича Бабаева зачислить меня временно на работу и командировать на рудник. На основе собранных материалов я защитила кандидатскую диссертацию и стала доцентом нашей кафедры.

Читатель может подумать, что я родственница или очень хорошая знакомая Хабиба Мухамедовича. Нет, я была простой девушкой из бедной многодетной семьи и к Хабибу Мухамедовичу никакого родственного отношения не имела. Просто он очень заботился о женщинах-специалистах. Он болел душой за всех нас. Каждая женщина, которая с ним работала, и особенно специалисты — геологи и горнячки, могут рассказать не меньше, чем я, о том внимании, о той большой заботе, которую оказывал Х. М. Абдуллаев, считая, что становление культуры, становление

интеллигенции не может быть осуществлено без привлечения женщин к труду, без получения ими образования, без увеличения женщин-специалистов во всех отраслях народного хозяйства.

Хабиб Мухамедович интересовался и заботился не только о трудовой деятельности женщин-специалистов, но и о их личной жизни, счастье. Многие из его подопечных получили «благословение» своего наставника на брак, многие молодожены с его помощью обеспечивались квартирами.

Несмотря на огромную занятость, Хабиб Мухамедович всегда находил время вместе с женой, Фатимой Кабуловной, посещать семьи молодоженов, знакомился с домашними условиями своих друзей, учеников.

Хабиб Мухамедович требовал от своих товарищей, учеников и сотрудников уважения к женщине, особенно к жене. Он это делал не только на словах, а показывал личным примером. Он с большим уважением относился к своей жене, Фатиме Кабуловне, создавал все условия для ее счастья.

Хабиб Мухамедович не позволял своим друзьям приходить к нему в гости без жен. Если кто нарушал это правило, он отсылал за женой. Поэтому даже на различные вечера и сборы, туда, где присутствовал Хабиб Мухамедович и Фатима Кабуловна, друзья и знакомые президента приходили вместе с женами. Мы, женщины, радовались, отдыхали, наслаждались каждым таким вечером.

Когда Хабиб Мухамедович приходил к своим товарищам и ученикам, то всегда интересовался домашней обстановкой, оформлением стола для угощения. Он требовал, чтобы все было по-современному, без лишних хлопот и без ненужных устарелых традиций. Мы, хозяйки, с большим уважением относились к Хабибу Мухамедовичу и одновременно его боялись, переживали и волновались, нам было дорого его внимание, оценка им нашего труда.

Р. Мусин, И. Мирходжаев

Кандидаты геолого-минералогических наук

ХАБИБ МУХАМЕДОВИЧ АБДУЛЛАЕВ — ПЕДАГОГ

Авторы этих воспоминаний учились у Хабиба Мухамедовича в годы, когда он только начал педагогическую деятельность на кафедре проф. А. В. Королева и тогда, когда он стал руководителем крупной научной школы.

Анализируя его путь к вершинам науки, невольно приходишь к выводу, что методика его обучения и научного анализа основана на двух основных принципах. Первый — упорный и беззаветный труд, без ссылок на обстоятельства, неизменная любовь к избранной профессии; второй — стремление искать в науке такие

вопросы, которые пусть неясны, трудно разрешимы, спорны, но имеют большое народнохозяйственное значение. Этими принципами руководствовался он сам и предлагал нам — его ученикам.

Как и все преподаватели, Хабиб Мухамедович поначалу терялся, иногда затруднялся ответить на каверзные вопросы студентов. Затем постепенно вошел в роль, узнавал интересы, общую эрудицию и психологию студентов и читал хорошие лекции. Стал доцентом, профессором, заведующим созданной им кафедрой. По его замыслу следовало внести некоторые изменения в существующие программы подготовки геологов по специальности «Разведка полезных ископаемых». Для этого была выделена группа из разведчиков, которым предстояло специализироваться только по поискам. Курс методики разведки и поисков читался всем студентам и прежде, но Хабиб Мухамедович задумал готовить отдельно поисковиков на современной научной основе поисков — прогнозирования.

Таким образом, впервые в нашей стране была создана кафедра петрологии и металлогении на горном факультете Среднеазиатского политехнического института.

В создании новой кафедры, конечно, были и трудности. Не все считали эту «затею» своевременной и нужной. Скептическое отношение к металлогении наблюдается и сейчас. Это естественно и закономерно, особенно для периода бурного роста научных исследований, огромного притока геологов в науку. Одни исследователи пытаются глубже вскрыть металлогенические особенности территории, другие сильно упрощают задачу этой науки, вызывая, естественно, недоверие, непонимание.

Несмотря на все трудности, противоречия и нерешенные вопросы, металлогеническая наука успешно развивается, совершенствуется и постепенно увеличивает число своих приверженцев.

Именно современные достижения металлогении подтверждают правильность замыслов Хабиба Мухамедовича и свидетельствуют о его способности смотреть далеко вперед, в будущее научных направлений. Для развития нового направления требовалось и много другого — прежде всего, кадры, учебники и пособия.

Курс металлогении, изданный уже после смерти Х. М. Абдуллаева (том VI полного собрания сочинения) и удостоенный премии им. Беруни, студентам читался только по конспекту. Это создавало определенные трудности в преподавании. Студентам приходилось иногда повторять разделы или на практических занятиях подкреплять теоретические знания.

В подборе и подготовке кадров, помощников и аспирантов, так же как в выборе актуальных научных проблем, в умении предугадывать желания и мысли у Хабиба Мухамедовича были исключительные способности, возможно и прирожденные, но скорее всего — благоприобретенные из опыта руководства комсомольскими организациями в студенческие годы, а затем много-

летней работы в качестве завотделом ЦК КП Узбекистана, председателя Госплана, заместителя председателя Совета Министров Узбекской ССР, вице-президента и президента АН УзССР. Много, видимо, он перенял и у своего научного руководителя — профессора МГРИ Евгения Евгеньевича Захарова, обладающего острым, критическим умом.

Хабиб Мухамедович подбирал себе помощников и сотрудников прежде всего через аспирантуру. У него обучались около 30 аспирантов. Почти все завершили и успешно защитили диссертации. Некоторые из них под его руководством стали докторами наук.

Аспиранты учились у него в ходе подготовки к печати очередной его монографии, непосредственно участвуя в совместной с ним разработке некоторых отдельных вопросов. Самым хорошим уроком были те дискуссии, которые разворачивались вокруг его капитальных трудов.

Ценность его методов научных исследований заключалась именно в том, что они привлекали особое внимание, вызывая споры. В связи с этим уместно вспомнить слова выдающегося нашего физика Петра Леонидовича Капицы. Отвечая на вопросы журнала «Юность», он сказал: «Когда в какой-либо науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, эта наука идет по пути к кладбищу, она хоронит себя»... «За последние годы мы сделали колоссальный шаг вперед в этом направлении (имеется в виду обмен спорными мыслями). И все-таки мы еще плохо дисскутируем, без достаточного умения и культуры»... Петр Леонидович говорит и о праве каждого ученого ошибаться, и о том, что ошибки гениального человека так же поучительны, как и его достижения... «что ошибки не есть еще лженаука. Лженаука — это не признание ошибки».

Эти мысли П. Л. Капицы полностью относятся к Х. М. Абдуллаеву и к хорошо известной геологической общественной дискуссии по его монографии «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями». За эту монографию Х. М. Абдуллаеву в 1959 г. присуждена Ленинская премия.

Хабиб Мухамедович был весьма скуп на комплименты, редко выражал восторги, однако всегда оказывал необходимую помощь и интересовался личной жизнью друзей.

В полевых условиях академика Абдуллаева нельзя было отличить от рядового геолога. Он с большой охотой ел с нами печеную картошку, участвовал в приготовлении немудреного ужина. Шутя говорили, что у геологов больше всего развиты чувство коллективизма и черты члена коммунистического общества, где нет разницы в быте рабочего и академика.

Х. М. Абдуллаев в беседе с нами и другими своими учениками делился впечатлениями об участии в международных конгрессах. После конгресса в Мехико он признался, что был неправ, когда очень резко критиковал идеи некоторых американских ге-

ологов, и что его мнение изменилось после того, как американцы подробно, на материалах наблюдений доказали справедливость своих представлений. В связи с этим он не уставал повторять: «Не спешите опрометчиво опровергать мнения противников, а лучше ищите в них рациональное зерно и уясните себе, на каком основании они приходят к тому или иному выводу».

У Хабиба Мухамедовича было много учеников, но еще большее количество мечтало о том, чтобы стать ими.

Это объяснялось тем, что учитель никогда не допускал нравоучений, не навязывал своих идей. Он давал полную возможность ученикам работать и мыслить самостоятельно. Но прежде, чем дать такую свободу, он тщательно обдумывал планы работ аспирантов, советовался с другими учениками, узнавал их мнение. Таким образом, создавалась четкая программа исследований, намечалось их главнейшее направление.

В этом заключалось большое доверие к ученикам, вера в то, что они могут и должны решать сложные проблемы геологии. Такое доверие во много раз ценнее любых нравоучений и наставлений, оно мобилизовывало внимание учеников, утверждало веру в свои силы. Хочется отметить заслуги бессменной помощницы Х. М. Абдуллаева, большой труженицы, обаятельного человека Нины Александровны Платоновой. Мы, ученики Хабиба Мухамедовича, очень благодарны ей за большой труд, за огромную помощь не только Хабибу Мухамедовичу, но и многим из нас.

Нина Александровна стенографировала его речи, перепечатывала по нескольку раз рукописи. Причем, в эту, казалось бы чисто техническую работу, она вкладывала все свое внимание, старалась не допустить ни одной ошибки, искажения инициалов и фамилий авторов, геологических терминов.

Научные интересы Хабиба Мухамедовича были очень разнообразны, хотя главной проблемой он избрал вопросы петрологии, металлогении, рудообразования. О разнообразии интересов свидетельствуют и тематика монографий, и тематика диссертаций его многочисленных учеников.

Хабиб Мухамедович оставил богатое научное наследие. Мы считаем, что достигнем больших успехов, если сумеем своим трудом выполнить хотя бы небольшую долю исследований, намеченных Хабибом Мухамедовичем.

ДОКУМЕНТЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ Х. М. АБДУЛЛАЕВА:

— орден Трудового Красного Знамени за образцовое выполнение заданий Правительства по добыче и переработке нефти и обеспечение нефтепродуктами армии, промышленности и сельского хозяйства в трудных условиях военного времени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1944 года);

— орден Красной Звезды за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны по обеспечению военной промышленности металлом, освоению новых марок сталей и наращиванию мощностей (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1945 года);

— орден Красной Звезды за достижения в развитии сельского хозяйства (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 января 1946 года);

— орден Красной Звезды за достижения в развитии хлопководства и выполнение государственного плана заготовок хлопка из урожая 1946 года (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1947 года);

— орден Трудового Красного Знамени в связи с 25-летием образования Узбекской Советской Социалистической Республики и достигнутыми успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, искусства (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1950 года);

— орден «Знак Почета» за выслугу лет и безупречную работу (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 октября 1954 г.);

— орден Ленина за большую и плодотворную работу в деле развития хлопководства, за огромный труд, вложенный в строительство ирригационных сооружений, внедрение в колхозах и совхозах достижений науки и передового опыта, за успешное выполнение в 1956 г. государственного плана заготовок хлопка (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1957 года).

О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы в области науки и техники

Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники постановил:

I

Присудить Ленинские премии 1959 года за наиболее выдающиеся работы в области науки:

4. **Абдуллаеву** Хабибу Мухамедовичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, за научные работы о роли гранитоидов в постмагматическом рудообразовании, опубликованные в 1954 и 1957 гг.

Выписка из постановления ЦК КП Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР № 196 от 16 апреля 1970 года

О присуждении государственной премии Узбекской ССР имени Беруни в области науки и техники

Рассмотрев представление Комитета по государственным премиям Узбекской ССР имени Беруни, ЦК КП Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР п о с т а н о в л я ю т:

Присудить государственные премии Узбекской ССР имени Беруни 1970 года за выдающиеся работы в области науки и техники:

5. **Абдуллаеву** Х. М. (посмертно) — за работу «Металлогения — геологическая основа поисков месторождений полезных ископаемых».

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

Постановление

г. Москва 20 июня 1958 г.

Выписка 47. Утверждение произведенных Отделениями выборов членов-корреспондентов АН СССР

3) Об утверждении произведенных Отделением геолого-географических наук выборов членов-корреспондентов АН СССР

Общее собрание Академии наук СССР постановляет:

Утвердить произведенные Отделением геолого-географических наук выборы нижеследующих членов-корреспондентов АН СССР:

По специальности «геология» —

Абдуллаев Хабиб Мухамедович.

Президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов
Главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР академик А. В. Топчиев.

Х. М. АБДУЛЛАЕВ ИЗБРАН ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

На заседании членов Минералогического общества Великобритании от 31 марта 1960 года президент Академии наук Узбекской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии Х. М. Абдуллаев избран действительным членом этого общества. Избрание ученого состоялось по личному представлению президента Минералогического общества, директора департамента минералогии и петрологии Кембриджского университета профессора Тилли.

«Вестник Академии наук СССР».

ХАБИБ МУХАМЕДОВИЧ АБДУЛЛАЕВ

20 июня с. г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался видный советский ученый, член ЦК КП Узбекистана, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, академик Академии наук Узбекской ССР, лауреат Ленинской премии Хабиб Мухамедович Абдуллаев. В лице Х. М. Абдуллаева советская наука потеряла крупного ученого-геолога, общественного и государственного деятеля.

Х. М. Абдуллаев родился в 1912 году. В 1935 году, после окончания Среднеазиатского геологоразведочного института, он поступает в аспирантуру Московского геологоразведочного института. В 1939 году успешно защищает кандидатскую, а в 1946 году докторскую диссертации.

В 1943 году Х. М. Абдуллаев избирается членом-корреспондентом, а в 1947 году действительным членом Академии наук Узбекской ССР, в 1958 году — членом-корреспондентом Академии наук СССР.

С 1941 по 1956 год работал заведующим отделом ЦК КП Узбекистана, заместителем председателя Совета Министров Узбекской ССР, председателем Госплана Узбекской ССР. Он был депутатом Верховного Совета СССР V созыва, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Был делегатом XXI съезда КПСС. С 1956 года Х. М. Абдуллаев — член ЦК КП Узбекистана.

Х. М. Абдуллаев — один из организаторов научного центра республики — Академии наук Узбекской ССР. С 1947 года он был членом президиума, вице-президентом, с 1956 по 1961 год — президентом Академии наук Узбекской ССР.

Х. М. Абдуллаев проводил большую научную и педагогическую работу. Совмещая общественную и государственную деятельность, он вел важные научные исследования по рудным месторождениям Средней Азии. Им написано свыше 130 трудов. Научные заслуги Х. М. Абдуллаева отмечены Ленинской премией. Научная деятельность академика Х. М. Абдуллаева широко известна среди геологов не только нашей страны, но и за рубежом.

Х. М. Абдуллаев был председателем Научно-технического общества Узбекистана, Узбекистанского отделения Всесоюзного минералогического общества, Совета по изучению производительных сил республики Академии наук Узбекской ССР.

Х. М. Абдуллаев уделял большое внимание воспитанию и росту научных кадров, был чутким товарищем, охотно передавал молодежи свои знания и научный опыт.

Заслуги Х. М. Абдуллаева высоко оценены партией и правительством. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и медалями.

Светлая память о Хабибе Мухамедовиче Абдуллаеве будет всегда жить в наших сердцах.

Ш. Р. Рашидов, М. А. Абдуразаков, Г. А. Габриелянц, Р. К. Курбанов, М. М. Мусаханов, Г. Ф. Наймушин, Я. С. Насреддинова, З. Р. Рахимбабаева, Ф. Е. Титов, С. Н. Усманов, И. И. Федюнинский, И. П. Бурмистров, Н. В. Мартынов, К. М. Муртазаев, И. М. Нажесткин, С. А. Азимов, Х. И. Иргашев, И. В. Марцинюк, С. К. Зиядуллаев, С. Н. Нурутдинов, М. И. Ибрагимов, А. П. Каюмов, А. Н. Рудин, Т. А. Сарымсаков, Г. С. Султанов, А. А. Ходжаев, У. А. Арифов, С. В. Стародубцев, И. М. Муминов, М. З. Хамудханов, Х. Ф. Фазылов, Г. А. Мавлянов, А. М. Музафаров, Х. У. Усманов, В. И. Губин, В. Ю. Захидов, Н. И. Кенесарин, И. Х. Хамрабаев, А. М. Акрамходжаев, Х. С. Сулайманова, Т. Н. Кары-Ниязов, Н. В. Лавров, И. И. Атаханов, М. Т. Айбек, Х. Т. Туляганов, М. И. Ниязов.

«Правда Востока» от 21 июня 1962 г.

ПАМЯТИ Х. М. АБДУЛЛАЕВА

20 июня с. г. оборвалась жизнь доктора геолого-минералогических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР, члена КПСС Хабиба Мухамедовича Абдуллаева. Умер талантливый исследователь геологии и рудных месторождений Средней Азии, крупный организатор науки Узбекистана.

Х. М. Абдуллаев начал свои геологические исследования под руководством проф. А. В. Королева, будучи студентом старших курсов Среднеазиатского политехнического института, который он окончил в 1935 году в возрасте 23 лет. Свою научную квалификацию и опыт исследователя он закрепил, пройдя в Московском геологоразведочном институте под руководством проф. Е. Е. Захарова курс аспирантуры, завершившийся защитой кандидатской диссертации в 1939 году. Через семь лет он успешно защитил диссертацию на степень доктора геолого-минералогических наук, а на следующий год был утвержден в ученом звании профессора. В 1947 году Х. М. Абдуллаев был избран действительным членом Академии наук Узбекской ССР, а в 1958 году — членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Основное направление научных исследований Х. М. Абдуллаева было связано с изучением геологии эндогенных рудных место-

рождений, главным образом цветных и редких металлов Средней Азии. Его перу принадлежит свыше 80 опубликованных книг, статей и заметок по этой сложной и актуальной проблеме.

Вначале Х. М. Абдуллаев изучал рудоносные скарны Средней Азии. Генезис скарнов Лянгара освещен в его кандидатской диссертации, а особенности шеелитоносных скарнов Средней Азии рассмотрены в его докторской работе. Исследуя вопросы формирования скарновых месторождений, Х. М. Абдуллаев стремился показать ведущую роль процессов ассимиляции гранитной магмой карбонатных пород, приводящих к созданию адамеллит-гранодиорит-диоритовой серии, являющихся источником скарнообразующих постмагматических растворов. Он был сторонником реакционно-метасоматического генезиса скарнов, но не по схеме биметасоматоза между силикатными и карбонатными породами, а путем инфильтрации в области их контакта специфических скарнообразующих постмагматических погонов. При этом, по его представлению, скарновые месторождения образовывались в четыре стадии— собственно скарновую, кварцево-шеелитовую, кварцево-сульфидную и кварцевую — фиксируя общую схему эволюции состава скарнообразующих растворов. В связи с этим оруденение в скарнах имеет сопутствующий, следующий после силикатов или наложенный на силикаты характер.

Исследование генезиса скарновых месторождений, тесно связанных с массивами гранитоидных пород, естественно толкнуло мысль ученого к проблеме общих связей эндогенного оруденения с интрузиями. Этой теме посвящен ряд работ Х. М. Абдуллаева, обобщенных в монографии «Генетическая связь оруденения с гранитоидными интрузиями», вышедшей первым изданием в 1950 году, а вторым — в 1954 году. Под впечатлением геологического положения скарновых месторождений, плотно облегающих массивы гранитоидов, он считал, что все эндогенные месторождения своим источником имеют очаги постмагматических газогидротермальных растворов, возникающие на заключительных стадиях остывания порций магмы, формирующей такие массивы в верхних ярусах земной коры. Он исключал возможность образования изверженных пород и ассоциирующихся с ними эндогенных месторождений полезных ископаемых из единого магматического очага более глубоких сфер земной оболочки. Рассматривая влияние геологического окружения на образование магматических пород и постмагматического оруденения, Х. М. Абдуллаев вновь подчеркивал исключительное значение процессов ассимиляции и гибридизма. Он охарактеризовал петрохимические особенности карбонатной, алюмосиликатной и железо-магнезиальной ассимиляции в связи с рудообразованием. В соответствии с такой позицией Х. М. Абдуллаева в вопросе о генетической связи эндогенного рудообразования с магмой он естественно отрицал сколь-либо существенную роль крупных региональных разломов в формировании постмагматических месторождений и приписывал ведущее значе-

ние в размещении рудных тел местами локальным тектоническим структурам.

Следующая монография Х. М. Абдуллаева, вышедшая в свет в 1957 году, была посвящена анализу соотношений даек и эндогенных рудных месторождений. Автор выделил несколько групп даек, а именно: 1) апофизы интрузивов, 2) дайки, возникшие из остаточных расплавов этих интрузивов после их застывания, 3) дайки — малые интрузии, 4) субвулканические дайки и 5) дайки — корневые части эффузивов. Он пришел к выводу о длительном процессе образования различных семейств даек, возникающих до рудообразования, в процессе формирования рудных тел и после их создания.

Последние годы своей жизни Х. М. Абдуллаев, как и многие геологи нашей страны, увлекался исследованием металлогении. Показательна в этом отношении его книга «Магматизм и оруденение Средней Азии», вышедшая в 1960 г. к XXI сессии Международного геологического конгресса. В этой книге описаны магматизм и рудоносность зон развития палеозойской складчатости, зон палеозойской складчатости с наложенными мезозойскими эндогенными процессами и зон эпипалеозойских платформ, перекрытых мощным чехлом мезозойских и кайнозойских осадков. Для первой зоны, занимающей Северный, Средний и Южный Тянь-Шань, выделены области каледонского и герцинского магматизма и металлогении. Х. М. Абдуллаев уделял много внимания стадийному развитию изверженных пород и эндогенных месторождений для каждого цикла геологического развития. В связи с этим он выделял для каледонского, герцинского и альпийского циклов, выраженных на территории Средней Азии, ранний, или добатолитовый, средний, или батолитовый и поздний, или послебатолитовый этапы магматизма рудообразования. В книге подчеркиваются специфические особенности металлогении Средней Азии, обусловленные главным образом гранитной магмой средней и поздней стадий развития всех геологических циклов, и ее ассимиляцией разнообразных пород кровли.

Недавно Х. М. Абдуллаев выступал со своими взглядами по металлогении материков. Анализируя особенности металлогении платформ и геосинклинальных складчатых областей, он пришел к выводу о ведущей роли — для металлогении — типов и интенсивности тектонических движений, формирующих геологические структуры крупных зон земной коры. С этой точки зрения им охарактеризована металлогения разного типа платформ, а также активизированных геосинклиналей, полигеосинклиналей, подвижных полигеосинклиналей и моногеосинклиналей.

Научные работы Х. М. Абдуллаева отличаются острой, прямолинейной постановкой обсуждаемых в них вопросов. В них много дискуссионного, но в них нет равнодушия и обыденности, вызывающих гнетущую тоску при чтении. Вот почему вокруг многих его книг и статей возникали бурные споры, не утихающие до сих пор.

Х. М. Абдуллаев вел свои геологические исследования будучи постоянно обремененным большой научно-организационной работой; но и при этом он никогда не прерывал своих геологических исследований. Научная и научно-организационная деятельность Х. М. Абдуллаева были заслуженно отмечены правительством нашей страны. Он был награжден шестью орденами и рядом медалей Советского Союза, являлся депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, и депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КП Узбекистана.

Его кипучая разносторонняя деятельность надолго останется в памяти советских геологов.

Г. Д. Афанасьев, Г. П. Барсанов, К. А. Власов, Д. С. Коржинский, М. Ф. Мирчинк, Е. В. Павловский, А. В. Пейве, В. И. Смирнов, Ф. В. Чухров, Д. И. Щербаков, В. С. Яблоков.

«Известия АН СССР», серия геологическая, 1962.

ХАБИБ МУХАМЕДОВИЧ АБДУЛЛАЕВ

20 июня 1962 г. после продолжительной и тяжелой болезни, в расцвете творческих сил, на пятидесятом году жизни скончался один из виднейших специалистов в области учения о рудных месторождениях академик АН Узбекской ССР, член-корреспондент АН СССР Хабиб Мухамедович Абдуллаев.

Хабиб Мухамедович Абдуллаев родился в 1912 г. в г. Ош Киргизской ССР. Свою трудовую деятельность он начал с 12 лет рабочим, а в 17 лет назначается на руководящую комсомольскую работу.

В 1930 г. по путевке комсомола он поступил сначала на подготовительные курсы, а затем в Среднеазиатский геологоразведочный институт. По окончании вуза в 1935 г. Х. М. Абдуллаев работает некоторое время начальником геологоразведочной партии треста «Средазгеолразведка» и в том же году направляется в аспирантуру Московского геологоразведочного института. После успешной защиты кандидатской диссертации на тему: «Геологическое строение, минералогический состав и генезис Лянгарского месторождения вольфрамово-молибденовых руд в Узбекистане» Х. М. Абдуллаев в 1940 году был назначен доцентом кафедры полезных ископаемых горного факультета Среднеазиатского индустриального института. В 1941 г. он занял пост директора Среднеазиатского индустриального института, а вскоре был назначен зав.промотделом ЦК КПУз. В 1942 г. Х. М. Абдуллаев утверждается заместителем председателя Совета Министров Узбекской ССР, а с 1944 г. одновременно является председателем Госплана Узбекской ССР.

Наряду с большой ответственной государственной работой Х. М. Абдуллаев проводил плодотворные научные исследования в Геологическом институте Академии наук Узбекской ССР и педагогическую работу в Среднеазиатском индустриальном институте

(ныне ТАШПИ), где заведывал основанной им кафедрой петрологии и металлогении. В 1943 г. Х. М. Абдуллаев был избран членом-корреспондентом АН УзССР.

В мае 1946 г. в Институте геологических наук АН СССР Х. М. Абдуллаев защитил докторскую диссертацию, а в 1947 г. был утвержден в звании профессора, избран действительным членом АН УзССР и назначен на должность вице-президента АН УзССР, одновременно возглавлял Геологический институт. С 1952 по 1955 г. Х. М. Абдуллаев был председателем Отделения технических и геолого-химических наук. В 1956 г. Х. М. Абдуллаев избирается президентом АН УзССР. В 1958 г. Х. М. Абдуллаев избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1959 г. за комплекс научных трудов по проблеме генетическая связь оруденения с интрузиями Х. М. Абдуллаеву присуждается Ленинская премия.

Научная деятельность Х. М. Абдуллаева была разносторонней и в то же время направленной на разрешение важных проблем геологии рудных месторождений.

Список трудов Хабиба Мухамедовича включает более 130 наименований, в том числе шесть крупных монографий.

Среди них особое значение имеют: «Геология шеелитоносных скарнов Средней Азии» (1947), «Очерки по металлогении Средней Азии» (1949), «Генетическая связь оруденения с интрузиями» (1950, 1954 гг.), «Дайки и оруденение» (1957).

В отмеченных изданиях Х. М. Абдуллаевым проанализированы критерии генетической связи постмагматического оруденения с гранитоидами, показана роль ассимиляционных процессов как одного из факторов петрохимической специализации гранитной магмы и постмагматических растворов, намечены генетические ряды месторождений, дана их классификация.

При активном участии и под руководством Х. М. Абдуллаева в 1958 г. опубликована коллективная монография «Основные черты магматизма и металлогении Чаткало-Кураминских гор», а в 1960 г. — монография Хабиба Мухамедовича «Магматизм и металлогения Средней Азии».

В 1961 г. на правах рукописи выпущена последняя монография Х. М. Абдуллаева «Рудно-петрографические провинции и вопросы их классификации», в которой автор попытался рассмотреть явления тектогенеза, магмагенеза, литогенеза и рудогенеза в их взаимосвязи и взаимообусловленности, с учетом качественных и количественных особенностей, на фоне развития во времени и пространстве. Эта работа привлекла внимание геологической общественности. Будучи тяжело больным, Хабиб Мухамедович продолжал работать над совершенствованием этой монографии, наметил план подготовки второго ее раздела (тома).

Хабиб Мухамедович принимал участие в разработке главнейших научных направлений в области геологии как в Академии наук, так и в производственно-геологических организациях. Он

смело поддерживал все новое и прогрессивное и помогал в решении наиболее сложных и принципиальных вопросов.

Х. М. Абдуллаев — один из организаторов научного центра республики — Академии наук Узбекской ССР. При его непосредственном участии в течение 3—4 лет в Ташкенте были организованы Среднеазиатский институт минерального сырья (САИГИМС), Институт геологии и разработки нефтяных и газовых месторождений (ИГИРНИГМ), Институт гидрогеологии и инженерной геологии (ГИДРОИНГЕО). Тем самым была создана научно-техническая база для развертывания крупных научных исследований не только в Узбекистане, но и во всей Средней Азии.

Поистине можно поражаться той огромной энергии и работоспособности, которые были присущи Хабибу Мухамедовичу. Одновременно с государственной и научной работой он принимал активное участие в общественных мероприятиях: был редактором различных монографий и сборников, периодических научных и научно-популярных журналов, а также бессменным председателем научно-технических обществ и комитетов. Он являлся членом Высшей аттестационной комиссии, а также членом Комитета по присуждению Ленинских премий.

Х. М. Абдуллаев много сил отдавал подготовке инженеров-геологов и научных работников Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии, многие из которых успешно защитили диссертации и удостоены научных степеней кандидатов и докторов наук. В результате большая группа геологов, развивающая основные научные идеи Х. М. Абдуллаева, объединилась в крупную научную школу.

Научные труды Хабиба Мухамедовича высоко оценены как советскими, так и зарубежными геологами. Ряд его работ переведен на немецкий, английский и китайский языки. Он был членом геологического общества Франции (с 1960 г.) и действительным членом минералогического общества Великобритании (с 1960 г.). В составе различных делегаций он выезжал в Китай, Индию, Чехословакию, Швейцарию, Францию, Великобританию, Мексику.

С 1928 по 1939 г. Х. М. Абдуллаев был членом ВЛКСМ, с 1939 г. — кандидатом в члены ВКП(б), а с апреля 1941 г.—членом ВКП(б). В 1956 г. он избирается членом ЦК КП Узбекистана. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, депутатом Верховного Совета СССР V созыва, депутатом XXI съезда КПСС.

Советское правительство высоко оценило заслуги Х. М. Абдуллаева, наградив его орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и медалями.

Всю свою неисчерпаемую творческую энергию до последних лет жизни Хабиб Мухамедович отдал развитию народного хозяйства Узбекистана, изучению и освоению богатств недр Средней Азии.

Отличаясь широким кругозором, большой целеустремленностью, смелостью и остротой мышления, он разрешал сложные народнохозяйственные и геологические проблемы, чем завоевал заслуженный авторитет не только у советских геологов, но и за рубежом. Он был пытливым исследователем-новатором, чутким и дальновидным руководителем и энергичным организатором.

Яркий образ Хабиба Мухамедовича Абдуллаева — талантливого исследователя, организатора и педагога — навсегда сохранится в сердцах всех знавших его.

А. Б. Баталов, О. М. Борисов, Г. А. Мавлянов, Р. А. Мусин, И. Х. Хамрабаев, Х. Н. Баймухамедов.

«Узбекский геологический журнал», 1962.

21 июня 1962 г. № 443 г. Ташкент

ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Х. М. АБДУЛЛАЕВА

В целях увековечения памяти члена ЦК КП Узбекистана, члена-корреспондента Академии наук СССР, академика Академии наук Узбекской ССР, лауреата Ленинской премии Хабиба Мухамедовича Абдуллаева ЦК КП Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР п о с т а н о в л я ю т:

1. Присвоить имя Х. М. Абдуллаева Институту геологии Академии наук Узбекской ССР.
2. Установить в здании Ташкентского политехнического института и Института геологии Академии наук Узбекской ССР, где учился и работал Х. М. Абдуллаев, мемориальные доски.
3. Поручить Президиуму Академии наук Узбекской ССР издать в 1963—1964 гг. собрание сочинений Х. М. Абдуллаева.
4. Посвятить часть одного выпуска Узбекского геологического журнала памяти Х. М. Абдуллаева.
5. Установить на могиле Х. М. Абдуллаева памятник с соответствующей надписью.

Секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р а ш и д о в.
Председатель Совета Министров Узбекистана Р. К у р б а н о в.

Выписка из протокола сессии исполнительного комитета Улугбекского поселкового Совета депутатов трудящихся Орджоникидзевского района Ташкентской области пгт. Улугбек «12» VIII 1963 г.

С л у ш а л и: Ходатайство жителей Строительной улицы поселка Улугбек о переименовании Строительной улицы на улицу имени покойного президента Академии наук Узбекской ССР,

члена-корреспондента Академии наук СССР, действительного члена Академии наук Узбекской ССР, доктора геолого-минералогических наук, профессора Абдуллаева Хабиба Мухамедовича.

Учитывая, что Абдуллаев Хабиб Мухамедович был одним из основателей Института ядерной физики и основателем поселка Улугбек и много сделал для создания и благоустройства жилого поселка, следует увековечить его память.

Данное письмо обсуждалось на заседании постоянной комиссии поссовета, и комиссия ходатайствует перед исполкомом об удовлетворении просьбы жителей Строительной улицы.

Исполком постановляет:

В целях сохранения памяти основателя поселка Абдуллаева Х. М. удовлетворить просьбу граждан и впредь именовать улицу Строительную улицей имени академика Абдуллаева Х. М.

Председатель (Негматжанов)
Секретарь (Мельниченко)

Выписка из решения исполкома Араванского райсовета депутатов трудящихся с. Араван № 168-а от 11 июля 1968 г.

О переименовании улицы райцентра с. Араван

Рассмотрев ходатайство общего собрания колхозников колхоза им. XXII Партсъезда о присвоении центральной улице колхоза им. XXII Партсъезда им. Хабиба **Абдуллаева,** Исполком райсовета депутатов трудящихся решил:

1. Присвоить центральной улице колхоза им. XXII Партсъезда (проходящей от центрального универмага до головного ирригационного сооружения на р. Араван) имя академика Хабиба Абдуллаева.

Председатель исполкома Араванского райсовета депутатов трудящихся (Н. Караев)
Секретарь исполкома Араванского райсовета депутатов трудящихся (Т. Муминов)

Исполнительный Комитет Ошского Городского Совета депутатов трудящихся

Решение № 349

О переименовании ул. Колхозной г. Ош

Рассмотрев ходатайства и пожелания жителей ул. Колхозной о переименовании ее на улицу имени Хабиба Абдуллаева, уроженца города Ош, члена-корреспондента Академии наук Узбекской

ССР, лауреата Ленинской премии, скончавшегося в расцвете трудовой деятельности, на 50-м году жизни, исполком Ошского городского Совета депутатов трудящихся решил:

1. В целях увековечения памяти члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Ленинской премии тов. АБДУЛЛАЕВА ХАБИБА удовлетворить просьбу жителей ул. Колхозной и переименовать улицу Колхозную на улицу им. Хабиба Абдуллаева.

Председатель исполкома Ошского городского Совета депутатов трудящихся (А. Джумабаев).
Секретарь исполкома Ошского городского совета депутатов трудящихся (Л. Симонович).

В связи с кончиной Х. М. Абдуллаева в адрес Академии наук УзССР, Министерства геологии УзССР и семьи покойного поступило около 400 телеграмм с выражением соболезнования. Были получены телеграммы от Президиума академии наук СССР и Президиумов 14 республиканских Академий наук, от коллективов научно-исследовательских геологических институтов, от Министерства геологии СССР и геологических министерств и управлений союзных республик, от ряда геологических трестов и экспедиций.

Свои соболезнования выразили также Министерство высшего и среднего специального образования СССР и многие ВУЗы нашей страны. Получены телеграммы от многих крупных ученых.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР выражает глубокое соболезнование в связи с безвременной кончиной крупного ученого, члена-корреспондента АН СССР, академика АН Узбекской ССР Хабиба Мухамедовича Абдуллаева.

МИН ВУЗ СССР Елютин

Глубокоуважаемая Фатима Кабуловна, Отделение геолого-географических наук Академии наук СССР просит принять глубокое соболезнование по поводу кончины дорогого Хабиба Мухамедовича.

Академик Щербаков

Руководство, партийная и профсоюзная организации треста КАРШИНЕФТЕГАЗОРАЗВЕДКА просят передать от имени всех нефтегазразведчиков соболезнование семье и товарищам по работе Хабиба Мухамедовича Абдуллаева по поводу его безвременной кончины. Нефтегазоразведчики склоняют головы над могилой видного ученого Узбекистана с мировым именем и обещают усилить работу по открытию новых месторождений нефти и газа, тем самым обогатить нашу любимую Родину, к чему стремился и над чем работал незабываемый Хабиб Мухамедович Абдуллаев.

Кушниров, Лыков, Грищенко, Феденко, Ходжаев, Джораев

Геологоразведчики Украины глубоко скорбят о преждевременной кончине виднейшего ученого Абдуллаева Хабиба Мухамедовича, внесшего неоценимый вклад в геологическую службу страны. Прошу передать и от меня лично соболезнование коллегии ГЛАВГЕОЛОГИИ Украины.

Надежин

С глубоким прискорбием узнали о безвременной кончине крупнейшего ученого нашей страны, большого патриота Родины, обаятельного человека, верного друга, дорогого Хабиба Мухамедовича Абдуллаева. Хабиб Мухамедович был близок всем ученым-геологам Азербайджана и пользовался неизменным авторитетом среди них. Смерть его является большой утратой для советской геологической науки, разделяем горе ученых братского Узбекистана и приносим глубокое соболезнование семье Хабиба Мухамедовича и Президиуму Академии наук Узбекистана.

Директор АЗНИИ по добыче нефти академик Ализаде

Коллектив Московского геологоразведочного института выражает глубокое соболезнование коллективу Геологического института Узбекской Академии наук в связи с безвременной кончиной выдающегося ученого геолога, бывшего воспитанника кафедры полезных ископаемых МГРИ Абдуллаева Хабиба Мухамедовича. Просим передать наше соболезнование семье покойного.

Ректор МГРИ профессор Павлинов,
зав. кафедрой полезных ископаемых профессор Захаров

Вместе с вами глубоко скорбим о кончине выдающегося советского ученого, виднейшего исследователя в области петрологии и минеральных месторождений, крупного общественного деятеля, лауреата Ленинской премии, академика Хабиба Мухамедовича Абдуллаева. Выражаем искреннее соболезнование коллективу ученых Средней Азии и семье покойного.

Коржинский,
Жариков, Логинов, Шабынин и другие.

Глубоко скорбим по поводу кончины выдающегося ученого, коммуниста, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента Академии наук Союза, академика Узбекской Академии Хабиба Мухамедовича Абдуллаева.

Трофимук, Соболев, Яншин, Фотиади,
Кузнецов, Косыгин.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

Краткий биографический очерк

Хабиб Абдуллаев 9

Воспоминания

В. Наливкин. Сын народа — президент академии 23
Д. Коржинский. Общепризнанный ученый 25
П. Антропов. Ученый и государственный деятель 26
И. Додонов. Мои воспоминания 29
Д. Щербаков. Памяти выдающегося ученого 35
К. Бедринцев. Он был организатором науки 39
Х. Туляганов. Х. М. Абдуллаев — один из создателей геологической службы в Узбекистане 42
А. Акрамходжаев. Человек достойный уважения 47
О. Борисов. 9 лет с Хабибом Мухамедовичем 52
А. Садыков. Инициатор науки 59
А. Музафаров. Он живет в наших сердцах 61
Г. Дзоценидзе, Г. Твалчрелидзе. Дорогой наш человек . . 63
К. Ализаде. Память сердца 65
Т. Чолпанкулов. Выдающийся геолог 67
Р. Баратов. Вклад в геологию Таджикистана 70
М. Адышев. Его богатое наследие 72
Г. Мавлянов. Страницы жизни 74
А. Уклонский. Ученый-самородок 81
Н. Божко. Я был его заместителем 84
Х. Рахматуллин. Человек большого размаха 88
В. Кабулов. Он понимал людей 92
И. Хамрабаев. Сочетание качеств 94
С. Бабаходжаев. Ученый, педагог и государственный деятель . . 95
Я. Туракулов. Патриот науки 99
Г. Заридзе. Он всегда держался гордо 102
А. Алимов. Жизнь Хабиба Абдуллаева — пример для каждого. . 104
М. Файзиев. Его высокая культура 105
Р. Аминова. Первый лауреат 106
В. Бугаев. Президент Академии 108
А. Захидов. Талант руководителя 113

М. Набиев. Наше давнее знакомство 115
М. Мухамеджанов. Его образ незабываем 116
Н. Лавров. Отчет перед другом 120
А. Каленов, М. Калганов. Память о нем велика 122
М. Кашкай. Воспоминания о друге 126
В. Гарьковец. Мой дорогой товарищ 128
Я. Гулямов. Наши встречи 132
Ф. Абдуллаева. Моя жизнь 136
Ф. Кальницкая. О его воле и характере 141
Н. Платонова. Я знала его 18 лет 142
Х. Баймухамедов. Х. М. Абдуллаев и советская металлогения . . 144
Т. Мацокина-Воронич. Руководитель и друг 147
М. Кучукова. И учитель, и воспитатель и товарищ 152
Ф. Арипова. Забота о женщинах-специалистах 157
Р. Мусин, И. Мирходжаев. Хабиб Мухамедович Абдуллаев—педагог 159
Документы. 163

КОЛЛЕКТИВ

Хабиб Мухамедович Абдуллаев
Жизнь и деятельность

Утверждено к печати Ученым Советом Института геологии и геофизики им. Х. М. Абдуллаева, Отделением «Науки о Земле» АН УзССР

Редактор *В. В. Акимов*
Художник *П. Хапилин*
Технический редактор *М. Сухарева*
Корректор *Л. Гурьянова*

Р04778. Сдано в набор 31/VIII—1972 г. Подписано к печати 29/IX—1972 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 1. бум л. 5,625. п.л. 11,25. Уч. изд. 10,7. Изд. № 924. Тираж 2000. Цена 1 р 35 к.

Типография Изд-ва „Фан" УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Заказ 195.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

481